

Точаток Століття

АЛЬМАНАХ
2016

Точапок століття

Творчі
шукання
співробітників,
викладачів
і студентів
Харківського
національного
медичного
університету

Альманах

Харків
2016

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)

ББК 74.58+84+85(4УКР)

П 65

Редакційна група: С.О. Краснікова (гол.редактор), Л.В. Фоміна (заст.гол. ред.),
І.В. Летік (відп.секр.), Н.Ф. Дмитрієнко, І.В. Запорожець

Концепт-дизайн: В. Ск!п

Затверджено Вченою радою ХНМУ
(*Протокол № 14 від 22.12.2016*)

Альманах започатковано у 2011р. ректором ХНМУ, доктором медичних наук, професором, членом-кореспондентом НАМН України Володимиром Миколайовичем Лісовим

П 65 **Начало** века. Початок століття. Творчі шукання співробітників, викладачів і студентів Харківського національного медичного університету : альманах / редкол. С.О.Краснікова, Л.В.Фоміна, І.В.Летік та ін . – Харків : ХНМУ, 2016. – 96 с.: іл.

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, які переповнюють душу, висловлюють повагу та любов до Батьківщини.

Рекомендовано широкому колу читачів.

Мова: українська, російська

УДК 379.825:7:8]-051:378.4(477)
ББК 74.58+84+85(4УКР)

© Харківський національний медичний університет, 2016
© «Майстерня Ск!п!в», дизайн, 2016

Точка століття

Шановні друзі, колеги!

Ви тримаєте в руках п'ятий, ювілейний, випуск альманаху «Начало века».

Коли ми розпочинали цей проект, не думали, що він стане таким затребуваним. Мабуть, це не випадково, враховуючи, що медики — люди особливі, долучені до таємних глибин буття. Творчість у всіх сферах життя — це їх особлива риса, бо саме творчість є для лікаря можливістю виказати особисті переживання від щоденної боротьби з бідою, людськими стражданнями, зняти своє психологічне напруження.

Кожного року до нашого альманаху надходять творчі доробки нових і нових авторів (їх уже понад двохсот). Саме завдяки ним альманах набув популярності, вийшовши за межі нашого університету. Сьогодні серед учасників альманаху не тільки лікарі, студенти-медики, співробітники університету, а й професійні митці.

Звичайно, і всі ми, читачі, теж учасники альманаху. Ми пишаємося доробками своїх колег та учнів, а їх творчість надихає всіх нас на подальші висоти і в роботі, і в мистецтві.

З повагою
В.М. Лісовий

Поезія,
проза

Алина Абрамова

Студентка 3 курса II медицинского факультета

Народилась в м. Макіївка Донецької області. З раннього дитинства захоплювалася творчістю українських поетів та письменників. Писати вірші почала в дев'ятому класі. Не можу уявити своє життя без літератури та медицини. Мрію, що коли стану лікарем, зможу врятувати безліч життів. Бо життя – це найдорожчий скарб кожної людини.

Реквием

I

Худое тело, белая палата.
Сквозь тишину - приборов тонкий писк.
Стоят врачи, как будто в белых латах...
Герои, что опять пойдут на риск.

Он отказной - так значилось в медкарте.
Но как отчаянно ему хотелось жить!
Обнять отца, увидеть старших братьев.
И маме свой хотел рисунок подарить...

Второй уж год вокруг - больницы стены.
И запах, что нельзя ни с чем сравнить.
По всем рукам - исколотые вены.
Сплошной кошмар... Как хочется забыть...

Поставили диагноз слишком поздно,
И сложно было что-то предпринять.
На покрывало градом лились слезы -
Как будто навсегда прощалась с сыном мать...

Но тут забрезжил слабый луч надежды:
На практику приехал новый врач.
Он, облаченный в белые одежды,
Сам шел туда, откуда слышал плач.

Глазам предстала страшная картина -
В постели была тень - не человек.
Худой мальчишка, меж бровей морщина,
От слабости не мог поднять он век...

Хирург вздохнул и заглянул в медкарту.
«Шанс минимальный. Я его беру.»

А мать спросила: «Может быть, не надо?»
Мальчишка шепчет: «Все равно умру.

Берите, доктор. Ну а вдруг спасете?
Вы для меня - на жизнь последний шанс.
Вы, будто рыцарь, в мир добро несете,
Надежду дарите таким, как я сейчас.»

«Ты не умрешь, тебе я обещаю,» -
Ответил врач и вышел в коридор.
Стоял он, слезы на халат роняя,
И в никуда на миг потупил взор.

«На утро операцию назначим,
Готовьтесь,» - кратко сестрам сообщил.
А пред глазами все стоял тот мальчик.
Как мало видел он, как много пережил...

II

«Он выживет! Сестра, подайте скальпель!
Почти закончили, еще совсем чуть-чуть!»
Стекает кровь узором алых капель
И катится слеза сестре на грудь...

Вмешательство проведено успешно.
Почти. Больной не пережил наркоз.
Не захотел назад он в мир наш грешный
Прийти из мира вечных, светлых грез.

Ну а хирург, придя домой со смены,
Парнишки вспомнил грустные глаза,
До синяков исколотые вены...
Как жаль, что жизнь нельзя переписать.

**Заведуюча кафедрой філософії,
соціології і медичинської соціології,
професор, доктор філософських наук**

Поэзия – дом бытия человеческой души. Состояние этого дома зависит от того, что мы в него привносим: радость или печаль, любовь или ненависть, слезы или улыбку... от того, что воплощается в поэтической форме. Люди всегда стремились к прекрасному. И поэзия – одна из форм передачи всего, что есть прекрасного в этом мире и что способно облагородить человеческую душу, настроить ее на восприятие тончайших нитей, из которых создается красота человека и окружающего мира, в котором он живет.

Алла Алексеев

Загубилась серед трьох світів
І не знаю, до якого лине серце;
Макрокосм – то велич без межі,
Що охоплює собою все єдине.

Мікрокосм – таємниця душі –
Не завжди її почувеш і побачиш.
Іноді все зробиш навпаки,
Душу доведеш свою до плачу.

Стерпить вона біль і негарзди,
Сподіваючись, що зміниться все враз,
Все чекатиме й нікому не розкаже,
Як її образили й не раз.

Прагне вона миру й досконалості,
Жити у гармонії й любові...
Не турбують її людські заздрощі,
Дивиться на них, як на окупи.

Третій світ – таємний, особливий,
В Біблії той символічний світ,
Мудрецю відкриє він ті смисли,
До яких так довго-довго йти.

Він стає щасливим в своїй долі
Прагне пізнавати світ людей,
Жити у гармонії й любові,
Щоб підняти до божественних ідей.

Як мені світи ці поєднати,
Як знайти в них істину свою?
Відповідь шукаю на питання,
Що бентежать в снах і наяву.

Жіночі очі – ненависть й кохання,
Жіночі очі – полум'я душі,
Жіночі очі – радість і страждання,
Жіночі очі – погляд з глибини.

В них шепіт листя, гомін журавлиний,
Та в них горить палаючий вогонь,
І здатність захистити всю родину,
Щоб раптом не потрапила в полон.

Жіночі очі – блискавка на небі.
Жіночі очі – квіти навесні.
Палають наче грона горобини
І поглинають смуток із душі.

В них спів дівочий і палке кохання,
Безмежна материнська в них любов,
Що здатна захистити до останнього
Свою родину і своїх діток.

В них криється велика таємниця,
Яку ніхто не здатний розгадати.
В очах тих чиста вода з криниці,
Яка дає нам спрагу вгамувати.

Знову спогади душу бентежать,
Знову пам'ять не знає спокою.
Наяву поринаю в безмежність
І життя, і минулої долі.

Більшість років уже пролетіли,
Сивина мою голову вкрила.
Не одразу душа зрозуміла,
Що потроху зомліли і крила.

І не можуть піднятися до сонця,
І не можуть злетіти до неба,
А як хочеться рано-вранці
Відчинити своє віконце.

І побачити світ жаданий,
Теплий дощик, що тихо летіє,
А на небі веселка-райдуга
Всіма барвами зверху сміється.

І до танцю веселого кличе,
І замріяно стрічки малює,
Зазирає тобі в обличчя,
І любов свою шири дарує.

Коли настане час останній
Мені прожить на цій землі,
Я привітаю сонце вранці,
Зберу у гості друзів всіх.

І заспіваю тихо пісню
Свого минулого життя,
Не буде у тій пісні суму,
Не буде в ній і каяття.

Завжди я людям дарувала
Свою відвертість і тепло,
Завжди в душі я шанувала
Тих, з ким життя мене звело.

Не знаю я, але чомусь
Людей я добрих зустрічала:
Ніхто із них не відвернувся,
Коли душа моя страждала.

За це я вдячна їм завжди,
За них я Богу помолюся,
Щоб відпустив він всім гріхи,
А я їм до землі вклонюся.

Як знайти ту внутрішню людину,
Про яку писав Скворорода,
До якої у лиху годину
Прагне наше серце і душа.

Як знайти божественну світлицю,
У якій живе моя душа –
Чи зустрінусь я з її очима?
Чи покаюсь у своїх гріхах?

Живемо під впливом цього світу,
Все кудись й за чимось біжимо,
І немає іноді хвилини,
Щоб душі віддати все тепло.

Все її частіше забуваємо.
І живе вона як сирота,
Все прощає нам і всіх прощає,
Завжди милосердна, хоч й сумна.

Але щось змінилось в житті нашім –
Чи прийшла недуга, чи печаль?
Раптом ми шукаймо душу нашу,
Не завжди знаходимо – а жаль!

Відійшла вона на певну відстань,
Загубилась в повсякденному житті,
Адже ми над нею не замислились,
Не поспілкувалися в тиші.

Не згадали про таємну сутність,
Про страждання, що їй надали,
І забули про її присутність,
Про велику значущість її.

І стоїть душа осторонь тіла,
І несе на плечах хрест важкий.
Боже мій, не дай ти їй загинуть!
Боже мій, врятуй і збережи!

Куда исчезло женское начало,
И кто его, когда похоронил?
Ведь, кажется, оно существовало? –
Для этого Бог Еву сотворил.

Нас уравнило время и эпоха,
И мы вдруг перестали отмечать
Величье женщины, что ей дано от Бога,
Величье матери, какое не отнять.

«Я Вас любил. Любовь еще бать может...» –
До боли всем известные слова.
В них голос Пушкина и голос той эпохи,
Что приклонялась пред любовью волшебства.

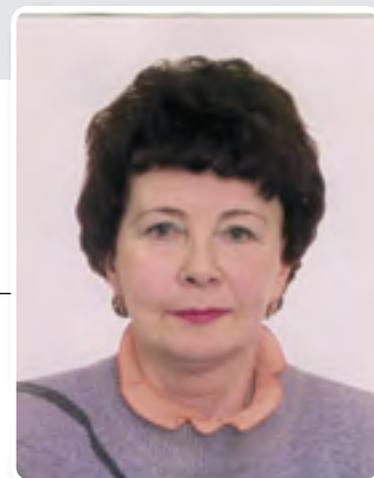
Прошла эпоха, изменилось время,
Другие нравы в жизни и в любви.
Но голос Пушкина взывает к поколениям
Не предавать любовь, ее мечты.

Кандидат медицинских наук, заслуженный врач Украины, выпускница ХМИ 1960 г.

Работала заведующей женской консультацией 3-го родильного дома, начмедом по акушерству и гинекологии 11 больницы, главным врачом эндокринологической клиники ГУ «Институт проблем эндокринной патологии им. В.Я. Данилевского» НАМН Украины. В настоящее время на заслуженном отдыхе. Последние годы увлекается поэзией и прозой.

Маргарита Бирюкова

Жребий брошен —
важное или смелое решение принято.
Alea iacta est.

ЕСТЬ ЛИ БОГ В КОСМИЧЕСКОМ МИРОЗДАНИИ?

Москва. 15 мая 1972 года. Я стою возле авиакассы и собираюсь приобрести билет на самолёт домой, в Харьков, на 16 или 17 мая, на рейс в 11–00.

Мой срочный и непредвиденный приезд в Москву был обусловлен чрезвычайным обстоятельством — неожиданной и скоростной смертью моего отца Иванова Владимира Ивановича.

Смерть его наступила дома, мгновенно, 13 мая 1972 года. В этот день он уже находился в тарифном отпуске и они с моей мамой собирались именно в этот день уезжать в мамин наследственный дом в посёлок Южный Харьковской области.

Я прилетела в Москву в ночь на 14 мая. В этот же день его похоронили, после чего в их квартире по улице Шербаковской состоялись поминки — многие сотрудники работали с ним долгие годы, уважали и ценили за коммуникабельность, профессионализм и покладистый характер (он занимал должность ведущего инженера в научно-исследовательском институте нефтепромышленности, имел много печатных работ). В 1972 году ему исполнилось всего 59 лет!

На следующий день я решила взять билет на обратный рейс — ведь я отпросилась с работы всего на 2–3 дня. Вначале я твёрдо решила

уехать 16 мая, но в самый последний момент совершенно произвольно, подсознательно, заказываю билет на 17 мая. Получив билет, я вначале даже не сообразила, что остаюсь ещё на 1 день. А позже пришла к выводу, что обстоятельства складываются даже к лучшему — я смогу ещё 1 день побыть с мамой, которая была буквально в шоке от смерти любимого мужа, помочь ей во всех ритуальных мероприятиях и многочисленных домашних заботах. И действительно, моё присутствие помогло маме в какой-то мере справиться с моральным потрясением.

Я благополучно прилетела в Харьков 17 мая рейсом в 11–00.

А вечером во всеобщих новостях передали, что рейс 11–00 16 мая 1972 года потерпел аварию и разбился, не долетев до Харькова 15 километров — возле села Русская Лозовая Дергачёвского района. Погибли команда самолёта и все пассажиры!

Услышав это сообщение, я буквально окаменела и долго не могла прийти в себя. Что заставило меня взять билет на 17, а не на 16 мая? Чувство долга перед мамой, подсознательное желание помочь ей как можно дольше после тяжёлой утраты или какие-то потусторонние силы подсказали мне это решение? Или, как каждому человеку, мне не суждено было погибнуть в данной авиакатастрофе, так как я ещё не выполнила своего земного предназначения?

До настоящего времени этот вопрос неясен. Но думаю, что существуют какие-то высшие влияния, которые люди называют Богом, определяющие наше бытие и продолжительность нашей жизни. Возможно, это как бы благодарность и компенсация за мою искреннюю заботу, сочувствие и стремление помочь маме в тя-

жёлую минуту, именно в то время, когда на неё обрушилось непоправимое горе и требовалась неотложная помощь родных людей.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ (нефункциональные обязанности)

Моя медицинская жизнь сложилась таким образом, что именно в «лихие» 90-е годы мне довелось руководить клиникой Института проблем эндокринной патологии им. В.Я. Данилевского (современное название), в тот период подчинявшегося Министерству здравоохранения Украины. И именно в начале 90-х годов Министерство, являющееся нашим единственным финансистом, вдруг прекращает перечислять деньги на питание больных. Такая ситуация оказалась и в лечебных учреждениях областного и городского подчинения. Но если городским больным могут принести еду родственники, то в нашем стационаре, где 70–80% составляют приезжие пациенты, кормить их некому. Вначале мы все — и администрация института, и я, как непосредственный руководитель, находились в растерянности — запас продуктов составлял не более, чем на несколько дней. Как найти выход из положения?

Решение нашёл коллектив стационара — на общем собрании все единодушно предложили самим изыскивать возможности для обеспечения хоть минимального питания больных. Все понимали, что если пациенты не будут получать питание, то перестанут ехать к нам. А если будет мало пациентов, то стационар не выполнит план койко-дней. Следующий шаг — сокращение количества коек (а стационар и так небольшой — всего 140 коек) и, как следствие, сокращение штатов.

Я лично ежегодно славала отчёты по клинике в Минздраве и видела, что у нашего финансового куратора на столе лежит документ — список всех подчинённых лечебных учреждений с указанием процента выполнения плана койко-дней. А напротив тех учреждений, где план не был выполнен, уже стояли восклицательные знаки. И каждый раз куратор удивлялась:

– Как вам удаётся выполнять план?

На это я отвечала с иронией:

– Значит, хорошо работаем!

У меня создавалось впечатление, что над нами Минздрав выполняет какой-то эксперимент — выживут без денег на питание или не выживут? В эти годы как раз началась первая волна так называемой «оптимизации» лечебных учреждений — красивое слово прикрывало просто ликвидацию. Кстати, и до настоящего времени такие волны оптимизации периодически про-

должаются.

Но коллектив стационара клиники решил бороться. В эту борьбу включились все: научные сотрудники, заведующие отделениями, практические врачи стационара и консультативной поликлиники, медицинские сёстры и даже санитарки. Каждый вносил свою лепту в общее дело.

В нашем стационаре постоянными пациентами являлись многие сильные мира сего — председатели колхозов, совхозов, райпотребсоюзов, заводов, работники райисполкомов (бывшие партийные деятели), налоговой службы и т.д. Они лечились у нас ежегодно (на ответственной работе сахарный диабет является «профессиональным» заболеванием) и были заинтересованы в сохранении прежнего статуса стационара. Заведующие отделениями и лечащие врачи ненавязчиво информировали таких влиятельных пациентов о нашем критическом положении, и они, без особых просьб, начали нам помогать. Кто-то привёз грузовую машину капусты, кто-то — машину картофеля, кто-то прислал своего сотрудника с половиной коровьей туши, кто-то подарил краску для ремонта. Информация передавалась от одного больного другому, и новые пациенты уже при поступлении приезжали с какими-то продуктами для клиники.

Большинство наших медицинских сестёр и санитарок, особенно проживающие в селе Русская Лозовая, имели и имеют свои огороды. Приезжая на свою смену, они стали привозить сумками и вёдрами различные овощи, выращенные собственными руками.

Все привезенные и подаренные продукты обязательно официально приходовались в присутствии заместителя по экономике и диетсестры.

Однако такие эпизодические подаяния не могли обеспечить ежедневное более или менее приличное регулярное питание больных. Надо было переходить к более активным действиям. И наши предприимчивые заведующие, примерно с 1993 года, начали договариваться с руководителями различных хозяйств о выездах в их организации и проведении специализированных осмотров сотрудников. Этими выездами достигались две цели — заработок продуктов и выявление эндокринных больных с последующим их лечением в стационаре клиники.

Наиболее активно работали в этом направлении заведующий научным хирургическим отделением к.м.н. Юрий Иванович Караченцев, заведующая вторым эндокринологическим отделением Тамара Александровна Ручко (Чепель), научный сотрудник к.м.н. Нонна Александровна Кравчун. Причём Юрий Иванович не только организовывал, но и сам постоянно выезжал, находясь в трёх ипостасях: руководитель бригады, специалист-хирург и водитель личного автомобиля.

В данном кратком очерке я не имею возможность перечислить и описать все выезды всех бригад, которые систематически продолжались до 2000 года. С 2001 года наш институт передали под руководство Академии Медицинских Наук Украины и финансирование улучшилось. Но я могу отметить лидеров, которые выполнили наибольшее количество выездов и тем самым принесли наибольшую помощь клинике.

Лидерство по количеству и продолжительности выездов принадлежит хирургу Ю.И. Караченцеву, эндокринологу Н.А. Кравчун, специалисту ультразвуковой диагностики Ольге Владимировне Тяжёловой, эндокринологу, она же и специалист ультразвуковой диагностики Марине Александровне Балюк, диагносту к.б.н. Ирине Всеволодовне Гопкаловой и мне, как руководителю клиники и специалисту гинекологу-эндокринологу. Все члены бригады имели при себе соответствующие документы-договоры и необходимую аппаратуру — переносной ультразвуковой аппарат «Алока-500», компьютер для диагностики новой на то время программы по Накатани и гинекологические наборы в достаточном количестве.

Все учреждения и предприятия расплачивались с нами каким-то количеством продуктов: муки, сахара, круп, комбикорма (даже зарабатывать комбикорм для питания экспериментальных животных в виварии института приходилось сотрудникам клиники!). Соответствующие расценки разработал плановый отдел института, однако нам, врачам, не имеющим финансового образования, оказалось трудно проводить точные расчёты. Но мы старались учитывать весь объём проведенной работы, предоставляя отчёты заказчикам и руководству института.

Чтобы не тратить время и бензин на повторные поездки за заработанными продуктами, Юрий Иванович был вынужден брать и прицеп, так как весь багажник его автомобиля загружался громоздкой аппаратурой и нашими личными вещами — обычно выезд продолжался 2–3 суток. После приезда в Харьков Юрий Иванович развозил нас по домам, так как мы возвращались не ранее 22–23 часов (все мы жили в разных концах города), а затем завозил мешки с продуктами в стационар, где дежурные санитарки их разгружали. Несмотря на то, что в таких поездках мы не соблюдали никаких норм рабочего времени (уезжали в 5–6 часов утра, работали по 9–12 часов, приезжали ночью), на следующий день все находились на своих рабочих местах с 8–9 часов утра.

Все поездки были крайне утомительными — не только из-за большого объёма работы, но и из-за совершенного несоблюдения режима дня и ночи, из-за неблагоприятных условий ночлега, из-за нарушений питания. Для иллю-

страции опишу два наиболее интересных и в какой-то мере комических случая.

Выезд в райпотребсоюз города Карловки Полтавской области в сентябре 1997 года. Казалось бы, вначале всё складывалось благополучно. Нас хорошо встретили, предоставили для работы большое здание пустующего универсама, мне помогли медицинская сестра и санитарка, вечером нас накормили. После окончания первого дня работы нас повезли ночевать в пустующее общежитие какого-то завода. Мы приехали поздно вечером, в темноте. Перед нами — одноэтажное старинное длинное здание с толстыми каменными стенами, с маленькими окнами, сырое, холодное — напоминает монашеские кельи. Нам, женщинам, отвели комнату с тремя кроватями и совершенно сырым постельным бельём. Под потолком горит тусклая лампочка на голом шнуре. Деревянный грязный туалет — во дворе. Нам дежурная, как само собой разумеющееся, принесла ведро для физиологических нужд. В конце длинного коридора — давно не мытые умывальники с холодной водой. Юрия Ивановича поселили в комнате напротив.

В общем, когда мы несколько освоились, нам эта обстановка весьма не понравилась. Но выхода не было, надо как-то устроиться и пытаться отдохнуть. Каждый раз, когда мы ехали в неизвестную обстановку, я брала с собой электрокипяtilьник, специальную кружку, чашку, ложку, свечку, спички, грелку, маленький походный фен, термос с чаем и фонарик. Юрий Иванович всегда иронизировал:

— А свечку Вы не забыли взять?

И наконец он был посрамлён — туалет во дворе, рядом — какое-то болото, вокруг тьма непроглядная, бегают громадная собака (дежурная говорит — «Вы не бойтесь, она не укусит!?»). Конечно, мы идём процессией — я со свечкой впереди (почему-то фонарик вышел из строя), за мной Марина Александровна Балюк и Ирина Всеволодовна Гопкалова. Свечку держим по очереди. Через полчаса в двери нашей комнаты голова Юрия Ивановича:

— Дайте свечу, во дворе темно.

Конечно, мы ему дали и свечку, и согрели чай, и дали бутерброд. И даже дали ему фен, чтобы он подсушил влажное бельё в своей постели. Но после этого случая Юрий Иванович уже не насмехался над моими плюшкинскими привычками.

Несмотря на спартанские условия, мы за день работы так устали, что буквально свалились в кровати. Следующим вечером, отработав ещё один целый день в здании универсама и погрузив в прицеп мешки с заработанными продуктами, мы благополучно уехали в Харьков.

Второй случай запомнился из-за того, что это

оказался единственный раз, когда сломалась автомашина. Наша бригада — Юрий Иванович за рулём, Марина Александровна Балюк, Ирина Всеволодовна Гопкалова и я поздно вечером возвращались из города Чутово Полтавской области (1997 год). Машина перегружена — в багажнике аппаратура и наши дорожные сумки с вещами (мы выезжали на 3–4 дня). В прицепе — мешки с сахаром, мукой и крупой. В салоне — мы и наши маленькие дорожные сумки. Конец марта, но погода довольно прохладная, срывается мелкий снежок. Мы уже подъезжаем к Песочину, и вдруг впереди, в свете фар, прямо перед машиной на шоссе возникает что-то очень большое (как позже оказалось — сбитая кем-то овчарка). Юрий Иванович не успел затормозить или объехать, машина дном зацепила эту мёртвую собаку, под днищем что-то оборвалось ... и мы остановились!

И вот картина — мы выгружаем всю аппаратуру и сумки на асфальт, Юрий Иванович полностью залезает в багажник, при свете фонарика пытается найти и исправить поломку. Звонит знакомому мастеру, тот даёт указания по телефону (в те годы уже появились первые мобильные телефоны). Мы стоим вокруг, постепенно замерзаем. Невдалеке светятся огни заправки, в темноте виднеются какие-то дома.

И вдруг из этой темноты появляется стайка местных подростков — их привлекла стоящая на дороге автомашина. Мы понимаем, что они могут быстро разворовать всё наше и клиническое имущество. И все мы, три женщины, поворачиваемся к ним и громко и уверенно говорим:

– Ребята, уходите от греха подальше. Мы все врачи-хирурги, у нас с собой много инструментария, в том числе и ножи. Смотрите, чтобы вы не нарвались на эти ножи!

Они вначале остановились, затем о чём-то посоветовались и, слава Богу, ушли. Мы же испугались больше них, так как явно блефовали — у меня в руках был только скальпель, который я всегда носила с собой в сумке, да и хватило бы смелости кого-либо ударить ножом? Но внешне мы не только не показали нашего испуга, а даже стали наступать и оттеснять их от машины.

В конце концов, самостоятельно починить поломку Юрию Ивановичу не удалось. Пришлось вызывать подмогу. Примерно через час приехал муж Марины Александровны Александр Владимирович Балюк, отбуксировал машину к освещённой заправке и попросил дежурного присмотреть. Мы же с аппаратурой перебрались в машину Александра Владимировича, и он нас развёз по домам. Вся эпопея закончилась примерно в 2–3 часа ночи. Вот во время этого происшествия и пригодился мой горячий чай в термосе и бутерброды!

Прошли годы... Усилия сотрудников помогли сохранить статус клиники, количество коек и штатное; расписание. Юрий Иванович Караченцев в 1999 году был избран директором Института, защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора и Заслуженного деятеля науки и техники Украины, в настоящее время он также является заведующим кафедрой эндокринологии и детской эндокринологии Харьковской медицинской академии последипломного образования (ХМАПО).

Заслуженный врач Украины (2003) Нонна Александровна Кравчун в 2007 году защитила докторскую диссертацию, в 2009 году ей присвоено звание профессора, а с 2010 года она занимает должность заместителя директора института по научной работе и продолжает руководить научным отделением фармакотерапии эндокринных заболеваний. В течение 16 лет выполняла общественную обязанность главного внештатного эндокринолога Управления здравоохранения Харьковской областной государственной администрации.

Марина Александровна Балюк вначале завела первым эндокринологическим отделением, защитила кандидатскую диссертацию, а в 2006 году назначена заведующей консультативной поликлиникой института. Благодаря её усилиям в настоящее время консультативная поликлиника представляет собой современное не только диагностическое, но и лечебное подразделение с новообразованным дневным стационаром. В 2015 году ей присвоено звание «Заслуженный врач Украины».

Продолжает свою трудовую деятельность энергичная заведующая кабинетом ультразвуковой диагностики и рентгенологии, обладательница двух высших врачебных категорий Ольга Владимировна Тяжёлова, имея в своём распоряжении современную диагностическую аппаратуру.

Старший научный сотрудник хирургического отделения Ирина Всеволодовна Гопкалова заканчивает докторскую диссертацию, являясь инициатором внедрения новых, фундаментальных методов диагностики и лечения больных с заболеваниями щитовидной и поджелудочной желёз (сахарный диабет).

Оценивая ретроспективно вышеизложенную ситуацию, могу утверждать, что большинство наших благодетелей-спонсоров являлись пионерами модного в последние годы волонёрского движения, различными способами помогая бедной медицине выжить и даже развиваться. Несмотря на почти постоянные бытовые сложности, специалисты клиники оказывали и продолжают оказывать эндокринным больным высококвалифицированную специализированную помощь не только в стационаре и консультатив-

ной поликлинике, но и выполняя медицинскую и организационную деятельность на местах — в областных городах Левобережной Украины, в районных центрах, в различных учреждениях и на предприятиях.

РОДЫ НА ПОДВОДЕ

Ранняя весна 1961 года...

По распоряжению главного врача 3-го родильного дома г. Харькова Сафроновой Евгении Ивановны меня, зелёного, неопытного врача акушера-гинеколога, окончившего медицинский институт в июле 1960 года и не обучавшегося в не существующей в те годы интернатуре, направляют в командировку на один месяц в участковую больницу села Алексеевка Харьковской области. Там по каким-то причинам отсутствует специалист. Село Алексеевка Первомайского района находится в 6 километрах к востоку от железнодорожной станции Лихачёво Южной железной дороги, на берегу маленькой речушки Берека.

Участковая больница, рассчитанная на 75 коек, представляла собой два старых одноэтажных здания — поликлиника и стационар. Гинекологическое и родильное отделения занимали одно крыло здания, рассчитаны всего на 25 коек.

Поселяют меня в здании поликлиники, в физиотерапевтическом кабинете. Работать мне предстоит именно в стационаре, а в поликлинике приём больных осуществляет местный врач-гинеколог пенсионного возраста.

Для меня, 23-летнего молодого специалиста, этот период работы оказался настоящей школой постижения выбранной профессии и одновременно школой выживания. Поскольку я жила в здании больницы, то никакого ограничения рабочего времени не существовало — меня вызывали в любое время суток по любому поводу. Спасением явилось наличие высококвалифицированных акушеров, иногда решающих мелкие несложные вопросы самостоятельно.

Однако из всей многочисленной производственной работы в моей памяти остался один эксклюзивный случай.

...Секретарь главного врача сообщила, что поступил экстренный вызов в село Берека — у женщины начались роды, но довезти её не могут, так как после дождя грунтовые дороги оказались непроезжими. И вот на больничном УАЗике мы с водителем, прихватив необходимый набор инструментов и медикаментов, выезжаем в село. Вокруг — степь, грязь, моросит

дождь. Старенький вездеход с трудом преодолевает путь. Примерно на половине дороги встречаем подводу, запряжённую лошадьми, на которой лежит укрытая одеялом женщина и рядом сидит её муж. Оказывается, они не стали ожидать приезда врача, нашли в селе подводу и лошадь.

— А почему не подождали? — спрашиваю я.

— Так ребёнок уже почти родился, — отвечает женщина.

Я не могу понять, как это — «почти родился?». Снимаю одеяло и вижу... о ужас! ... родившиеся ножки ребёнка. При виде такого зрелища у меня буквально душа ушла в пятки. Однако необходимо было принимать срочное адекватное решение. Что делать? Я лихорадочно начала восстанавливать в памяти институтские знания по акушерству. Быстро прослушала сердцебиение плода — есть! Обработала руки, произвела осмотр роженицы — открытие матки полное, однако головка ребёнка застряла из-за её разгибания.

Мне не оставалось ничего другого, как применить необходимое пособие для осторожного сгибания головки и извлечения плода. Я понимала, что ожидать приезда в больницу, на которое может потребоваться около часа, чревато неблагоприятными последствиями — возможно мертворождение.

Однако свершилось поистине чудо — ребёнок через 30–40 секунд закричал! И только после этого я поняла, что держу в своих руках нового человека, новую родившуюся жизнь!

Мы с водителем и мужем женщины осторожно перенесли её и закутанного в пелёнки ребёнка в автомашину и умчались в больницу. В конце концов, вся эта история закончилась благополучно — и ребёнок, и мать остались живы и даже не простудились, несмотря на дождь — ведь всё-таки наступила весна, да и у женщины данные роды были уже третьими.

Но после этого случая я долго не могла прийти в себя и удивлялась — как я, врач с девятилетним стажем работы, смогла решиться и сумела выполнить одно из сложнейших акушерских пособий в родах, да на подводе, в степи, под моросящим дождём и среди размытых грязных дорог!

По-видимому, долг врача и клятва Гиппократова оказались сильнее моего страха и неопытности, что позволило мобилизоваться и принять единственное правильное в данной ситуации решение.

За два дня до отпуска...

За два дня до отпуска даже на опостылевшей работе все улыбается. Погода прекрасная, солнце еще не жаркое поутру, небо ясное и потому, привычным быстрым шагом, в который уже раз преодолел знакомую до боли дистанцию. Шел, «расфокусировав» зрение, так, что лица людей сливались, но пятна машин видны были абсолютно отчетливо. Беззлобно обругал водителя, проехавшего «зебру» на зеленый свет, поздоровался коротко с вахтершей, которая услужливо открывала ворота перед автомобилями коллег.

В маленьком «кабинетике» — ну а как иначе назвать это пеналообразное помещение, окна которого выходили на солнечную сторону, — было до невозможности душно. Намеренно устроил сквозняк, чтобы хоть как-то справиться с привычной проблемой, накинул халат, сменил обувь в том полуавтоматическом режиме, который отличает опытного человека от неопита форума, присоединился к коллегам, торопившимся на планерку в конференц-зал.

Ох уж эти планерки, кто их придумал? Но привычка, выработанная годами, волею неволей, заставляла считать день, начавшийся не таким тривиальным способом, до странности неполноценным. Он уселся на привычное место, кому-то улыбнулся, пожал протянутую реаниматологом руку, «на автопилоте» освеломился о здоровье...

— Скоро в отпуск?

— Да, осталось слать несколько «историй». Завтра передам парочку больных, не успел написать, и все...

— Это здорово, а мне еще две недели пахать.

— Ну, это тоже не срок, поверь.

Солнце ощутимо грело затылок, все же июнь, и под монотонное чтение какого-то нудного официального документа, которое устроил «главный» после коротких рапортов заведующих отделениями, он неожиданно почувствовал легкую слабость, мимолетное, непривычное стеснение в груди и, опустив голову на сложенные руки, закрыл глаза.

Я сидел в сквере «Победы» в метрах 100 от «бахчичураевского» фонтана и Зеркальной струи. Утренний час пик уже миновал, как и за-

кончившийся несколько ранее час собачьего моциона. Свежеудобренные братьями нашими меньшими газоны выглядели вполне прилично, молодая майская зелень уже давала вполне достаточную тень, чтобы без напряжения работать с лэптоп-ом.

Я живу как раз на 50-й параллели на улице Чернышевской в Харькове. Параллель, как это ни странно, проходит точь-в-точь по моей спальне, так, что кровать, располагаясь вдоль нее, позволяет мне спать ногами к Японии, а головой к Европе. Мне кажется, что в силу этого я классическим образом разделяю судьбу страны, в которой родился — головой стремлюсь в Европу, а ноги идут на Восток, отчего и приключаются всякого рода политико-социальные напряженности в параумбиликальной области...

Я на несколько секунд отвлекся от глупых мыслей этих из-за резкого звука тормозов, который донесся с Мироносишкой, где не так давно без всякой помпы исчезла известная с давних времен табличка «стучать здесь», а следом, как-то совсем буднично, с серой стены известного учреждения вчистую пропал барельеф «железного Феликса».

— Вы позволите присесть? — услышал я донельзя предупредительное.

— Да, конечно, располагайтесь. Сегодня, наконец, тепло и сухо.

Я мельком оглядел соседа по парковой лавочке. Отметил добротную старомодность костюма и — профессионально — показавшуюся нездоровой бледность и дряблость кожи, какая бывает у людей по разным причинам резко похудевших.

— Простите за назойливость, но вы позволите отнять у вас несколько минут?

— Да, пожалуйста, пока это меня никоим образом не отвлечет, — удивляясь излишней предупредительности, ответил осторожно.

— Я достаточно давно не был в нашем городе, и мне многое незнакомо. Вот старый центр в целом узнаваем, правда, эти странные сооружения — это современные архитектурные формы, надо полагать?

Я про себя прикинул, как любят выражаться студенты, возможный возраст собеседника и, не привязываясь к пришедшим на ум датам, инертным тоном ответил:

— Здесь многое изменилось за последние годы. Да и война оставила по себе печальную память, я недавно смотрел видео — страшные впечатления, просто руины оставались от города.

— Как забавно вы выразились о синемаатографе, простите, я перебил...

— Да! Город наш трижды переходил из рук в руки, и разрушения были ужасными, ошеломляющими...

— Это печально слышать, но, знаете, ведь и люди... — я проследил его взгляд, — так, боясь обидеть, смотрят на калек. Молодой человек, оживленно жестикулируя, разговаривал по мобильному телефону. Гарнитуры практически не было видно, и я сразу понял и принял удивление незнакомца.

— Вам не кажется, — продолжил он, — что на улицах излишне много людей со, как бы сказать... странностями. Конечно же, такая терпимость делает нашему обществу честь.

Мой собеседник запнулся, но я тут же пришел на помощь...

— Не беспокойтесь, он просто разговаривает по мобильному телефону...

— Ах, это теперь... такие маленькие трубки Бэлла?! Удивительно, донельзя, а я уж было подумал...

И в этот момент, словно прохладный ветерок вдоль позвоночника, предчувствие необычного и волнующего посетило меня.

— Впрочем, как бы не менялся окружающий мир, наши барышни остаются, безусловно, самыми прекрасными, — мой собеседник, явно оживившись, проводил восхищенным взглядом группу молоденьких девчонок, стайкой экзотических рыбок спешащих к корпусу университета, где в былые времена располагался обком комсомола, про который они, молодые и беззаботные, разумеется, ничего не знали.

— Похоже, что вы достаточно давно не были в городе, — продолжил я становившийся все более интригующим разговор.

— Да, несомненно... Удивительно, но я нигде не увидел буквы «ять», она видно напрочь исчезла из словесности, а в свое время я изрядно над ней попотел.

— Это правда. Современному человеку достаточно трудно освоить былые грамматические правила. Хотя мы вполне бегло читаем старую литературу, если в этом возникает потребность, — я решил, что мой собеседник филолог, правда, на редкость странный филолог...

— Вы уж простите, но уважьте старого человека... Вы, без сомнения, лекарь? — и я поразился неожиданно тонкой его наблюдательности.

— Да! Хотя не представляю, каким образом вы пришли к такому умозаключению.

— О-о... Ну, это маленькая профессиональная тайна. Расположить к себе собеседника или пациента одним словом, одним росчерком пера, если хотите. Это во все времена много значило в нашей профессии.

Я кивнул, а мой vis-a-vis смутно и кротко улыбнулся, отчего его лицо помолодело, и продолжил...

— У меня была практика и кабинет в этом городе, не так далеко отсюда, в соседнем квартале от рентгеновского кабинета доктора Григорьева...

И тут я невольно вздрогнул, что не ускользнуло от внимательно взгляда собеседника моего.

— Вы были знакомы? — очень буднично, как о чем-то разумеющемся, продолжил он.

— Не довелось как-то, — заметил я и, осторожно нащупывая почву под ногами, завершил фразу, — Сергей Петрович достаточно давно умер безвременно, и я никак не мог...

— Простите, я увлекся немного, еще раз извините. Не обращайтесь внимания. А как насчет саркомы, лечат эту скверную хворь ныне?

Тут мне в голову, как и полагается, полезли мысли ивовсе дикие. Мол, «Стрелечье» закрыли снова, и странности моего собеседника вовсе не удивительны, и разговоры подобные вполне материалистически объяснимы.

— Похоже, я вас неприятно поразил, — заметил незнакомец, тонко подметивший мимику, которую никак не скроешь, — только вопрос последний далеко не праздный.

— Видите ли... Я действительно доктор, но не онколог, хотя мы сейчас все узнаем, что называется из последних уст.

Я, наконец, открыл ноутбук, который через десяток секунд воспроизвел майкрософтовский матчиш, и экран ожил. Вещественность компьютера живо вернула меня в реальность, так бывает, когда, завершая долгий заплыв, нащупываешь под ногами твердое дно. Я быстро зашел в google, набрал «саркома» и, подобрав современную статью, повернул экран так, чтобы было удобно видеть собеседнику.

— Вот ведь как получается, — после нескольких минут, которые потребовались моему собеседнику на ознакомление, заметил он, — никогда не упускал из виду, что прогресс дело удивительное и то, что на Всемирной выставке в Париже было новинкой, уже давно вошло в повседневную жизнь.

Он вновь погрузился в чтение, а я, стараясь не мешать, все пытался разгадать загадку, которую, несомненно, представлял мой собеседник.

— Простите, а как перевернуть страницу? — я без лишних слов показал это нехитрое действие... — Ах, как же все просто, — он неловко повторил движение, — не откажите в любезности, вы мне подскажите, несколько терминов

ускользнули от моего понимания. Вот, например, классификация по TNM, это?

— Tumor, nodulis, metastasis, — ответил я, неловко переходя на латынь, в которой никогда не был особо силен.

— Да-да... Очень, очень убедительно и просто. Пока что все прочитанное меня не обнадеживает. А лучевая терапия это, надо полагать, Беккерелевы лучи? — я только и успел кивнуть в ответ. Терминология моего собеседника неловко повергала в недоумение. И пока я, строя про себя различные предположения, в меру невпопад отвечал на все новые и новые вопросы, около скамейки нашей остановился незнакомец. Этим утром я, похоже, был магнитом для людей совсем неординарных. Человек этот был по-спортивному худ, только разметанная шевелюра однозначно выделяла его из толпы, да лицо какой-то запоминающейся, сильной лепки.

Мой сосед, увидев новый персонаж, становящийся все более увлекательной мизансцены несколько смутился, хотя, быть может, это подсказала мне разыгравшаяся неожиданно фантазия.

— Добрый день, — очень обыденно, с едва слышимым, располагающим акцентом начал разговор тот, — это верно, что вы пошли вперед таким шагом, но еще рано, правда ведь?

— Похоже, что вы правы. Статистика прямо-таки не обнадеживающая, чтобы не сказать удручающая. С моим-то TNM, как подсказывает опыт, шансов все еще маловато...

— Ничего-ничего, — успокаивающе протянул незнакомец, — время у вас есть. Затем глянул очень коротко на меня, и вновь, как и некоторое время тому, холодок, но уже неприятный, тревожащий, прошел по спине, — однако только у вас. Впрочем, к нашему старому спору это отношения не имеет. Вы можете не особенно торопиться. Освойтесь и ... простите... Вот немного денежных знаков, которые имеют хождение в стране... Уж коли я втянул вас в эту переделку, то должен по справедливости понести некоторые материальные издержки, — и с этими словами он протянул моему пожилому собеседнику упругую, плотную и внушительную пачку купюр и сразу засобирился, словно радуясь, что выполнил какую-то тяжелую, возможно неприятную миссию, но задержался неожиданно, словно через силу, обратился ко мне...

— Простите! — и тут он, видит Бог, профессиональным движением взял мою кисть, еще раз внимательно окинул меня быстрым пытливым взглядом и покачал головой. Пробормотал, едва слышно, — конечно, если бы стрептокиназу внутриаартериально, то...

Ничего не добавил, кивнул только коротко, словно прощаясь и двинулся прочь, вскоре смешавшись с потоком людей, текущих вниз

по Сумской. Мы несколько минут молчали неловко, по-видимому, каждый по-своему усваивая полученную информацию.

— Этот ваш знакомый, простите, не знаю его имени, нужно полагать тоже доктор? — выдал, наконец, из себя я.

— Ах, верьте ему, — стараясь быть убедительным, воскликнул мой собеседник с неожиданной и непривычной горячностью, — хотя какой там коллега... Видали бы вы этого врача!.. — и он вдруг, как мне показалось, опасливо оглянулся.

И тут я не просто вздрогнул, я, уж поверьте, откровенно испугался. Собеседник, который столь естественно называл мобильный телефон трубкой Бэлла, дистанционную лучевую терапию — Беккерелевыми лучами, был знаком с доктором Григорьевым, никак не мог знать другого доктора — Булгакова, и абсолютно невозможно было бы для него дословно воспроизвести цитату из «мастера». Тут уж не восхитительный холодок предчувствия необычного, но самый настоящий озноб прошел по моему телу. Пытаясь выйти из неловкого положения, я усмехнулся и пошутил...

— Вот ведь мысли и ассоциации странные приходят в голову. Очень своеобразный человек, — но собеседник мой шутивого тона не принял. Озабоченно поджал губы и коротко ответил...

— Да, вот такой вот... человек, или, — он, заколебавшись, не продолжил, но, повернувшись ко мне, решительно взял мои кисти, как это делали в XIX веке, наверное, и взгляд его на несколько секунд замер, — пульс достаточного наполнения и напряжения, умеренно скорый, ритм нарушен только... Коллега, у вас, часом, не было кардионевроза?

— Дистония в пубертатный период, не более, ну а в последние годы, вероятно, медленно прогрессирующий кардиосклероз — ответил я, стараясь почти инстинктивно не употреблять современные термины.

— Мне слышалось, он упомянул, простите... «стрепто...»

— ...киназу, — продолжил я, — препарат тромболитической терапии. У нас в клинике его никогда нет, дорого...

— Быть может, этого хватит, — как-то совсем естественно, без всякой позы спросил мой собеседник, указывая на плотную пачку денежных знаков с изображением философа, который бы очень удивился тому, что неразумные потомки украсят его портретом самую крупную по номиналу купюру.

— Ну что вы, — я смешался, — средств у меня хватит, обычно не хватает времени...

— Ах, какое пренеприятное совпадение, ведь он так и сказал, — мы оба вновь замолча-

ли, пытаясь найти выход из создавшегося смыслового лабиринта. Мне, говоря честно, вовсе не улыбалось задавать лишние вопросы. Спустя несколько минут, в которые мы не нарушали относительную тишину сквера в самом центре города, мой старомодный коллега заторопился неожиданно.

— Спасибо вам большое, за все.

— Что вы, не за что. Искренне хотелось, чтобы информация, которую вы искали, оказалась более утешительной. Хотя удивительный ваш знакомый не казался особо встревоженным.

— Думаю и надеюсь, у него есть для этого основания. Во всяком случае, хотел бы... И вам, коллега, желаю удачи...

— «Петрович», планерка закончилась, хватит спать, «поимей» совесть. Чем ты всю ночь занимался? — услышал он словно через вату.

— Да, он не реагирует!..

— Не паникуй, вроде дышит...

— Крикните реаниматологов! Быстрее шевелитесь, нечего тут глазеть. Каталку в зал, да откройте эту чертову дверь, а то не пройдет...

— Хреновата он выглядит, пот холодный, кожа мраморная, как бы ни ТЭЛА...

«Стрептокиназу внутриартериально, ребята, ну же, соображайте быстрее», — хотел было сказать он, ощущая себя сторонним наблюдателем этой разворачивающейся стремительно трагикомедии, но губы не слушались, а звуки, доносящиеся извне и без того приглушенные, вскоре вовсе прекратились...

Перед глазами поплыло, мерно колыхаясь, голубоватое, подсвеченное, словно со стороны, полотнище, будто он смотрит вверх через толщу морской воды, туда, где Солнце, где голоса и воздух, и тепло, и жизнь... Тело его мелко бесконтрольно дрожало, и он чувствовал эту дрожь, и боялся ее, словно с каждым конвульсивным содроганием терял частичку воли, которая одна только и держала его по эту сторону зыбкой реальности. Льющийся сверху свет становился все прозрачнее, грудную клетку ощутимо сдавливало, не от того, что не хватает воздуха, но словно трудно было сделать усилие и вздохнуть...

И в тот момент, когда он уже был готов увидеть иной мир, под иным светилом, легкие его наполнились кислородом, с трудом приоткрыв веки, увидел размытые белые очертания...

— Ну, наконец-то, вроде пришел в себя! Ну Петрович, ты даешь, едва до смерти не напугал...

Из правого глаза, с той стороны, где слепящее светом окно, вниз к виску скатилась слеза, но сказать что-то не получилось.

— Слышишь меня, Петрович? — он мигнул бессильно в ответ, — перевозим тебя в реанимацию, понимаешь меня? — и он снова в подтверждение мигнул. Прикрыл веки и словно об уже совершившемся, подумал: «Теперь отпуск придется переносить из-за больничного. Как все не вовремя...»

Вновь услышал извне:

— Чудо маленькое, только «главный» позвонил, а там словно ждали. Моментажно стрептокиназу привезли. Так что второй день рождения можно отмечать...

Носилки, наконец, остановились. Он абсолютно точно понял, где сейчас находится и что с ним произошло в реальности. Но вот только вся эта странная история в сквере никак не хотела укладываться в почти сложившийся пазл-картинку сегодняшнего дня. Он мучительно пытался припомнить, восстановить череду, последовательность событий, словно это было самое важное в этот момент, но, видит Бог, ничего из этих попыток не получалось.

— Вот и «скорая» подошла, — услышал он смутно знакомый голос, — аккуратно на ступенях... Каталка плавно съехала вниз, там всего-то три невысокие ступени. Хлопнули тяжело металлопластиковые двери, и солнечный яркий свет хлестнул по глазам.

— Так, взяли...

Он будто крупным планом увидел проплывшее мимо лицо коллеги и следом, не успев зафиксировать его, мельком выхватил другое, памятное, сильной лепки лицо под буйной всклокоченной шевелюрой, успел прочесть по губам: «все будет хорошо...»

Задняя дверь реанимобиля захлопнулась, гулкой волной отдавшись в ушах, и под плавное, убаюкивающее покачивание, из одной больницы в другую...

Неспешно подумал: «А на каком языке он это сказал, и почему я так отчетливо понял? Кто же он такой, странный знакомый старомодного коллеги из сквера, так непредсказуемо, но подспудно ожидаемо оказавшийся здесь?»

Все тот же последний пазл упорно не хотел укладываться в сложившуюся почти полностью картинку сегодняшнего дня.

«Похоже, что этого я не пойму никогда», — констатировал он умиротворенно и губы, хотя и непослушно, поползли в едва заметную улыбку... Ушедший в свои мысли, он прослушал, как реаниматолог, заглянув в салон, спросил молоденькую медсестру:

— Как он там?

— Давление держит, и, по-моему, только что улыбнулся...

— Ну, у тебя и воображение, опять глупых сериалов насмотрелась? Впрочем, наверное, жить будет, коли показалось, что улыбается...

Заведующая кафедрой медицинской генетики, доктор медицинских наук

Змалку цікавилась філософією людських взаємовідносин, глибинними причинами вчинків кожної особистості в будь-яких гострих ситуаціях. Диплом психотерапевта, практика психоаналітика допомогли придати насиченість прозі та поезії, а робота генетиком дозволила створити та простежити за особливістю сімейних «скелетів у шафі».

Щанс

1 глава.

Это утро было похоже на сотни других – я со стоном расплющил глаза. Веки, по ощущениям, весили никак не меньше тонны. Конечно, сфокусировать сразу взгляд не удалось. Дикая головная боль резанула при попытке шевельнуть головой. «Так. Давайте разбираться, - подумал я. - Мне нужна помощь, сам я сейчас со своим состоянием не справлюсь. Но чтобы получить помощь, надо хотя бы определиться, где я». Мотивация добавила сил, и, преодолевая навалившуюся боль, разрывающую череп на сотни осколков, я приподнял голову и сфокусировал-таки взгляд. Увиденное много информации не принесло. Стандартная комната (не моя, точно), мебель в стиле хай-тэк, веселенькие кружки. Обои не вчерашней молодости. Холодок струйкой пота неприятно защекотал шею. Услужливое воображение, подпитанное токсическими парами алкоголя и наркоты, нарисовало мне некую уютную бабульку (вполне современную для посещения клубов, однако, где я теоретически мог бы (только НЕ ЭТО!) ее подцепить. Ну ладно, взглянем страху в лицо. Я глубоко вздохнул и перевел взгляд на кровать рядом с собой. И сразу облегченно вздохнул. Рядом посапывала девица вполне в моем возрасте без признаков старческих особенностей. Я бегло оглядел добычу – ничего особенного, не моделька, сиськи вроде свои, неумело наложенный макияж размазался. Ну так, что-то типа пэтэушницы или как-вывести-деревню-из-девочки. Ладно, сойдет. А вот где мы? На этот

вопрос пока не было ответа. Ну хорошо, будем решать проблемы по мере поступления. Я слегка потряс за плечо спящую царевну: «Доброе утро, страна!» Дева моментально пробудилась (вот как они так умеют!), открыла заспанные глаза с размазанной тушью, коротко вскрикнула от ужаса и ушла с головой под одеяло. Нет, ну я с утра тоже боюсь на себя смотреть в зеркало, но вот чтобы так? Я понял, что помощи ждать неоткуда и героически встал. Туловище ощутило шатнулось. Пришлось опереться дрожащей рукой о веселенький ситец обоев. В ванной я увидел в принципе то, что ожидал – дешевенькие шампуни, детские кремы для пяток, детское же мыло. На крючках висели старенькие, но чистые полотенца. Мысль об уютной старушке с буклями и вязанием снова вернулась. Однако оживающий под струями холодной воды мозг погрозил фантазии пальчиком и напомнил о видении в постели. Вышел я из ванны уже практически живым. Для бодрости мне было нужно что-то типа аспирина, а в идеале пива. Выходя из ванной, я рассчитывал, что нежное создание перестанет биться в истерике и сварит хотя бы кофе, но был разочарован. Создание лежало там же, где я его оставил, но было одето вплоть до верхней кофты и при этом сверху находилось одеяло. Ситуация перестала меня забавлять, тем более выходящие токсины требовали немедленного изгнания. Я достаточно жестко сказал: «Ну хватит». И сдернул одеяло. На меня из позы эмбриона смотрели глаза кота из Шрека, расширенные, полные ужаса и слез. Женские слезы всегда раздражали. «Давай, хорош ломать комедию и строить из себя целку-невидимку. Встала и пошла делать кофе». Создание покорно сползло с кровати и отправилось на кухню,

испуганно озираясь. Выпив кофе, который эта безрукая пэтэушница чуть не разлила мне на брюки, я засобирился. С трудом нашел ключи от машины, которые вчера швырнул так метко, что они укатились под комод. Наконец, собравшись, я помахал ручкой, мол, чао, крошка, и направился к выходу не оглядываясь. Взгляд девахи жег спину, я мог бы поспорить, что она плачет. Открыв двери, я вдруг услышал, как она пискнула: «Вы меня совсем не любите?» Я резко повернулся. Ну конечно, как я и думал, Мисс ПТУ беззвучно рыдала. Я улыбнулся и вышел, постаравшись не хлопать дверью.

2 глава.

На работе я был к 12. У нас на фирме достаточно свободный график посещения, и каждый мог приходить практически в любое время, но проекты сдавались четко в срок. Это очень дисциплинировало. Не сланный вовремя проект гарантировал немедленное увольнение без права на восстановление. А поскольку даже в кризис у нас была неплохая и стабильная зарплата, народ за места держался. Такие правила завел мой папА, он же директор, но я считал такой подход правильным и соблюдал его вместе со всеми, стараясь особо папахена не злить и не напрягать. Тем более, толк от меня был, креативностью родители не обидели. Поэтому, когда я пришел, то не стал сильно раскачиваться в курилке. Сразу сел к компу и наваял пару требуемых проектов, скинул их начальнику отдела на проверку и с чувством выполненного долга поехал в ресторан обедать. Перед самим рестораном из-за угла на дорогу выскочила собака, точнее большой шенок, похожий на медведя, видно вырвавшийся из рук хозяйки, которая бежала за ним, а возле тротуара закрыла глаза. Я лениво вильнул в сторону, но задел его. Собака кубарем с визгом покатила к тротуару. Сквозь открытое окно я слышал его визги. Светлая шерсть стала бурой от крови. Я остановил машину на парковке и отчитал тупую дуру, склонившуюся над питомцем. Потом, слегка недовольный событиями дня, в незначительном раздражении, зашел в кабак.

3 глава.

Я рассчитывал перекусить и отправиться домой спать. Но позвонил Гарик и искушающим тоном стал расхваливать свою новую тачку. Я моментально завелся и подхватил тему. Доказав ему, что его БМВ 520d по сравнению с моим Мерсом AMG E350 просто детка, я предложил закрепить мнение вечерней поездкой с ветерком на окружной. Гарик злобно посопел, потом сказал в трубку: «Держись, Макс-мажорчик, я

тебя сделаю». Я похихикал: ну - ну. Придя домой, я завалился спать. Надо было выспаться перед решающим боем. Снилось всякая муть, детство, когда еще в песочнице я играл с другими мальчиками, мать говорила, чтоб я не делился своими игрушками, если хочу в будущем стать богатым и знаменитым. Вот я и играл в одиночестве или с такими же детками, нацеленными на успех с младых ногтей. И девочек мне мать подбирала для дружбы только нашего круга. Но я себя обойденным не чувствовал, я привык, что все мои желания сбываются. А врожденная интуиция позволяла максимально избегать роковых ошибок.

Я проснулся, как от толчка. Лежал, видимо, в скрюченной позе, поэтому нога затекла. Быстро вскочил, приволакивая ногу и вполголоса ругаясь. На скорую руку побрился, разумеется, порезался. Кровь веселой струйкой потекла по щеке. «Сука!» - злобно прошипел я, рывком открывая шкафчик с лекарствами. Разумеется, пузырек со спиртом выскользнул из рук и, упав на кафель, разлетелся на части. Оступившись, по закону Мерфи, я наступил на самый большой осколок и зашипел от боли. Кровь стекала по щеке, невыносимо болела пятка, из которой торчал осколок. Я в злобе ударил кулаком по стене, сбил костяшку. На руке неумолимо начала набухать ссадина. Злые слезы брызнули из глаз. Зазвонил телефон. Я потянулся к полочке, но не удержал его в руках, и осколки новенького айфона украсили поле битвы из битого стекла и капель крови. Я понял, что, если сейчас не успокоюсь, закончу день в травмпункте. Я присел на ванную. Вытащил, шипя, осколок из пятки. Достал из шкафчика йод и бинт, смазал царапину на щеке, смазал пятку, забинтовал ногу, как смог, потом, прыгая на одной ноге, «сбегал» за тапками и щеткой, убрал живопись на полу и пришел на кухню хватить виски для успокоения нервов. До выхода оставалось два часа. Я и не заметил, как прикончил бутылку. Я встал, меня ощутимо шатало. Пятка саднила. Но отказаться я не мог: дать Гарику победу без боя? Да никогда! Я сунул голову под холодный кран, чтоб взбодриться. Слегка очнувшись, я оделся, взял ключи, и, слегка прихрамывая, выскочил. Пока ехал, думал про себя, я должен победить. Я ДОЛЖЕН.

4 глава.

На старте было безлюдно. Две наши красавицы машинки и Хаммер друзей, которые приехали поболеть и запечатлеть гонки века. Я с трудом выполз из тачки. Гарик удивленно посмотрел на мое искаженное поцарапанное лицо и со смехом сказал: «Макс, это кусты или

ревнивая бабёшка?» Друзья поржали. Я решил не заводиться с полтычка, руки и так ошутимо дрожали. Гарик подошел вплотную и практически на ухо спросил: «Макс. Чет ты не в форме. Может, перенесем?» Я помотал головой. Меня шатало, пятка по остроте ощущений сговори-лась спорить со щекой, перед глазами все расплывалось. Обменявшись рукопожатиями, мы расселись по тачкам. Я не сразу попал в замок зажигания, так тряслись руки. Мотор послушно заурчал. Воровато оглядевшись, я достал из бардачка порошок и поспешно вдохнул. Однако ожидаемой немедленной эйфории не наступило. Состояние было прежним. Но времени уже не было, и я нажал на газ. Некоторое время мы неслись рядом. Гарик кривлялся в окно, активно жестикулировал и делал вид, что хочет меня скинуть с трассы. Но я не поддавался на его ухищрения, так как подобное происходило не раз. Сотка, сто пятьдесят, двести. Я сосредоточился на трассе, уже не поворачивая головы на этого клоуна. Так, впереди крутой поворот, трасса скользкая, тупо вылететь с дороги будет обидно. Я чуток сбросил скорость, и Гарик ментально этим воспользовался и, прибавив, подрезал меня, красиво вписался в поворот. Уходя в дрифт, я понадеялся на свой задний привод. Все прошло бы классически, и я бы его достал на прямой трассе, но этот грузовик все испортил. Возникнув ниоткуда, он четко летел на меня, я пытался вывернуть руль, но, как пишут в протоколах, не справился с управлением, и послушная ранее машинка взбрыкнула. И я, как днем та девчонка, успел только закрыть глаза рукавом перед тем, как сотни частиц металла, пластика и стекла захрустели в смертельных объятиях друг друга.

5 глава.

Дуракам везет. Этот потрясающий тезис я услышал первым, когда очнулся. Состояние напоминало обычный отходняк от кайфа. Я не мог пошевелиться. Я весил, по ощущениям, несколько тонн. У меня болело все. Но я был закален и поэтому все-таки открыл глаза. Больничная палата. Трубки. Капельница. Медсестра в несвежем халате с плоской задницей. Я повел глазами. Календарь на стене показывал, что в отключке я валялся пару дней. Я пробно застонал. Медсестра повернулась, профессионально поправила капельницу и спокойно вышла. Зашли родители. Я с неудовольствием увидел, что у отца прибавилось седины, как плохо выглядит мать, и только открыл рот, чтобы выразить недовольство, как вдруг меня как током ударило, и я ПОЧУВСТВОВАЛ их боль, беспокойство и напряжение прошедших дней. За

секунду в голове пролетели ощущения матери, которая толком не умела любить своего ребенка, меня, но пыталась быть хорошей матерью; как плакала она, когда я не видел, когда я лежал с температурой в третьем классе, а отец не пришел ночевать, и она знала, где он и с кем; когда я впервые приполз домой под кайфом и наорал на нее. Я почувствовал боль отца, который хотел мной гордиться как наследником, но тоже не был обучен любви и проявлял ее только в денежных подачках. Я почувствовал, как отец заставил мать сделать аборт, а ведь у меня могла быть чудесная сестра, о которой я мог бы заботиться. Люди, близкие беспомощные люди, у которых все было для счастливой жизни. Но не было главного - уметь любить, уметь выразить свои чувства, уметь объединяться. Все это пролетело в сознании за пару секунд, я понял их чувства, резко кольнуло сердце, которое ранее я даже не знал, где находится, и я опять потерял сознание.

6 глава.

Поправился я на удивление быстро. Раны зажили, как на собаке. При таком столкновении, когда машина была всмятку, редко выживают, но я отделался всего лишь переломом пары ребер и ушибами. Ну и легким сотрясением мозга. Но это было ничего по сравнению с тем, что я ПРИОБРЕЛ. Раньше мне было абсолютно все равно, что чувствуют другие, как они реагируют на мои поступки, их внутренний мир. Я шагал по жизни легко и свободно, перешагивая через препятствия. А вот сейчас стало твориться что-то непередаваемое. Как пример, сижу в баре. Потягиваю виски. Вижу годную киску, которая призывно мне улыбается. Чувствую нарастающее возбуждение, когда она садится ко мне на колени, и я начинаю гладить ее длинные ноги. Я уже готов отвезти ее в ближайшее удобное местечко, и в ее глазах я вижу ее стоимость на этот вечер, как вдруг БАЦ, и я вижу, как ее пьяный отец в угаре таскает мать за волосы, а девка всхлипывает в углу с разбитым носом, как жадно ее тискают одноклассники, пообещав дать денег за расставание с девственностью, а она их хочет потратить на общежитие, чтобы сбежать из ненавистного дома, как рушатся ее мечты об институте, и ее максимумом становится либо панель, либо официантка. Это все наваливается на меня, опять начинает болеть сердце, и я вскакиваю и убегаю, оставив ничего не понимающей девчонке деньги, со словами — уезжай отсюда на хрен.

Я не могу теперь спокойно проходить мимо дворовых собак и кошек, особенно тех, которые раньше жили в доме, а сейчас безжалостно

выкинуты. Я заглядываю в их слезящиеся глаза, вижу свалывшуюся шерсть, плохо зажившие раны от ударов, и сердце заходится в отчаянии. Я тащу их домой, лечу. У меня дома их уже 8 штук: 5 собак и три кошки. Со мной стали зловредиться старухи у дома, потому что, когда я посмотрел в глаза соседке, с которой поднимался на лифте, я увидел там все. И маленькую пенсию. И дочку - алкоголичку, которая поднимала на нее руку и желала ей быстрее содохнуть. Я торопливо, краснея, пихал ей в руку деньги и убегал, чтобы только не видеть этой робкой благодарности в глазах и сползающей медленно старческой слезе.

В один день я понял, что больше так не могу. Я нашел ту девочку, чьего щенка я сбил тогда. Собака выжила, но стала инвалидом. Я оплатил лечение на год вперед и долго сидел на кухне с ее родителями, которые чудом не спустили меня с лестницы. Я стал примерным сыном и научился слушать и слышать родителей, я помирил их и заставил услышать друг друга. Я заставил их гулять за ручку в парке и слушать пение птиц. Я СДЕЛАЛ все это. Но так я больше не мог. Я больше не мог впитывать чужое горе и жить чужими эмоциями. Поэтому решил с этим покончить раз и навсегда. Приняв такое решение, я успокоился, впервые за последнее время. Я написал доброе извинительное письмо родителям, пожелав не терять друг друга, поблагодарил за все. Написал по электронной почте письма друзьям и подругам, извиняясь за все неприятные моменты, которые им принес. Справившись с земными делами, я отправился на мост нашей городской речки. В народе он давно получил название мост самоубийц, так как речка хоть в целом и мелкая, под мостом имела скрытые ямы и водовороты, смерть там стопроцентная, так как в ямах еще было множество железных прутьев, которые там торчали с незапамятных времен, когда опора моста провалилась. Темнело. Ледяной ветер свистел в ушах, кидая в лицо снежные крошки. На мосту ни души. «Это хорошо! - подумал я. - И тут буду первым». И невесело улыбнулся. Не спеша подошел к поручням и заглянул вниз. Отлично. Под мостом никогда не замерзал участок из-за беспокойной воды. Я выкурил последнюю сигару. Проверил паспорт, чтобы потом было легко опознать. Выложил телефон и отключил его. Снял шапку. Ветер в последний раз резанул по лицу. Я улыбнулся. Я был готов. Я перелез через поручни, еще раз посмотрел на последнее пристанище и хотел отпустить руки, но вдруг краем глаза увидел движение рядом. Теперь я был не один. В пяти метрах от меня стояла девушка в белой шапочке и синей курточке. Она тоже

не замечала ничего вокруг и проделывала те же движения, что и я. Медленно стащила шапочку. Вынула все из кармана. Как в замедленной съемке, я наблюдал за ее движениями, потом одним махом перепрыгнул обратно и побежал к ней. Я успел в последнюю секунду поймать ее за капюшон и рвануть к себе. Она дернулась, но не сопротивлялась. Я вгляделся в ее лицо. Я почувствовал ее боль. А она почувствовала мою. И я понял, что у нас появляется ШАНС...

Они хотели одного - тишины и покоя,
Но каждый видел в этом что-то иное:
Для него это берлога, интернет и дома уют,
Для нее это место, где ценят, любят и ждут.

Они встретились случайно, ну чья в этом вина
Он всегда был один, она формально не одна
Его крепость неприступна и в глазах пустота
У нее - импульсивность поступков и в душе
доброта.

Для нее он стал Вселенной и прекрасным миром души,
А он не привык доверять и спешить.
Его голос лишь один ее бросает в дрожь,
Ему же постоянно везде мерещится ложь.

Он хочет ее тело, ей он нужен целиком.
В ней пылает пожар, он отвечает теплом.
Она готова кричать на весь мир, что безумно любит его.
Он осторожно отвечает : «Ты веришь, что нашла своего?»

Она готова с ним быть, а он боится подвоха.
Он самодостаточен, а ей без него плохо.
Он хочет ей верить, но боится что-то менять.
Она готова ему души тепло все отдать.

И эту повесть любви, разлуки, встреч и страданий,
Короткой радости вспышка и океан ожиданий
К счастливому финалу должна Судьба привести.
Иначе счастье на планете Земля уж никому не спасти.

Наталья Гужва

Клинический ординатор ХМАПО,
выпускница II медицинского факультета
ХНМУ

В 2016 году стала магистром медицины по специальности «Внутренние болезни». В настоящее время клинический ординатор кафедры терапии на базе Харьковской больницы скорой и неотложной медицинской помощи. Главная цель жизни на данный момент — усовершенствовать свои врачебные знания и умения, чтобы эффективно лечить людей.

Увлекается поэзией с детства, пишет стихи и прозу.

Аффирмация снов

Я еще не осознала
Что не любишь ты меня,
А моя душа кричала:
Он с тобою рядом навсегда!

Снился сон - опять вводем,
И сквозь мрак и тень
Говорил ты мне: «Ты верь,
Счастливы еще мы будем!»

Просыпалась я с утра,
Ела наспех, как обычно,
Шла на лекции и лично
Так хотела, так хотела видеть я тебя.

И дорогой и путем
Думала все об одном,
Что я чувствую тебя:
Ты – герой сегодняшнего дня.

Так хотела, так мечтала,
Что все в мыслях утопала,
Оглянусь я иногда
И не знаю где, зачем я?

Как почувствую тепло и любовь в душе,
Станет радостно во мне.
Верю, что любовь моя
Чувствует в ответ тебя.

Вечером усну в подушке
И приснится снова сон –
Скажешь тихо ты на ушко:
«Я с тобою, я влюблен!»

Подарок Богов

В душе у нас останется любовь
Пусть не увидим мы уже друг друга в этом мире,
Но я надеюсь, что твоя вся кровь
Была пропитана желаньем в теле.

И почему ты не хотел мне подарить кусочек счастья,
Зачем так тихо в небо пел,
Что жизнь не хочет быть как раньше,
И больше ты не дашь ей стрел.

Для сердца не было преград,
Греха тем более не видно,
Ну что же было б, если бы поцеловал,
Ведь небо все давно уже решило.

Ты отказался от небес,
И Боги это не простили.
Забрали свой подарок в лес,
Тебя они перекрестили.

И не дадут тебе и шанс,
Так ты обидел их на милость.
Они и не подарят даже час,
Да, тебе все это не приснилось.

Літератор (поет, публіцист)

Освіту здобув на історичному факультеті Харківського державного університету (нині — Харківський національний університет імені Василя Каразіна). Протягом кількох десятиліть друкується у вітчизняній та зарубіжній (діаспорній) періодиці, колективних збірках і альманахах, лауреат численних журналістських та літературних премій. Публіцистика Петра Джерелянського позначена, як і його поезія, виразним патріотичним спрямуванням.

Петро Джерелянський

Рівна серед рівних

Незаперечною аксіомою давно вже стала думка про те, що розвиненість (або ж навпаки) будь-якого суспільства безпосередньо пов'язана з тим, яке місце посідає в цьому суспільстві жінка. І саме словами «рівна серед рівних» можна доволі точно визначити становище українки в непересічну добу вітчизняної історії — в період зародження та розквіту козацтва. То був час, коли українська жінка (не лише шляхтянка, а й проста козачка) незмінно відчувала ширшу повагу до себе як у родині, так і в суспільстві.

Протягом усієї буремної історії нашої країни українські жінки не просто «йшли поруч» із чоловіками — нерідко вони крокували попереду, а їхні вчинки були визначальними для подальшого перебігу подій на багато років уперед. Саме вони — ще від славетної княгині Ольги — ставали своїм співвітчизникам гідним прикладом для наслідування.

Не перелічити імен жінок, якими пишається Україна та яких шанують в усьому світі — від поетеси Лесі Українки, художниці Зінаїди Серебрякової, співачки Соломії Крушельницької до яскравих особистостей вже із сучасної генерації українського жіноцтва.

Ніколи й ні за яких обставин вони не схиляли до рабського світосприйняття. Надзвичайно влучним у цьому відношенні є спостереження відомого європейського літератора, зроблене ним ще позаминуло століття: «Українка — іспанка Сходу... При кожній нагоді в ній спалахує нестримна козацька натура, що не знає жодного пана...». І далі: «Вони завжди готові змінити плуг на спис, живуть маленькими республіканськими громадами, як рівні з рівними...». Все це, як і чимало інших, не менш цікавих речей, ми відкриваємо для себе в «Жіночих образках з Галичини» Леопольда фон Захер-Мазоха.

Про українське козацтво написані сотні, а може й тисячі книг — від свідчень сучасників до новітніх історичних розвідок. Висновок багатьох з авторів: попри всю самобутність козацтва, чимало спільних ознак єднало його із західноєвропейським лицарством. Йдеться, насамперед, про високі моральні засади — нехтування, коли треба, смертельною небезпекою, безкорисливе бойове побратимство, безумовна вірність складеній одного разу присязі...

Як відомо, доба розквіту козацтва співпала з періодом занепаду європейського лицарства. Й усі ті свідчення великої шани, що їх надсилали до козацького війська уславлені лицарські орденні протягом XVI–XVII століть, можна вважати своєрідною естафетою, яку вони воліли передавати найдостойнішим зі своїх наступників. Єдина

ж суттєва відмінність між ними полягала нібито у відсутності в українських лицарів культу «прекрасної пані». Намагалися навіть якось це пояснити — тривалим перебуванням козацького війська далеко від будь-яких осередків мирного життя та особливостями православного світогляду. То невже козаки дійсно не тільки не оспівували, але й не шанували своє жіноцтво? Вичерпну відповідь дають нам варті цілковитої довіри історичні джерела.

Арабський мандрівник Павло Алеппський, який двічі відвідував Україну в середині XVII століття, свідчить: «...По всій козацькій землі дивну річ споглядали ми — всі вони, за малим винятком, грамотні; навіть більшість їхніх жінок та дочок вміє читати й знає порядок церковної служби... Українські жінки добре вдягнені, зайняті своїми справами, й ніхто не кидає на них нахабних поглядів». Збереглися численні документи, з яких постає, що дружини козацької старшини не тільки добре знали грамоту, а й були здатні, коли в тому виникала потреба, допомагати своїм чоловікам у розв'язанні найважливіших проблем.

Промовисті деталі щодо родинних взаємин на українських теренах містяться у спогадах Гійома де Боплана — французького військового інженера та мандрівника, який, подібно до Павла Алеппського, тривалий час перебував в Україні в першій половині XVII століття. Він, наприклад, докладно розповідає про усталену тоді традицію, згідно з якою не лише хлопець міг засватати кохану дівчину, але й дівчина могла «засватати» юнака, котрий припав їй до серця. Між іншим, церква доволі поблажливо ставилася до такої незвичної, здавалося б, практики, а самі укладені подібним чином шлюби були на диво міцними.

А ще — згадаймо листи всесильного гетьмана Івана Мазепи до своєї коханої Мотрі Кочубіївни. Ні, в них не сама лише палка любов гетьмана до юної красуні, а й глибока повага до неї. Ось, приміром: «Моє серденько, мій квіт рожаний! Сердечно на тебе болію, що недалеко від мене ідеш, а я не можу очий твоїх і личка біленького видіти...». Або ж: «Моє сердечне кохання! Прощу і вельми прошу, будь ласка, зо мною побачитися для усної розмови...». І, спересердя, та все одно якось дуже шляхетно: «...Бодай того Бог з душею розлучив, хто нас розлучає...».

Матеріал, ніяк не менш важливий від документальних свідчень за своєю пізнавальною вагою, надає й красне письменство, де через творчу уяву автора відбиваються реалії давно минулих часів. Це і драматична поема Лесі Українки «Бояриня», й історична повість Ореста Левицького «Ганна Монтовт», і навіть бурлескно-

трагедійна «Енеїда» Івана Котляревського, яку можна вважати своєрідною енциклопедією старосвітського українського життя.

Особливо вражає в «Боярині» співставлення «громадянського суспільства» (коли скористатися сучасним визначенням) Української козацької держави з умовами, що панували в сусідній Московії. Молода жінка, котра покинула батьківський край, аби не розлучатися з коханим чоловіком, зустріла на чужій землі зовсім інші уявлення про загальнолюдські та власне жіночі чесноти — суттєво відмінні від тих справді християнських та глибоко демократичних у своїй основі життєвих засад, до яких вона з дитинства призвичаїлася в рідній Україні. І, ставши «бояриною, хоча й скорилася долі, однак, звикнути до свого нового життя-буття вже не змогла.

Інакше складалася доля бідолашної княгині Ганни з повісті Левицького. Проте зовсім не через недосконалість тодішнього суспільного устрою, а виключно через власну легковажність та невміння скористатися своїми (і неабиякими!) правами. А от в «Енеїді» Котляревського, де античні сюжети примхливо переплелися з прикметами козацького побуту, чи не найвищою оцінкою для однієї з богинь стає зауваження: «Мов сотника якогось пані...». Коментарі, як то кажуть, зайві, а іронія з приводу згадки про сотника була б і зовсім недоречною з огляду на той слід у вітчизняній історії, що його залишив колишній чигиринський сотник, а згодом гетьман — Богдан Хмельницький!

Надто рідко за доби козаччини чоловік мав можливість більш-менш тривалий час перебувати разом із родиною. Але у військовий похід він відправлявся зі спокійною душею, бо до всіх справ — і не лише хатніх, господарських — відтепер залучалася дружина. І, скажімо, не старший із синів, а вона сама брала, коли треба, участь у розв'язанні майнових або інших суперечок, боронила інтереси своєї сім'ї перед громадою, а то й у суді. Більше того, могла верхи на коні, зі зброєю в руках стати на захист рідної домівки.

На жаль, запровадження Москвою на підвладних їй українських землях кріпосництва із властивою йому авторитарною схемою державного управління та суспільних взаємин одразу ж змінило становище української жінки на гірше. І це стосувалося не самих тільки зuboжілих і поневолених, але й заможних та впливових верств тогочасної української людності. А найщирішим співцем глибоко трагічної жіночої долі став згодом Тарас Шевченко...

Початок двадцятого століття був для України

та українців не лише часом надій, але й добою гірких розчарувань. У тому числі — пов'язаних з нашими північними сусідами. Відчуття невимовної туги викликає в читачів один із хрестоматійно відомих прозових творів Івана Франка «Сойчине крило». Ті моторошні випробування, що чатують на героїню Франкової новели на «неосяжних обширах» Російської імперії аж ніяк не є наслідком якогось фатального збігу обставин, а зумовлені самим станом безнадійно хворого (вже тоді!) російського суспільства.

Й навіть тоді, коли українці поволі забували про колишні права та привілеї жіноцтва, згадкою про них залишалися незаперечні документальні й літературні свідчення, так чи інакше пов'язані з добою козаччини. Отже, українська жінка тих, таких уже далеких від нас часів була не тільки вірною дружиною, дбайливою матір'ю та вихователькою дітей, справжньою Берегинею роду, але й самодостатньою, свідомою свого місця в суспільстві особистістю. Втім, у середовищі, де вирував дух завзяття та невичерпного оптимізму, інакше не могло й бути. А для чоловіків-українців ХХІ століття виникає серйозний привід, аби замислитися: а як вони ставляться до своїх матерів і сестер, наречених і дружин — усіх жінок рідної України?

І зараз, коли в жорстокому двобої з підступним агресором, одвічним ворогом України — імперською Росією — вирішується подальша доля української нації та держави, саме сучасне жіноцтво подає нам приклад незламної волі та справжнього патріотизму. Все, що повсякденно роблять жінки — учасниці всенародного волонтерського руху, журналістки та фронтові медики, а нерідко й відважні бійці, переконливо доводить: народ, який зростив таке сміливе та шляхетне духом жіноцтво, неодмінно переможе!

Про нескорену Україну — мовою гравюри

У лютому 2015 року Верховна Рада України прийняла постанову про відзначення на державному рівні 110-ої річниці від дня народження художника Ніла Хасевича. Мовою гравюри він розповів усьому світові про Україну, що ні на мить не припиняла запеклої боротьби з підступним ворогом...

Він мав би стати священиком

«...Я не можу битися зброєю. Але я б'юся різцем і долотом. ...Хочу, аби світ знав, що визвольна боротьба триває...», — писав Ніл Хасевич, звертаючись не лише до сучасників, а й до далеких нашадків, до нас із вами. Графік європейського рівня, член ОУН, воїн УПА, він був особистістю надзвичайно талановитою й неординарною. Його роботи зберігаються у приватних мистецьких колекціях — від Польщі до США. Він міг спокійно заробляти на життя творчістю, живучи за кордоном, виставлятися у провідних художніх салонах, але обрав собі інший шлях — складний та небезпечний. І за свій вибір заплатив життям у віці сорока семи років. У тому ж віці не стало Тараса Шевченка й Василя Стуса. Однак, лише останнім часом робляться спроби всебічно дослідити творчий та життєвий шлях митця (Іриною Єзерською, Андрієм Криштальським і деякими іншими авторами). А найповнішим (зокрема, за обсягом залученого матеріалу) й досі залишається ґрунтовне дослідження Олександра Іщука, Ігоря Марчука та Дарії Даревич «Життя і творчість Ніла Хасевича», що вийшло друком 2011 року у книжковій серії «Літопис УПА» — бібліотека (том 10-й).

Ніл Хасевич народився 25 листопада 1905 року в селі Дюксин Костопільського повіту (тепер — Костопільського району Рівненської області) в сім'ї диякона і псаломщика місцевої церкви Антона та його дружини Федорії Хасевичів. У родині було троє синів, двоє з яких стали українськими священиками на Волині. Анатолія закатували поляки в селі Дерев'яне біля волинського містечка Клеваня, а Федір загинув після війни на засланні в Сибіру. Третім був Ніл, котрий теж вчився в духовній семінарії (і перші уроки малювання отримав в іконописній майстерні), але згодом став професійним художником.

Коли Хасевичу виповнилося чотирнадцять років, в його житті сталася трагічна подія — на залізничному переїзді підвода, на якій вони з матір'ю йшли до гімназії, потрапила під потяг. Матір загинула, а син, втративши ліву ногу, на все життя залишився інвалідом. У цій трагедії добре проявився характер Хасевича, який, хоч був іще підлітком, не опустив рук, а, вмюючи вирізати з дерева, сам виготовив собі протез і вперто йшов до мети — дістати освіту.

Після лікування Ніл продовжив навчання в художній майстерні Василя Леня в Рівному. 1925 року екстерном закінчує рівненську гімназію та майже рік працює помічником іконописця. А вже року наступного на компенсацію від французької компанії (якій належала залізниця, де юнак зазнав каліцтва) Хасевич починає на-

вчатися у Варшавській Академії прикладних мистецтв.

Ось яким він запам'ятовується на початку навчання в академії своєму землякові Петрові Мегику: «Молодий, років двадцяти, невеликого росту, бідно влягнений хлопчина, з палицею в руці, бо замість лівої ноги — дерев'яний, власної роботи, протез... Сумлінно вчиться й неймовірно матеріально бідує. З дому від батька нічого не одержує, бо там — не менша біда».

Покликання — мистецтво графіки

Після тривалих творчих пошуків, спроб сил у різних напрямках тогочасного малярства, Ніл Хасевич остаточно вирішує обрати курс графіки в майстерні відомого польського митця, професора Владислава Скорича. Ще за студентських років став одним із засновників і секретарем художнього гуртка «Спокій», до якого входили молоді українські митці. Попри тяжке матеріальне становище, Хасевич успішно закінчує академію та отримує диплом про вищу художню освіту з правом учителювати в середніх школах.

Ще під час навчання Ніл Хасевич активно листувався з митцями з Австрії, Угорщини, Бельгії, Нідерландів, США, Канади та інших країн. Його роботи експонувалися щонайменше на 35-ти виставках (у Львові, Берліні, Празі, Чикаго, Лос-Анджелесі). Молодий самобутній художник був відзначений багатьма міжнародними дипломами та престижними нагородами: 1931 року його полотно «Прання» відмічене премією «Ватикан», 1932 року за портрет гетьмана Мазеппи він одержав диплом Варшавської академії, а 1937-го — здобув третій грошовий приз на міжнародній виставці гравюр у Варшаві. Його портрет Володимира Великого, екслібрис президента УНР в екзилі Андрія Левицького, серія робіт у колективній художній збірці «Дереворити» були високо оцінені фахівцями. 1939 року у Варшаві видається альбом екслібрисів «Книжкові знаки Ніла Хасевича». Талановитий митець працював, зокрема, в галузі станкової, книжкової, документальної графіки, створював самобутні дереворити (гравюри на дереві). Мав чимало шанувальників у Польщі, але шлях до «великого мистецтва» для українського художника був надто складний через його небажання приймати польське громадянство.

Після навчання Ніл Хасевич повернувся на Волинь. Працював учителем у місцевій школі й далі багато малював і виставлявся. Водночас, на своїй малій батьківщині Хасевич починає займатися громадською та політичною діяльністю, стає членом Волинського Українського Об'єднання, згодом вступає до ОУН, з багатьма

членами якої, зокрема зі Степаном Бандерою, зблизився ще в студентські роки у Варшаві. Талановитий художник міг би, як уже йшлося, заробляти на хліб своїм мистецтвом, але страшні події початку радянсько-німецької війни, коли під час відступу в червні 1941 року каральні органи СРСР потопили Західну Україну в крові тисяч невинно закатованих людей, змусили митця докорінно змінити своє життя.

Шлях до безсмертя

Через авторитет і повагу земляків Хасевича обирають мировим суддею в часи німецької окупації. Тоді ж він працює в рівненській газеті «Волинь» разом з відомим літератором Уласом Самчуком. Однак, розуміючи справжню мету політики нацистів, залишає мирну роботу та вступає до лав УПА. Власне, саме Хасевич створив той візуальний образ УПА, відомий нам з архівів, — від плакатів до нагород. Разом із тим, зарекомендував себе прекрасним пропагандистом: був членом крайової референтури пропаганди, протягом 1943-1944 років працював у редакції журналу «До зброї», готував ілюстрації до сатиричних журналів УПА «Український перець» та «Хрін», керував підпільною друкарнею, випускав різні агітаційні матеріали (брошури, листівки, летючки).

Він же розробив ескізи прапорів, печаток, бланків та відзнак підпілля (Хрест заслуги, Хрест бойової заслуги, медаль «За боротьбу в особливо важких умовах»), навчав мистецтва гравюри молодих художників. Його ілюстрації прикрашали майже всі підпільні видання Волині й Полісся.

Умови для праці в підпіллі були надзвичайно важкими: використовували друкарський верстат, схожий на той, на якому друкував ще Гутенберг, постійно відчувався брак матеріалів, необхідних для виготовлення та тиражування гравюр. Згодом, саме оприлюднення творів художника-патріота на Заході стало чи не смертельним вироком для митця. 1951 року роботи Хасевича потрапили до делегатів Генеральної Асамблеї ООН та іноземних дипломатів і вже за рік по тому були надруковані в альбомі «Графіка в бункерах УПА».

Радянські спецслужби доклали чимало зусиль для його пошуку, а виявленню місця перебування Ніла Хасевича сприяв випадок — було розшифровано документи, знайдені в одній із виявлених на Рівненщині криївок: у них йшлося і про необхідні художникові для роботи папір та вишневе дерево. Було також названо місце знаходження однієї з останніх на Волині криївок — біля села Сухівці, за дванадцять кілометрів від Клевана в Рівненській області. Зрадники до-

помогли відшукати криївку, але живим художник не здався — відповідно до однієї з версій, він застрелився разом із двома своїми охоронцями: В'ячеславом Антоною — «Матвієм» та Антоном Мельничуком — «Гнатом», спаливши перед тим усі важливі документи. Могили митця, як і двох побратимів, що загинули разом із ним у березні 1952 року, й досі не знайдено...

Зброєю Хасевича були олівець і різець, папір і дерево. І хоч він не очолював збройних формувань, не керував бойовими групами та операціями, його дуже шанували в УПА, максимально оберігали та навіть наполягали на відході на Захід, але він рішуче відмовився. Була якась особлива сила духу, нескореність жорстоким ударам долі в цього невисокого, з фізичними вадами чоловіка. А через його пройняті крицевою незламністю твори ця сила передавалася іншим повстанцям. Тому при обшуках захоплених ворогом криївок роботи Ніла Хасевича вилучалися разом із цінними документами — як особливо важливі та небезпечні.

З-поміж багатьох портретів роботи Хасевича привертає увагу малюнок зовсім ще юної дівчини з гарними великими сумними очима, виконаний олівцем 1945 року. Як вдалося з'ясувати, ця дівчина була зв'язковою «Мартою», а справжнє її ім'я — Євгенія (Женя) Юхимюк. На той момент їй виповнився лише двадцять один рік, і вже невдовзі вона загинула. Кажуть, Хасевич був закоханий у неї...

Євген Маланюк, улюблений поет кількох поколінь українців, пильно вдивляючись у далеке майбутнє, писав:

І ти, нащадче мій, збагнеш,
... Чому стилетом став мій стилос,
І стилосом бував стилет.

Стосовно Ніла Хасевича, ми «з відстані часу» розуміємо, чому його приладдя гравірувальника силою таланту художника та непохитною мужністю патріота перетворилося на грізну зброю, яка й досі лякає ворогів України.

Розкута думка, розум вільний.
Здається, більшого й не треба...
Обрати лет чи рух повільний?
Хтось на землі — надійний, сильний,
А когось змалку вабить небо...

Мені завжди було замало
Самою мрією прожити:
Волів, щоб слово чином стало —
Від лиха друга врятувало,
Убивцю встигло зупинити...

Наш грудень

Короткий день, похмурий вечір,
А ми шасливі, як в дитинстві...
В тумані тануть люди й речі,
Промінням — твоє товариство!

Річниці наші відсвяткуєм
Одну за одною у грудні
І співчуття не пошкодуєм
Для тих, чий світ — суцільні будні...

Зустрінеється, бува, людина —
Сувора, як раптові грози,
А виявляється — єдина,
З якою тепло і в морози.

Такий і він, наш місяць кращий —
Похмурий ніби, а ласкавий...
Хоч мить довершеного щастя
Даруй усім нам, Боже Правий!

Не дай заградувати душу!

Та й списую Сковороду...
Тарас Шевченко

Казав колись філософ мудрий:
— Усе, що трудне, — непотрібне,
А все потрібне є нетрудним...
Повір мені, мій брате рідний,
По духу радше, ніж по крові,
Що вільно мріяти й творити
Мені — як жити у любові,
Як про кохання говорити!
А от рабом мізерним стати...
Душа б одразу заболіла,
Бо думка, кинута за ґрати,
Помре, хоч житиме ще тіло.
Прислухайся до мене, брате, —
Схилитись, нібито, і можна,
Але піднятися та встати
Уже не будеш ти спроможний...
Хтось прагне волі, хтось — не дуже.
— В чім річ? — Запитувати мушу.
Тоді лише ми вільні, друже,
Як не гратовано нам душу...

Андрей Заздравнов

**Доктор медицинских наук, профессор
кафедры общей практики — семейной
медицины и внутренних болезней**

Мы привыкли к себе, мы считаем себя заурядными, обыкновенными, и посему не замечаем своей индивидуальности. Способность смотреть и видеть, из частей создавать целое, воображать и ставить амбициозные цели - разве это не чудесно? Да, цель иногда недостижима, но как прекрасен путь к ней! И мы поддаемся чувствам и настроениям, в обретении себя делаем внешне неоправданные и нерациональные поступки, наполненные внутренним, известным только нам, содержанием... И пока так происходит, мы можем творить и будем оставаться интересными себе и окружающим.

ТОСКА ПО БЕССМЕРТИЮ ИЛИ СКАЗКА О СПЯЩЕЙ КОРОЛЕВЕ

Город, в который прибыл Мортимер, разительно отличался от других больших и малых городов, расположившихся у границ Великой пустыни. Белый Город напоминал цветок, распустившийся в экзотическом саду камней. Ручьи, сбегавшие с невысоких гор, сливались в реки, те делились на множество каналов, которые, напоив своей водой Белый Город и окружающие его селения, вливались в пустыню и иссыкали в песках. Город был богат. Караванные пути и столбовые дороги сходились на его площадях и рынках, купцы подолгу задерживались в трактирах и постоялых дворах и тратили свои деньги на радость предприимчивых жителей. Но золото и серебро, наполнявшее кошельки горожан, не сделало их души жестокими, а мысли злыми. Ученые и трубочисты, поэты и пекари, портные и философы жили в мире и уважении друг к другу, искусства развивались, ремесла совершенствовались. Горожане любили жизнь, радость и веселье. Но более всего они любили свою Королеву, и та отвечала им взаимностью. Деньги горожан, неземная красота и тонкий ум правительницы, дипломатия городской верхушки помогли избежать городу войн, снискали уважение во всей Империи. И ничто, казалось, не могло нарушить этой идиллии.

Но Королева заболела. Вдруг, внезапно. Поговаривали даже о колдовстве. Она чахла день ото дня, и придворные лекари не могли ничем

помочь. Приглашенные заморские врачи рьяно брались за дело, но уже спустя неделю в бессилии опускали руки. Их щедро одаривали и отправляли восвояси. И вслед за ними всегда отправлялся отряд пустынных стражей, не знавших жалости и усталости. Королева тяжело болела, но никто за пределами Города не должен был знать, что ее болезнь была неизлечимой.

Мортимеру были нужны деньги. Студент-медик из обедневшего дворянского рода, он прервал учебу, потому что в имперской столице жить и учиться было совсем не дешево. Полученного наследства ему хватило всего лишь на год жизни. Подрабатывая бальзаматором трупов, он скопил кое-какой капитал для продолжения обучения, но второй год веселой студенческой жизни не только съел все его сбережения, но и обременил долгами. И сейчас он пришел в богатую провинцию, в Белый Город, чтобы заработать и продолжить учебу.

Неправильно было бы сказать, что Морти гордился своим ремеслом, столь же неверным было бы и утверждение, что он его стыдился — слишком специфичным и нетривиальным было его занятие. Юноша не мог похвастаться своими профессиональными успехами в высоком обществе, не мог с почтением представиться досточ-

тимым родителям своей девушки: Мортимер, дворянин, бальзаматор. Его мастерство лежало по ту сторону от счастья и веселья, но ведь и счастливые люди умирают. А если почивший в своей земной жизни был не только счастлив, но и богат, то и бальзаматор будет востребованным. И в этом случае Мортимер постарается превратиться из ремесленника в художника. Как говорится, ищущий да обрящет...

Морти ранее не раз бывал в Городе. Он помнил его веселым и доброжелательным, каждый чужеземец мог тратить в нем деньги, а мог и зарабатывать. Горожане казались самыми счастливыми жителями Империи. Но сейчас юноша не узнавал Город. Как и прежде на городских воротах стояли копьеносцы, а по высоким городским стенам прохаживались лучники. Но радушия и гостеприимства не было в их взглядах, наконечники копий не сверкали на солнце, оперение стрел выглядело свалывшимся в пыльных колчанах. Гладкие стены домов казались раскаленными добела, улицы были засыпаны песком и пылью, а трактиры пусты. Купцы не задерживались в городе, лишь переночевав, они поскорее отправлялись в дорогу. Солнце безжалостно слепило глаза, старалось выжечь даже самую малую тень. Не было слышно песен и танцев, даже крики и смех детворы были робкими и смолкали, едва возникнув. Королева болела, болел и Город. Печаль и отчаяние висели в воздухе, уныние поселилось в душах горожан.

Усатый стражник старательно записывал данные о Мортимере в толстую книгу гостей города.

— С какой целью прибыли в город?

— Работа.

— Чем занимаетесь?

Мортимер задумался, и, живя атмосферой того прежнего, радостного Белого Города, решил философски пошутить.

— Врачую. Продлеваю жизнь мертвым.

Стражник вздрогнул и пристально взглянул на гостя. Он не знал, кто такой бальзаматор. Но он понял, что этот юноша может продлевать жизнь.

— Попрошу немного задержаться, из комнаты не выходить.

Тяжелая дубовая дверь комнаты стражей закрылась. Морти услышал, как задвинулся засов.

— И хотел бы выйти, да никак. — подумал он. — Шутка-то, похоже, оказалось неуместной.

Устав от ожидания, юноша задремал и проснулся лишь тогда, когда дверь в комнату вновь

открылась. Толстая восковая свеча на столе высотой с вершок сгорела почти наполовину.

— Н-да, спал не меньше часа. Ого, сколько тут вас, — заметил про себя Морти, глядя на толпу сановников в дорогих одеждах, с медальонами на толстых шеях. Знакомый стражник скромно прятался за спинами городской знати. Он выглядел одновременно довольным и изрядно испуганным, причем второе явно преобладало.

Вперед вышел высокий черноволосый мужчина. Глубоко ввалившиеся глаза и землистый цвет его лица выдавали огромную усталость. На груди сановника на массивной цепи висел золотой ключ. Морти понял, что перед ним стоит сам Канцлер, второе лицо в Городе.

— Сэр Мортимер! — учтиво обратился Канцлер. — Вы — то нам и нужны! Будем надеяться, что вы будете столь же искусны, сколь и молоды. Пойдемте к пациентке. И да пребудет с вами удача. — Он улыбнулся, и улыбка его не была доброй.

Морти, которого еще ни разу в жизни не величали сэром, с почтением поклонился и развел руками. Мол, ведите к больной. Он не совсем понимал, чего от него хотят. Он даже не до конца понял то, что ему сказали.

Только когда его ввели в дворцовые покои, Морти догадался, кем была его пациентка. В полутемной комнате, откинувшись на подушки, лежала Королева. (Вместе с пониманием сложившейся ситуации), душу юноши заполнил страх — вкрадчивый, холодный, липкий. Но, преодолевая себя, Морти не позволил страху отнять самообладание, и, напустив на себя важность, приступил к осмотру. Нарочито решительно отстранив сиделок, он выслушивал и выстукивал венценосную больную. Это придало ему сил, сознание слегка прояснилось. Королева умирала, в этом не было сомнений. Частое поверхностное дыхание и заострившиеся черты лица свидетельствовали о ее последних часах в этом мире. И сама Королева понимала это. Но даже сейчас она не могла смириться с неизбежным. Едва заметным движением кисти, потребовавшим немалых усилий, Королева поманила юношу.

Морти наклонился к пациентке.

— Мне нельзя умирать. — прошептала Королева. — Империя проглотит мой город и мой народ. Мне еще многое надо успеть сделать...

Она изо всех сил цеплялась за жизнь, и в этой борьбе силы ее иссякли. Дыхание прервалось, по телу пробежала легкая судорога, глаза широко раскрылись, и Королевы не стало.

Морти оглянулся. К счастью, в полумраке затемненной комнаты никто ничего не заметил. Придворный лекарь смотрел с облегчением, а министры и военачальники — с надеждой. Он подумал, что может быть надо сказать о случившемся, позвать Канцлера, но ... Юноша понял, что выбора нет. Королева должна жить. Она восстанет из мертвых, и тогда будет жить и он...

Словно прочитав его мысли, Канцлер произнес:

— Ее Величество должна жить, ты получишь все, что понадобится, и все, что хочешь. Иначе ... — и он многозначительно провел ребром ладони по шее.

Последний жест был излишним, Мортимер уже понял, в какую историю он попал. Он вспоминал свои финансовые проблемы, приведшие в Город, с отчаянной грустью, как что-то малозначительное. Сэром его уже никто не величал. Внешние приличия были отброшены за ненадобностью. Здесь и сейчас, он пан или пропал. Но почему? Ведь ни на что такое он не договаривался! Всего лишь глупая, неуместная шутка... Увы, пути назад не было, все решили за него. И, к собственному удивлению, юноша успокоился. Да, страшно, да, плохо — куда уж хуже... Но он должен стать другим, не таким как прежде. Твердым, уверенным, полагающимся только на себя. Чтобы выжить. Он не должен бояться жизни, даже на таком крутом ее повороте. Ему удалось справиться с дрожью, мысли пришли в порядок, в голове созрел план действий. План не хороший и не плохой. Просто единственный возможный в создавшейся ситуации. Спящий — не мертвец, так-то... Ни больше ни меньше. Ладно, посмотрим, гроссмейстер познается в эндшпиле...

— Королева уснула. Я начну работать немедленно. Вот список необходимых лекарств. Также мне нужно много-много льда, воск, лучшие румяна, тени, помада, комната с отдельным входом и сто золотых. Да поторапливайтесь, время не ждет! — бодро заявил Мортимер. У него был один-единственный шанс из тысячи, и он намеревался им воспользоваться.

Работа длилась всю ночь. В комнате, наполовину заполненной блоками льда ему было жарко. Когда он наконец-то закончил и взглянул на результат, то был потрясен. Так, наверное, Пигмалион глядел на свою Галатею. Это был триумф бальзаматора. Никогда он не делал свою работу лучше, чем в этот раз. Ремесло было превращено в искусство — Королева выглядела как живая. Может быть, он вдохнул в нее жизнь? Еще немного, и он сам поверит

в эту иллюзию. Но прочь эмоции! Затмение закончилось, память возвратилась, и подробности последних суток выстроились в цепь беспощадной реальности. На кону жизнь, его жизнь. Морти последний раз взглянул на неподвижное тело Королевы, вылил из склянок ненужные лекарства, вытряхнул порошки. Великие мира сего достойны быть великими, но бессмертие, увы, недоступно и им.

Он вышел из комнаты и попросил стражу позвать Канцлера со свитой. Те прибыли немедля, с красными воспаленными глазами. Они тоже не спали всю ночь, надеясь на чудо.

— Королева находится в глубоком трансе, из которого выйдет через три дня. Она все видит и слышит, но ничего не говорит. Пока... — с таинственным и многозначительным видом объяснил Мортимер. — Но вы можете ненадолго показать ее народу. А я свою работу сделал. Переносите ее вместе с креслом, пусть она будет зафиксирована, пока не проснется. И спит пусть в этой комнате, здесь прохладно, и лекарства действуют лучше. А я немного отдохну.

Придворные почтительно склонили голову.

— Молодой доктор сделал невозможное. Дадим же ему время отдохнуть, — сказал Канцлер. — И думайте о нас дружелюбно, — добавил он, пристально вглядываясь в Морти.

Мортимер бежал из Города. Вскользнув из дворца, он добрался до городских ворот, никем незамеченным. Окружающий мир, казалось, тоже сопротивлялся чудовищному заговору против юноши. На улицах было пусто, лишь во дворах тоскливо завывали бабаки.

— Этих не обманешь... И как это у них получается? — отметил про себя Морти.

Все жители отправились на площадь. Еще бы, после стольких месяцев болезни Королева впервые покажется подданным. А Морти повезло еще раз — большой караван покидал город, и он напросился к караванщикам в попутчики.

Пустыня предстала перед ним потрепанной мешковиной, перемежающейся серыми заплатами каменистых россыпей. Редкие жухлые колючки довершали неприглядный пейзаж. За полновесный золотой караванчики с радостью продали молчаливому юноше выносливого жеребца. На первой же стоянке Морти покинул купцов и продолжил путь в одиночку. Купленный им конь шел неторопливой рысью через пустыню. Жаркое дыхание песков не пугало ни его, ни всадника. Настоящий ужас оставался сзади, за спиной, в некогда гостеприимном Белом Городе.

Послеполуденное солнце выдохлось, и зной начал понемногу спадать, жеребец пошел веселее. Быстрее, быстрее, только бы не загнать коня... От оазиса к оазису, от водополя к водополю. Уже скоро зловещее красное солнце, садясь за барханы, заполнит пустыню причудливыми картинами игры света и тени. День перейдет в вечер, вечер — в ночь. На ночь придется спешиться. Мало удовольствия встречать ночь в пустыне, когда невыносимый зной сменяется пробирающим до костей холодом. Воистину говорят — в пустыне нет красоты, красота в сердце бедуина. Но он не бедуин, и в его сердце не осталась места для песчаных пейзажей. На сон пара-тройка часов, не более, и то лишь для того, чтобы конь хоть немного отдохнул. И снова в путь, дрожа то ли от ночного холода, то ли от страха... За три дня он успеет пересечь пустыню, а там, с такими деньжищами легко затеряться в бесчисленных городах и весях Империи. Вряд ли агенты Белого Города дотянутся до него. По крайней мере, у него будет несколько лет, а это немало...

Жаркое солнце, преодолев зенит, нависло над главной площадью Города. Королева неподвижно сидела на троне, с величавым спокойствием взирая на любящий ее народ. Весь Город собрался на площади, люди попроще стояли на мостовой, городская верхушка разместились на специальных трибунах. Горожане не замечали зноя, не чувствовали усталости, так велик был их душевный подъем, так безгранична была любовь к Королеве.

— Какая гордая осанка! Как она прекрасна! — восхищались в толпе.

— Как бела ее кожа! Какой спокойный и прониновенный у нее взгляд! — вторили им на трибуне.

Солнце склонялось к горизонту. Канцлер, как замороженный, смотрел на Королеву. Он не осмеливался дать приказ занести ее обратно во дворец. Время для него остановилось. Не зря в народе поговаривали, что его связывали с Королевой не только государственные дела.

Между тем, плавящийся на солнце воск начал сползать со щек Королевы, открывая мертвенную бледность неживого тела. Нанесенный

грим трескался и осыпался на платье. Исчез блеск немигающих глаз, исчез и взгляд. Но толпа, словно заколдованная, смотрела и не видела, восхищалась и не замечала.

— Да ведь она мертва! — сказал вдруг какой-то ребенок.

— Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — дрожащим голосом пробормотал его пробудившийся от гипноза отец.

И тут хлынул поток яркого солнечного света, не замечаемый ранее. Горожане внезапно почувствовали зной и усталость. До их ушей донесся гнетущий собачий вой. Единый организм толпы разом проснулся и тут же распался на отдельных людей. Вышедшие из транса жители Города стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

— Она мертва! Вот ребенок говорит, что она мертва!

— Королева мертва! — закричал наконец весь народ.

Эхо от этого крика взлетело над площадью, ударило о белые стены домов, и, многократно отразившись, полетело в пустыню. Туда, где облачко пыли отмечало торопливое бегство одинокого всадника.

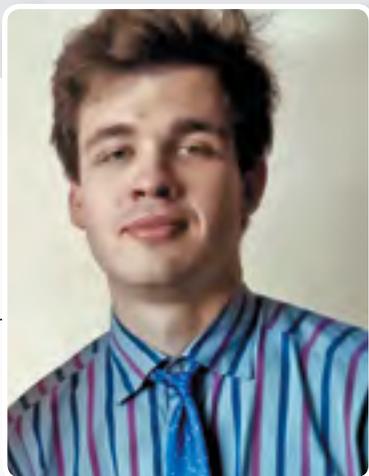
И не успело эхо угаснуть в безбрежных пространствах песков, как отряд безжалостных пустынных стражей отправился вслед незадачливому доктору, лишая его последнего шанса. Эндшпиль был предрешен.

Дует с гор жаркий ветер, разрушая камни в песок, а песок — в пыль. Пыль дорог, пыль времени, пыль былой жизни... Солнце, кажется, никогда не покинет зенит. Жизнь замерла, только бугристые бурые ящерицы, едва заметные на поверхности горячих камней, иногда вздрагивают своими угловатыми головами. В мареве раскаленного воздуха исчезают границы предметов, растворяется само время. Но наступит вечер, и с ним придет долгожданная прохлада. Из нор-пещер, выдолбленных в горе, выберется на открытое пространство стайка ребятишек, последняя надежда умирающего народа. И седые старики, уже не помнящие своих имен, расскажут им легенду о древней Империи, о Белом Городе и о Королеве, которая не хотела умирать.

Даниил Ипполитов

За стеклом

Последняя неделя августа подходила к концу, и уже совсем скоро длинный, уставленный многочисленными банками коридор заполнится новыми студентами. Было душно, капельки конденсата под крышками стеклянных сосудов буквально светились в лучах закатного солнца, тишину нарушал лишь шелест уже желтеющих деревьев, которые мне однажды посчастливилось увидеть в окно третьего этажа. Косой луч солнца пригревал охряно-желтую поверхность моей правой доли, а капельки жира на срезе казались россыпью золотого жемчуга за стеклом витрины. Отличное время для воспоминаний.

Как вы уже, наверно, догадались, я всего лишь печень, жизнь которой до некоторого времени складывалась не самым лучшим образом. Надеюсь, читатели с пониманием отнесутся к моему далеко не идеальному стилю изложения, я ведь все-таки не тот извилистый парень, что стоит через несколько столов от меня, да и мой лишний вес тоже не добавил мне остроумия. Поэтому я решила созерцать. Многие, кстати, недооценивают ценности наблюдения, доктора в том числе, они предпочитают анализ, синтез и много других пока ещё непонятных мне терминов, но при этом не обращают внимания на то, что у них мало исходной информации. Будь они повнимательнее, меня бы, может, здесь и не было. Но вечно я отвлекаюсь, это, пожалуй, оттого, что я так привыкла — весь обмен веществ был на мне.

Вот уже много лет как я встречаю студентов на их первом занятии и, конечно же, горжусь этим. Единственное, что меня расстраивает, это зеленатый цвет моей банки, от этого я кажусь чуть более бледной, чем на самом деле. И все же это не мешает мне внимательно изучить каждого из них, особенно тех, кто стоит сзади и погружен в телефон, я стараюсь

Студент 4 курса II медицинского факультета

Выбор медицины не был всегда очевидным для меня. Вряд ли это можно назвать делом случая, но и предметно объяснить свой выбор я затруднялся. Сейчас же я могу сказать, что нашел не просто профессию, а смысл жизни.

Эссе было написано к Всеукраинской студенческой олимпиаде по патологической анатомии.

их запомнить и не попасться им на экзамене, не хочу облегчать жизнь тем, кто не уделил мне и минутки внимания.

Но самое интересное в ещё живом человеке — это глаза! Впервые я увидела их, когда меня перекладывали на секционный стол, тогда мне показалось странным, что в них не было ничего, кроме равнодушия. Вторые глаза в моей жизни были немного грустными: «Жировая паренхиматозная дистрофия», — мне было всего тридцать. С тех пор сотни карих, голубых, зеленых приближались к холодному стеклу, в них я стала безошибочно определять скучающее безразличие и неподдельный интерес, отвращение и наигранную заинтересованность, последнее особенно часто встречается у ученика под взглядом учителя. Жаль.

Однако, будучи первым лицом кафедры, несомненно, нужно сохранять позитивное настроение, чтобы всегда радовать гостей подтянутой вырезкой круглой связки, которая, к сожалению, уже давно не со мной. Поэтому с особым удовольствием я вспоминаю того, кто помог изложить мне свои мысли на бумаге.

На первом занятии он назвал меня циррозом, я сначала думала обидеться, но, увидев, как строгий взгляд преподавателя вогнал его в краску, сразу же простила и ещё долго смеялась. Больше всего я люблю праздники! На Новый год в конце коридора поставили елку, мне было очень приятно видеть, как преображаются лица людей, входящих на кафедру. Казалось, видя маленькие цветные огни, они забывали о своих проблемах, надеюсь, и в этом году они не забудут о празднике.

Что ж, напоследок я бы хотела передать привет своим микропрепаратам, я помню о них, и мы всегда будем одним целым. Как давно мы не виделись! Быть может, кто-то из них стал знаменитым и его фотографию отправили в Science, остальным хотелось бы пожелать быть не раздавленными по неосторожности объективом микроскопа. И, конечно же, ведите здоровый образ жизни или хотите стать моим соседом?

Студентка 3 курсу ІІ медичного факультета

Мне 19 лет. Я учусь на третьем курсе... Приехала в Харьков из Кременчуга Полтавской области — самого прекрасного города на свете. Первое мое стихотворение было написано в одиннадцатом классе во время подготовки к ЗНО... И с тех пор творчество не оставляет меня.

 лия Косенко

*В*ипадок на іспиті

— Викладачі шановні, скажу я вам відверто:
Хоча сьогодні іспит, не вивчила предмет,—
Студентка червоніла, налякана до смерті,
І торсала нервово з питаннями білет.

— Красуню... Не в те русло пішла у нас роз-
мова...
Для одкровенень таких знайшли невдалий час.
Чи є у Вас причина? Киваєте? Чудово!
Тоді, ну так і бути, пробачимо вже Вас.

— Безсильні тут книжки і ця суха наука,
Й сама не зрозуміла, в яку жахливу мить
Кохання нещасливе мені зв'язало руки,
А це душі проблема, і розум тут мовчить.

— А вчили би хоч інколи, то знали б, як мо-
литву:
Всевишньому кохання причина є земна —
Фенілетиламін, мов гостре лезо бритви,
Нешасна та манюня молекула ФЕА!

А далі допамін додав Вам в страву перцю,
Вам так його бракує — взаємності ж нема.
Так, то не злий метелик з'їдає Ваше серце —
То медіатор мозку в напруженні трима.

Мине ще двійко років — Ви навіть не згадаєте,
Хто Вам середній мозок насмівився збудити,
Ви вчіть фізіологію й тоді часу не згаєте —
Її у своїх бідах Ви зможете винити.

На тій горі вершилось правосуддя.
На тій горі збувався страшний міф.
На гору ту каміння тяг підсудний,
Підсудному ім'я було – Сізіф

О боги римські, грецькі, християнські!
Ну хай уже він дійде до мети!
Я теж від участі такої намагалася -
А хай би і на край землі – втекти.

І я у бурі, вітри та негоду
Несла тягар, під зливи проливні
Я свято вірила, що матиму нагоду
Забути того, хто належить не мені...

Бо тяжка праця відшліфує душу,
Й фізичний біль сильніше всіх образ.
Я мушу... Ну, напевне... Точно, мушу!
Забути ту любов прокляту враз.

На верховині хмари, свіжий вітер...
Я йшла на гору тисячу ночей!
І тут всміхнулись небеса блакиттю,
Блакиттю серцю дорогих очей...

Я знаю, забуття – доля Сізіфа.
Я не забуду ту жахливу мить:
Як у страшних повчальних грецьких міфах,
Мій камінь стрімко в урвище летить.

Валерия Козак

Студентка 4 курса I медицинского факультета

Мои первые пробы пера начались еще со школы, благодаря первой учительнице, которая с начальных классов учила нас придумывать маленькие детские стишки. Она рассказала, что такое рифма, приоткрыла тайны поэтического слова, познакомила с шедеврами мировой лирики... Сейчас я уже студентка медицинского университета и все так же продолжаю заниматься своим любимым делом – писать стихи.

Я не хочу глухой быть,
Что б людские беды не слышать.
Я не хочу быть немой,
Что бы словом своим не помочь.

Я прошу Вас, услышьте же голос мой,
От чистого сердца идущий.
Голос свежей росы, голос лета.
Это голос души юного поэта.

Давайте жити,
Сміятися й творити.
Давайте жити,
Дивуватися й любити.

Треба жити,
Серцем не старіти.
Йти вперед не обертатись,
На світлі мрії сподіватись.

Жити треба,
Милуватись краєм неба.
Свято вірити й радіти,
Пам'ятати і жаліти.

Давайте жити,
Від душі сміятись.
Давайте щиро спілкуватись.

Зізнайтесь в заздрості й брехні
Посміхайтесь всі дні.

Давайте просто жити.
На зло добро творити.
Повагу мати до людей.
Любить малесеньких дітей.

Давайте жити...

Майбутнє!

Україно! Ненько мила!
Яка ж чудесна та красива,
Яка ж прекрасна і щаслива,
Як мрія, дівчина вродлива.

Моя країно, незалежність
Своєю кров'ю здобула,
За мову рідну, слово гідне
Життя мільйонів віддала.

Так, наші прадіди завзяті,
Боролися та убивали,
Сорочки кров'ю обливали,
Нашадки щоб біди не знали.

Але ж не все так, як здається,
Моя країно молода.
Не всім так гарно тут живеться,
Як у піснях дівча співа.

Побачила, як діти жебракують,
Старенькі б'ються за «сміття».
Моя країно, що з тобою?
Хіба щасливе це життя?

Як прикро дивитись мені на оце.

Хочу закрити руками лице.
Але у душі дідів сила волі.
Для своєї Батьківщини хочу іншої долі!

Блакитне небо, ліс і річка
Тече, як темно-синя стрічка,
Що дівчина вплела у коси,
Немов прозоро-срібні роси.

Лани, гаї, поля й ліси.
Усе прекрасне навкруги!
Всі люди честь і гідність мають,
Про доброту не забувають.

Таке майбутнє я вбачаю,
Своїм серденьком відчуваю.
Тож будьмо одностайними завжди,
Щоб досягти цієї мети!

Різні

Ми с тобою дуже різні,
Хвилинами ніжні, хвилинами грізні.
Ти теплеє літо, а я наче осінь,
Що завжди сумує і радості просить.

Ти наче Сонце – такий безтурботний,
А я наче Місяць у небі самотній.
Блукаю між зірками в обіймах туману,
Ховаючись в ньому від зла і обману.

Ти мовби та пісня, що в горах лунає,
Яку про кохання дівчина співає.
А я мов той дощ, що печаллю повитий,
Немовби мій шлях, що до щастя закритий.

Не чую я серця, а ти його маєш,
Холодною леді мене називаєш.
Прости, не зможу іншою бути,
Болю такого мені не забути!

А може, це доля, що в світі буває
І разом людей зовсім різних єднає?!

Самотність

Чому я відчуваю у душі
Оту самотність, що не описати?
Чому серденько, мов за ґрати,
Хтось посадив відпочивати?

Я йду по вулиці й не чую
Ні звуку, лише серця стук.
Я йду по вулиці й не бачу,

Що сів на гілку чорний крук.

А навкруги проходять люди,
У кожного свої є амплітуди.
А я їду туди, де легше стане,
Де вся самотність ця розтане...

Ти є для мене сонячним промінням,
І місяця у небі мерехтінням.
Ти той, що в серці радість відкриває,
Безмежним щастям душу наповняє.

Це так чудово бути всім для тебе,
Твоєю посмішкою бути на устах.
І бачити тебе щасливим біля себе,
Коханий погляд твій вбачати у очах.

Я вірю, що кохана я для тебе,
А якщо ні, спитаю тоді в неба.
Хоча, я знаю, що вже не відпустиш
І берегти мене ти мусиш.

Ты помнишь, как пришла весна?
Как снег еще лежал в полях?
А мы с тобой уже бродили,
В холодном парке находили
Уют, тепло в своих сердцах.

Ты помнишь, как мы обменялись
Ключами от сердец своих?
И навсегда мы обвенчались,
Тем первоцветом на двоих.

Я помню, что потом дарил,
Мне ландыши, букет сирени.
Я помню, что для нас стихи,
Я написала в вдохновении.

Вячеслав Лапшин

Доцент кафедры детской хирургии
и детской анестезиологии,
кандидат медицинских наук

Перебирая архивы моего отца В.И. Лапшина, я обратил внимание на старую общую тетрадь, оказавшуюся дневником военных лет, который вела моя будущая мама И.К.Цехмистро. В 1941 году ей, студентке 2-го курса, Харьковского медицинского института было 19 лет. Мама с отличием окончила школу в Чугуеве, поступила в Харьковский медицинский институт. Училась в одном классе с Б.Чичибабиным, дружила с ним. Эта дружба продолжалась всю жизнь.

Дневник простой молодой студентки, воспитанной в лучших традициях патриотизма, ее мысли, переживания, описание быта тех лет мне были очень интересны. Читал эти записи с большим волнением, ведь их писала моя мама! Привожу их без какой-либо корректировки. Они позволяют ощутить атмосферу того страшного для нашего народа времени.

Из записей старого дневника

31 октября 1941 года

И вот пришел тот день, не спросив, не предупредив никого ни о чем. Еще вчера, а значит, почти раньше всех, я увидела в саду у соседки немецкого автоматчика. А раньше у нас в саду стояли красноармейцы. Трудно сейчас написать, что я чувствовала тогда.

2 ноября 1941 года

Моя мама собирается идти мыть полы в бывшем райисполкоме. Почему? Нас не спросили - начали войну. Не спросили, можно ли войти в Чугуев. Не спросят и теперь - хочешь ты или не хочешь мыть полы для них.

После сидения в погребке пришла спокойная ночь. Это была ночь на 31 октября. Потом пришел этот день. На наше крыльцо входили зеленые шинели. Первые двое вошли, сказав на ломаном русском: «День добрый» и прошли сразу все комнаты. Много говорили между собой. Вышли. Мама сказала: «Эти не убили, посмотрим, что будет дальше». Одному из них было не больше 18 лет, прямые плечи, худ. Именно такими я представляла их.

...Через несколько минут пришли еще двое. Я убежала в последнюю комнату. Потом они начали кричать: «Сахар, сахар, цукер». Мама открыла шкаф и начала ссыпать сахар им в мешок.

У них уже был чей-то сахар. Они оставили нам третью часть, потому что мама сказала: «Это все». Потом приходили еще и еще – бесконечно. Вели разговоры с мамой: «Русской армии капут, потому что вы не имеете морали, не имеете правительства, не имеете хорошего вождя». Хотелось под столом показать дулю. Но мы сделали вид, что не поняли этой фразы.

Немецкая мораль: сейчас, когда я пишу, этот солдат ловит нашу курицу во дворе.

6 ноября 1941 года

Каждый день пролетают русские аэропланы.

13 ноября 1941 года

Долго ничего не писала. Дни не отличишь друг от друга, однообразные, как забор, дни. Очень тяжело перевоспитывать себя. Трудно понимать эту «мораль», или этого «сверхчеловека» Ницше. А мы, сошки мелкие, людишки должны слушать и на ус мотать. Не умею я ценить того, что было. Счастье лежит у тебя на пути, а ты проходишь мимо. Но теперь уже и счастье лежать не будет и пути не будет. Пока мы живы. Пока жив отец, пока он работает. Но не может же он работать вечно. Придется сидеть где-нибудь касиршей.

...Сейчас можно сидеть дома, вышивать и спать сколько хочется. Это время пришло. Но не спится и не вышивается. Они «принесли мир». Но они унесли и тот мир. Ушло все, ушел мир. Они вывешивают «Обращение к украинскому народу». Народ не поймет. И народ не простит.

Но мы можем умереть раньше, чем народ отомстит. На душе паршиво, в доме грязно и холодно. Вот и все.

23 ноября 1941 года

Напротив больницы повешена женщина и около нее надпись: «Эта женщина скрывала у себя партизан, кормила их и обслуживала». Говорили, что если бы она донесла, то ее бы не повесили. Легко сказать «донести», разве это не одно и то же, что самой убить их? Проходя мимо, я решила, что не посмотрю, но что-то так и тянуло в ту сторону. Я все-таки повернулась. Картина ужасная. На дереве на Харьковской улице висит женщина. Лицо ужасного смертельно-желтого цвета, голова сильно повернута на сторону. Черный платок еще больше подчеркивал бледность лица. Меня поразила какая-то жуткая прямота, длинное и жутко прямое тело. Его еще больше удлиняли спустившиеся с ног валенки.

Хотела бы я видеть того человека, который надел ей на шею веревку. Неужели он после этого смеется и, может быть, думает о своей жене... Эти, так сказать, культурные люди принесли сюда нам эту нечеловеческую казнь.

Они казнят за все: за то, что еврей, за то, что не отдавал последние крошки хлеба, за то, что был на улице на 5 минут позже положенного времени, за то, что под мостом взорвалась мина. Во всем виноват народ. Неужели им не отойдется все это горе?

...Все разлетелись в разные концы, едва ли я увижусь теперь с кем-нибудь. День, слава богу, кончился. Можно сказать «еще один». А до чего я, спрашивается, считаю дни? До смерти, что ли?

9 декабря 1941 года

Был настоящий еврейский погром. Раньше я читала об этом только в книгах, теперь пришлось увидеть. Это больше чем ужасно.

Да, кажется, Америка объявила Японии войну. Война теперь не новость, особого впечатления не производит.

14 декабря 1941 года

Была в Харькове. Харьков похож на кладбище. Весь центр города сгорел, а еще и сейчас пахнет гарью. Везде развалины и дыры вместо окон. Но это не после боя, это после подготовки к встрече немцев. Несколько дней на площади стоял сгоревший наш танк и погибшие в нем 3 красноармейца. Только через несколько дней их похоронили.

У дома ЦК ВКПб каждый день вешают людей. В одном месте был повешен совсем седой старик и рядом с ним ремесленник в форменной фуражке. Ему лет 14-15, не больше. На улице очень редко можно видеть человека. Только в 11 часов, когда немецкое радио передает свою сводку, на площади Дзержинского собираются тысячи людей. Немецкое командование старается вешать

людей в это же время.

31 декабря 1941 г.

Последний день 41 года. Пришел вечер, придут и 12 часов. В это время где-нибудь поднимут бокалы. У соседей звучит музыка, вернее музыка в Германии. Там встречают Новый год. Они могут веселиться, а мы? Мы можем только через стенку слушать эту музыку, сидя в темной комнате. Глаза слипаются, засыпаю. Сон - это самая большая и единственная радость.

9 марта 1942г.

Вот уже третий день на фронте стрельба. Опять маленькая надежда. Но сколько же таких надежд не сбылось...

14 марта 1942г.

Ночевала у Лены. Вымыла руки в недомытом котле с компотом для немцев. Ничего, полезнее будет. Слышала, что взят Змиев и Гинеевка. Неужели правда?! Видите эти желтые брызги на бумаге - это следы немецкого компота. Видела, как Ирка до гадости выкручивается перед немцами!

30 марта 1942г.

Рассказывали, что в Харькове расстреляны два известных профессора - еврея. Это были свети науки. Это значит национал - социализм.

У нас живет «хороший» немец. Его зовут Антон. Он читал «Железный поток» и «Тихий Дон». Рассматривал открытки, удивлялся, что это русские. Спрашивал, сможет ли жить Россия, если они займут территорию до Волги. Мы уверяли, что сможет. Пусть не чернят так легко нашу Родину, пусть не увидят они Волги. Неужели не победит справедливость?!

1 мая 1942 г.

Я всегда ждала этот день, к этому дню мы готовились, убрали квартиру. Зачем это все сейчас? В больнице я получила хлебную карточку. В это время к больнице подъехала машина, чтобы раненых красноармейцев везти в Харьков. Они уже толпились у крыльца. Господи, какие несчастные люди, черные, оборванные, изможденные, заросшие и голодные. За что они так страдают? Я вот сижу в теплой чистой квартире и думаю еще о новых туфлях. Какое я имею право, когда в это время умирают и борются со смертью в страшных мучениях тысячи людей?! У меня стучат зубы от боли и ненависти.

Лену арестовали за предполагаемую связь с партизанами. Она передала мне записку: «Прощайте, может быть, я буду висеть. Это уже не шутка. Елена.»

02 мая 1942 г.

Второй день Лена сидит. Удалось с ней поговорить (милиционер разрешил). Она рассказала о своих сокамерниках. Тут две дамы в перчатках, имеющие от немецкой комендатуры освобождение от работы, которого не понял полицией. Тут

13-летний мальчишка, который шел в Кочеток без паспорта, некая девушка Шура, которая зарезала свою корову для партизан, баба из Покровки, отругавшая старосту, тип в очках - он на ночь отвязал свою собаку, а она укусила полиция, пленный красноармеец, грузин, он был приговорен к расстрелу за склад с зерном, старуха, которая зарезала немецкую курицу.

У Ирки висит «Календар першого року визволення». Для немцев шьются платья и красятся губы. Неужели за это не ответят?! Я знаю, в случае чего быстро сменят личину.

07 мая 1942 г.

Лену выпустили, она дома.

... Притупились все человеческие чувства. Даже, когда я узнала, что на базаре на виселице висит 4 человека, я могла думать об обеде, спокойно улеглась спать и проснулась только на следующее утро. Что на меня еще действует, так это статьи о наших неудачах в газетах.

13 мая 1942г.

К вечеру мы наблюдали воздушный бой над Кочетком. Два самолета загорелись высоко в воздухе и упали камнем. Из-за леса были видны клубы густого черного дыма. Чьи это были самолеты? Молю Бога, чтобы не наши.

Мы пошли в город. По Гоголевской бесконечной лентой тянутся немецкие обозы, идет пехота. Они все без шапок, странно смотреть, как ветер растрепал их волосы. Пыльные, грязные, замученные. Небось не блестят, как эти, сидящие здесь в тылу.

Слова немцев - квартирантов: «Сталин ведет обдуманно - планомерную политику истребления своего народа для укрепления жидовско - большевистской власти». Ох, чем-то это все кончится?

16 мая 1942 г.

Знакомая М. говорит, что наш летчик, которого сбили под Каменной Яругой, лежит в больнице, бедняга потерял глаз. Больные в больнице его всячески обвиняют в своих несчастьях: там много пострадавших от бомбежки. Надо отнести ему что-нибудь поесть.

21 мая 1942 г.

Мне рассказали, что у немцев сидит шпион с нашей стороны. Он ждет уже своей смерти, поэтому говорит все. Да, нелегко умирать в 24 года! Пробую себе представить, что чувствует человек, когда знает, что через 1-2 часа должен умереть. Узнать бы, как его зовут, получить бы адрес. Может когда-нибудь сообщить родне. Ведь никто не будет знать. Пропал и пропал...

24 июня 1942 г.

Немцы перебрасывают силы на фронт. Я увидела, как много у них вооружения. Танки едут сплошной лентой. Масса автомобилей, в каждом

едет по 3-4 человека. Все это черное, тяжелое, громадное.

Я понемногу начинаю понимать, почему наши люди отступают. Можно себе представить, что может чувствовать человек, когда на него надвигается такая железная туча, несущая смерть. Страх побеждает рассудок.

Утром я носила нашему летчику в больницу еду. Я хочу с ним поговорить. Дела плохи, я это знаю. Неужели же наши союзники так слабы? Отчаяние - это, кажется, хуже всего. Наступление - это значит снова тысячи каждый день убитых красноармейцев. Я же ни одному раненому не сделала легче.

28 мая 1942г.

Была с подругой у нашего летчика. Его зовут Виктор, он из Иваново-Вознесенска. Я подарила ему цветы каштана. Сестра разрешила летчику выйти в сад. Мы проболтали с ним 3 часа. Чувствовала себя среди своих.

На той стороне люди понемногу забывают, что идет ужасная война, учатся, работают, ходят в театр, танцуют. Настроение хорошее. А мы? Наше настроение создают немецкие газеты, немецкие рассказы, хотя я убедилась, что это плохо сфабрикованная ложь. Во вчерашней газете читаю: 20 пехотных и 3 кавалерийских дивизии под Харьковом окружены.

Мы подружились с Виктором ... Дневнику это можно сказать. Надо его успокоить, что его будут любить, даже если он и без глаза.

Бомба угодила в дом члена управы Г. Это уже второй управец получает угощение. Осталось еще двое.

Ночью наши аэропланы пролетели так низко, что я невольно прижалась к подушке. Мы знаем, что они спускаются низко там, где собираются бомбить. Секунда, в которую аэроплан пролетал над домом, показалась, длинной, длинной.

10 июня 1942 г.

Через 4 дня мне исполнится 20 лет. Дело идет к старости.

Видела сегодня 5 перебежчиков. Сытые морды у проклятых. Один из династии Б. спрашивает: «Что это красные пошли в наступление? Куда? Три человека?!»

На кладбище хоронили немцев. Вырыта общая длинная - предлинная могила. Мертвых кладут туда рядом, завернутых в брезентовые накидки. Торчат ноги в серых немецких носках, лиц не видно.

Мы пошли в больницу. Под навесом лежат раненые, очевидно, более тяжелые. Остальные лежат и сидят на земле, ждут своей очереди попасть в помещение. В госпитале не хватает персонала. Работающие там девчонки теперь за сестер. Слишком рано они собирались купаться в Волге!

11 июня 1942 г.

Сегодня на кладбище снова хоронили немцев. Видны человеческие ноги - желтые, безжизненные, стеклянные. На них сидит рой мух. Трупы завернуты в промасленную бумагу, как у них на противоипритных накидках. Идет ужасный, тяжелый трупный запах. Эти также не успели искупаться в Волге...

... На душе тяжело и темно. В голове всегда одно и то же. Мучительно жалко наш народ. Сколько страданий! За что? Сколько так будет продолжаться? Неужели же нельзя будет отомстить за все?

Прошел и день моего рожденья, 20 лет уже, третий десяток. Так пролетит вся жизнь. У меня была Лена, Ирина, Мила и Женья. День был пасмурный, шел дождь.

22 июня 1942 г.

Я очень хорошо, как будто это было вчера, помню этот день 22 июня 1941 г. У меня уже кончались экзамены. По всем предметам я получила пятерки. Я ждала экзамена по физике, в которой хорошо разбиралась, в отличие от своих однокурсников - медиков. Впереди было 2 месяца свободного времени. «Тебя оставят в Чугуеве в госпитале», - сказал папа.

В Харькове все окна заклеены бумажными лентами, вечером в городе абсолютный мрак. Какой жуткий был Госпром, немая черная громадина. В трамваях горят синие лампы с защитными колпаками. В подъездах то же самое. Служащие идут на работу с противогазами. У нашего подъезда сидит дежурный. Радио передает сводки, затем звучит музыка Глинки и марши. Тогда я выбирала, с каким маршем мы войдем в Берлин. Все студенты после экзаменов едут на полевые работы. Меня отпустили в Чугуев из-за болезни бабушки.

26 июня 1942 г.

Ленку изнасиловал немец. Я сижу и читаю книги, но, к сожалению, в них есть последняя страница. Отец хвалит немецких врачей. Я его ненавижу в эти минуты - старый лизоблюд!

Рассказывали, что одна баба принялась стягивать с убитого нашего капитана сапоги. Но он был еще жив, стал просить «Не мучайте меня. У меня в кармане тысяча рублей. Возьмите, и дайте спокойно умереть». На что баба ответила: «На черта мне твоя тысяча, мне сапоги нужны!» И это мой народ. Тяжело, очень тяжело.

24 сентября 1942 г.

Уже год, как мы не знаем, что такое радио и почта...

Здесь записи прерываются.

До освобождения Чугуева остается еще полтора года.

Думаю, что дневниковые записи достаточно

передают атмосферу жизни во временной оккупации, подавленное настроение студентки, лишенной возможности учиться профессии, терпящей унижения, издевательства, оскорбляемой в своих патриотических чувствах, но свято верующей в победу своего народа. В дневниках встречаются фамилии предателей и сочувствующих режиму. Первые понесли заслуженное наказание, вторые легко (как это умеют делать подобные люди) мимикрировали, став «антифашистами». Всех их давно уже нет в живых. Опасаясь оскорбить их родных, фамилии не привожу. Старожилы Чугуева их хорошо помнят.

19-летняя девушка со свойственным ей максимализмом критикует своего отца за лояльное отношение к немецким врачам, называя его «старым лизоблюдом». Думаю, он всеми силами старался сохранить жизнь семьи, надеялся на нашу Победу, выполнял свой врачебный долг. Не забывал о задании, которое дала ему законная власть.

Обычно много пишут о военных операциях, ратных подвигах на фронте. Это касается и моего отца В.И. Лапшина, и его брата И.И. Лапшина, героически воевавших. Мама, провожая отца на фронт, подарила ему свою фотографию с подписью «Пусть тебя озарит счастливая звезда». Эту фотографию отец проносил в кармане гимнастерки всю войну, и фотография хранила его.

В пребывании в оккупации, особенно, по мнению фронтовиков, нет ничего хорошего. «Они отсиживались, пока мы воевали»; и их легко понять. Тем не менее, то как жили и что чувствовали наши люди под пятой врага надо знать. Это тоже наша история, все ее стороны одинаково важны.

22 июля 2016 г.

Роман Олентьев

*Прошла уже целая жизнь,
Как мы растерялись по свету,
Но память зачем-то хранит,
Те годы, ушедшие в Лету,
Как счастья ушедшего миг,
Как лучик надежды ушедшей ...*

Друзьям детства посвящаю

Подушечки

Иногда в своих мыслях мы возвращаемся в детство, грустное и смешное, веселое и поучительное. И всегда доброе. Самые светлые воспоминания о прожитой жизни всегда ассоциируются с детскими годами, где родители моложе тебя сегодняшнего, будущее далеко и прекрасно, а самой большой проблемой является банда двоечников из параллельного класса и предстоящая контрольная по математике.

Дети военных всегда были особой кастой в школе. Родители, где папы, как правило, получили высшее образование в военных училищах, а мамы в педагогических институтах, стремились «организовать» свое дитя в успешном покорении школьных дисциплин. Большинство училось хорошо.

Военный городок располагался недалеко от заповедника «Беловежская пуца», посреди леса и был окружен лесными озерами. Заготовка березового сока, грибов-ягод, летняя и зимняя рыбалка воспринимались не как активный отдых, а как естественный образ жизни.

Свободное от занятий время посвящалось совместным играм на свежем воздухе. Зимой, конечно же, играли в хоккей, до выбитых клюш-

Начальник отдела кадров университета

По образованию - юрист. Родился в семье военного, в Западной Белоруссии. Свою жизнь связал со службой в правоохранительных органах. Подполковник милиции в отставке. Считает, что хорошая художественная литература не менее важна для формирования нравственных качеств личности, чем семья и общество. Увлечение литературой привело к творческим поискам и желанию попробовать себя в этом жанре.

ками зубов, заливали водой ледяные горки для катания на санках, ну а летом игр было еще больше. И кроме этого, круглый год можно было купаться в бассейне спортзала!

Выйдя на улицу, всегда можно было найти себе развлечение по настроению: казаки-разбойники — командные догонялки друг за другом, с ловлей пленного, последующей пыткой его щекоткой и выпытыванием пароля. На строгий вопрос допрашивающего к пленному: «Говори пароль!», следовал сначала ложный ответ: «А у нас такой пароль — на горшке сидел король!», ну, а настоящих паролей было почему-то всего два: первый: «Красная звезда», а второй: «Красный магнит кровью облит!». Шансов играть в молчанку у попавшего в плен не было никаких, так как у команды противника всегда оставался в запасе запрещенный прием, как то угроза лишения пленного потайной части гардероба. Можно было сколотить команду и пойти поиграть «в пекаря» на площадку для игры в городки, осуществить дерзкий набег велосипедной ордой на окрестные достопримечательности в виде кукурузных полей местных колхозов либо мусорных свалок, где, по преданиям «старожилов», можно было найти настоящий немецкий автомат (который, конечно же, никто из нас так и не нашел). Каждое лето лес в округе был ископан новыми «партизанскими» землянками, которые маскировались нами так искусно, что далеко не каждый взрослый мог обнаружить в неё вход. Из сташенных с ближайшей округи кирпичей мы оборудовали те землянки самодельными печками, в которых пекли картошку. Можно было почувствовать себя почти настоящим мушкетером, оседлав велосипед, с самодельной шпагой, сконстру-

ированной из прута лозы и надетой на него капроновой крышкой от консервации, или Робин-Гудом, с таким же самодельным луком, в зависимости от того, какой последний сериал был показан по телевидению. Как правило, после первого болезненного тычка «шпагой» в противника, либо подстрела стрелой, игра переходила в рукопашную, с демонстративным ломанием оружия врага.

Игры были как чисто мальчишечьи, так и коллективные, с разделением противников по гендерному признаку.

Одной из таких игр был «Пионербол». Это был скорее «волейбол-лайт», когда мяч не отбивался через сетку, а ловился игроками противоположной команды и в ответ перекидывался через сетку на поле противника.

Нам было лет по восемь. Количество мальчишек и девчонок для разделения на команды было не равным, поэтому играли в смешанных командах.

Игра шла на волейбольной площадке солдатского спортивного городка, и в самый её разгар при подаче очередного мяча, Таня, моя детсадовская подружка, подняла с земли скомканную бумажку, развернув которую, все увидели один рубль!

Кто в детстве не мечтал найти клад или кошелек с деньгами? Конечно же, все! И вот перед нами стоял человек, который только что нашел клад!

СПРАВКА

На один рубль в начале 80-х годов минувшего века можно было купить:

- 100 коробков спичек;
- 100 простых карандашей,
- 5 школьных тетрадей с Клятвой пионера Советского Союза, либо Таблицей Пифагора на последней странице;
- 5 пачек мороженого Пломбир;
- 5 батончиков хлеба;
- 4 банки сметаны;
- 3 банки кильки в томате;
- почти полкило вареной колбасы;
- 5 коробок кукурузных палочек в сахарной пудре;
- 3 бутылки лимонада Буратино;
- 1 килограмм карамелек Подушечки;
- 10 билетов в кино на детский сеанс;
- 2 железных пистонных пистолета, почти как «Макаров».

В общем, для восьмилетнего ребенка рубль, это были серьезные деньги!

Танька смеялась от радости. Игра тут же закончилась, и все, обступив счастливицу, стали разглядывать тот самый рубль, не веря чужому счастью.

— Во, как тебе повезло, Танька! Что купишь?

— Еще не знаю, наверное, маме отдам.

Рубль был совершенно невзрачный, мятый, сильно пропахший табачным дымом и, скорее всего, выпал из кармана солдата — срочника, игравшего там же в волейбол ранее.

Но тут громким голосом диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана, читающего приказы Верховного Главнокомандующего и сводки Совинформбюро с полей сражений, Наташка, главный комиссар и судья наших игр, безапелляционно заявила:

— Его надо в милицию сдать! Он отравленный! Его нам американцы подбросили!

Все вдруг растерялись. Стало совсем уж как-то неуютно и страшно. А какая же все-таки, молодчина наша Наташка! И, правда, какие же мы глупые, что сразу не догадались, это же действительно проклятые американцы! Ведь проявила бдительность и выявила же сама коварные происки наших врагов — капиталистов! Это они хотят нас отравить и подбрасывают советским детям отравленные деньги! Наташке явно светила медаль «За отвагу и бдительность». Танька же категорически не хотела принимать версию про американский след найденного рубля и заплакала. В ходе острых дебатов игроков двух противоборствующих команд «Пионербола» было принято компромиссное коллективное решение: «Отравленный рубль в милицию не сдавать, а пойти в солдатский буфет, где у Наташки продавцом работала мама, и купить на него конфеты. ВСЕМ!!!».

На том и порешили. Самыми дешевыми были карамельки-подушечки, квадратные конфетки с начинкой из повидла, обсыпанные сахарным песком. Минус был в том, что продавались они без обертки и липли к рукам. Зато стоили те подушечки как раз рубль за кило. Наевшись конфет, все были счастливы и, обступив уже не плачущую, но еще сомневающуюся в правильности своего решения Таньку, утешали ее тем, что взрослые, конечно же, сразу же узнают в госбанке отравленный американцами рубль и поступят с ним правильно...

Василий Ольховский

**Заведующий кафедрой судебной
медицины, медицинского правоведения им.
заслуженного проф. Н.С. Бокариуса, доктор
медицинских наук, профессор**

Член-корреспондент Международной академии интегративной антропологии. В 1978 году с отличием окончил лечебный факультет ХМИ. Воспитанник славной харьковской медицинской школы — анатомической и судебно-медицинской, ученик профессоров В.В. Бобина, В.М. Лупыря и В.А. Татаренко. Подготовил 8 кандидатов мед. наук и одного магистра медицины по специальности «судебная медицина». Автор более 400 научных и учебно-методических работ. Свои достижения связывает с Alma mater, которая привила любовь к своим учителям, коллегам и студентам.

Незабываемые студенческие годы!

Лекции по анатомии... Нам, студентам-первокурсникам, тяжело было привыкать к напряженному ритму занятий. А дом далеко... Но у нас был заботливый наставник. Мне он был, как отец, — Владимир Викторович Бобин, профессор кафедры нормальной анатомии. Очень интересно было слушать его содержательные лекции. Учиться медицине нужно долго. И он на первых же лекциях напоминал нам, что нужно заботиться о своем здоровье, носить с собой завтраки, следить за режимом дня. Иногда даже подкармливал бедных студентов, давал деньги. Кафедра анатомии была, как одна большая семья, все заботились друг о друге, помогали. И я решил тогда — буду анатомом. Я полюбил анатомию, историю медицины именно благодаря Владимиру Васильевичу.

Много рассказывал профессор Бобин о своем дедушке Владимире Павловиче Бобине — знаменитом харьковском враче-гуманисте, который в течение 43-х лет был врачом-распорядителем (главным врачом) больницы Харьковского медицинского общества. В 1910–1912 гг. он возглавлял строительство «Дворца медицины» (теперь НИИ микробиологии им. И.И. Мечникова). В воспоминаниях врачей-коллег Владимир Петрович предстает равнодушным, очень внимательным ко всем людям: «Какое бы несчастье не случилось с человеком, — переехали

ли кого на улице, упал ли рабочий с постройки или заболел кто внезапно ночью, — «надо до Бобина, до Бобина» — это знал у нас в Харькове каждый человек». Свои воспоминания (1900–1910 гг.) оставил и сын Виктор, отец Владимира Викторовича: «Самые ранние мои воспоминания относятся к необычайному происшествию. Заболела моя трехлетняя сестра Вера дифтеритом. Меня отправили на Москалевку к тете. У Веры была высокая температура, она задыхалась — нужно было сделать трахеостомию. Автоном Евгеньевич Раковский её оперировал. Это был товарищ отца, оба они окончили университет в 1881 году. К счастью, в это время уже харьковские врачи Н.А. Протопопов и Ю.Ю. Моте побывали в Париже у Пастера. Они срочно привезли в Харьков антидифтерийную сыворотку. Сестре сыворотку ввели. Она выжила, выздоровела, и большой шрам на шее свидетельствовал о перенесенной ею операции.

Много интересного рассказывали о друге отца (Эмиле) Федоровиче Беллине, судебно-медицинском эксперте, талантливом ученом. Однажды он спас от смерти тонущего в Лопани человека, которому он в течение 8 часов подряд делал искусственное дыхание. Этот человек сначала потерял дар речи, память. Он забыл даже свое имя и не узнавал предметов, но затем понемногу память и речь у него восстановились, хотя и не полностью.

О взаимоотношениях в лечебнице Виктор Бо-

бин вспоминал так (1900 г.): «Когда я немного подрос, у меня началась дружба с работниками больницы. Я ходил в наш маленький дворик больницы по улице Пушкинской, 14 (тогда Немецкой), куда в 12 часов дня приходили обедать младшие работники амбулатории и больницы Пастеровской и Бактериологической станций. Мне очень нравилось деревянной ложкой хлебать из общего большого котла густой мясной борщ, а на второе блюдо — гречневую кашу с «вышкварками».

Однажды вечером — это было необычное явление, так как Владимир Павлович всегда находился в лечебнице, на «посту» — отец взял меня с собой «в город». Мы на одноконном извозчике, которых в Харькове в то время называли «ваньками», поехали посмотреть иллюминацию по поводу коронации вступившего на престол нового царя Николая II. В городе была новинка: был устроен газовый завод, и по трубам газ подавался в некоторые учреждения. На украшенном флагами фасаде Городской Думы был устроен из газовых труб с отверстиями круг с буквами-инициалами: Николай II Александра. Было много света и горели площадки с маслом на тротуарах. Чад от них шел очень неприятный, была толкучка, и мне, и отцу это торжество не понравилось. Через несколько дней приходящие к отцу знакомые начали рассказывать, какое произошло в Москве во время коронации несчастье. Погибло множество народа из-за нераспорядительности начальства. На Ходынском поле люди давили друг друга, не имея возможности выбраться из толпы, детей поднимали на плечи, на головы, чтобы спасти. Я никак не понять, как дети могли «ходить по головам взрослых»...

Далее вспоминает Виктор Бобин: «Жизнь в больнице Харьковского Медицинского Общества была очень беспокойная. С раннего утра приходили больные, иногда приезжали из дальних деревень, ожидали начала приема и затем лекарств, которые готовились в аптеке. А ночью приводили нуждающихся в экстренной помощи. Владимир Павлович так привык к своей роли, что малейший шум, стук в дверь амбулатории среди ночной тишины будил его, и он из своей спальни звонил в электрический звонок, будил спящего в больнице дежурного, звал к себе, делал распоряжения и в нужных случаях сам выходил, чтобы оказывать помощь больному или пострадавшему. Когда я подрос, отец разрешил мне помогать при экстренных случаях. Помощь часто была нужна, особенно ночью».

В период осени-зимы 1905 г. врачи больницы сформировали отряды для доставки ране-

ных в больницу. В квартире В.П. Бобина шла заготовка перевязочного материала из марли и повязок с красным крестом. Мне тогда было 15 лет, и я дежурил всю ночь у раненого в грудь студента Миллера, который умер к утру. Я знал, что когда в больнице кто-либо умирал, отец очень остро переживал это, делался мрачным и неразговорчивым. В это время во дворе Медицинского общества часто проходили митинги — выступали ораторы взволнованно, горячо, активно. Это были врачи, студенты, юристы».

... Много захватывающих историй о жизни и деятельности своего деда Владимира Павловича, своего отца, будущего профессора Виктора Бобина, а также об академике В.П. Воробьеве рассказывал мой учитель Владимир Викторович Бобин. Давние события казались совсем рядом...

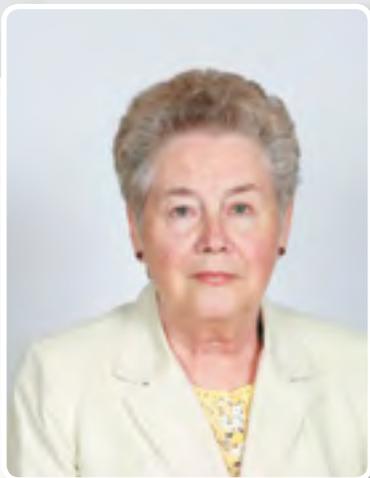
Уже с первых лекций профессора В.П. Воробьева еще тогда студент Виктор Бобин решает заниматься анатомией. В дальнейшем В.П. Воробьев становится другом семьи Бобиных. На базе больницы ХМО ведутся занятия Женского медицинского института ХМО. И преданный ученик и сотрудник В.П. Воробьева Виктор Бобин проходит всю академическую подготовку как анатом под руководством академика. С 1921 г. отец В.В. Бобина ведет самостоятельный курс по анатомии зубов и полости рта на одонтологическом факультете медицинского института, поэтому лекции моего учителя об академике В.П. Воробьеве были наполнены реальными событиями и воспоминаниями отца. Были даже курьезные истории: «Вечером на улице встречает В.П. Воробьев студента-двоечника. Тот подскочил и кричит: «Я знаю: это форамэн магнум!»...

В 1920 г. набор в Харьковский медицинский институт был более 1200 студентов. Слушали В.П. Воробьева даже стоя на лестнице, ловили каждое слово.

...Очень увлекательно рассказывал Владимир Викторович Бобин. Эти лекции я запомнил на всю жизнь. Ведь через призму жизни династии Бобиных видна целая эпоха.

Жаннета Перцева

Директор музея истории Харьковского национального медицинского университета, заслуженный работник университета

Родилась в городе Липецке в семье кадрового военного.

Училась в Мелитополе, среди школьных предметов отдавала предпочтение гуманитарным, особенно русскому языку и литературе, мечтала поступить в Харьковский университет и, осуществив мечту, была направлена в одну из сельских школ Киргизии. Затем преподавала в школах Мелитополя. Работала в партийных и советских органах.

1 сентября 1999 г. начался новый и, как говорит Жаннета Николаевна, «последний этап моей рабочей жизни».

Она буквально возродила музей Харьковского национального медицинского университета, подняв его за эти годы до уровня одного из лучших вузовских музеев г. Харькова.

За эти годы проделана огромная работа, издано много прекрасных книг об истории медицины Харькова. Самой Жаннетой Николаевной написано и опубликовано около 400 статей, в частности для «Енциклопедії Сучасної України», для журналов, газет и других изданий.

И еще она прекрасный рассказчик.

В.А. Данилевский

глазами студентов

У известного харьковского часовщика, талантливой и самобытного человека, Якова Петровича Данилевского было 4 сына: Александр, Василий, Константин и Михаил. Наследуя своему отцу в его тяге к знаниям, науке, изобретательству, все они получили высшее образование, окончив в разное время медицинский факультет Императорского Харьковского университета. Трое из них впоследствии стали профессорами, но наиболее известным признан Василий Яковлевич Данилевский – профессор физиологии Харьковских ветеринарного института, университета, Женского медицинского института, а также ХМИ, академик, заслуженный деятель науки УССР, имя которого в Харькове носят улица и Институт проблем эндокринной патологии.

Василий Яковлевич, как говорят в народе, сделал себя сам. Во вторую харьковскую гимназию

он определялся в 10 лет и по уровню подготовки готов был к учебе во втором классе. Однако по возрасту он мог быть зачислен только в первый. Мальчик не согласился с этим и добился зачисления во второй класс в соответствии со своими знаниями.

Окончив гимназию с золотой медалью, он подал прошение о зачислении на медицинский факультет Казанского университета (в Казани он жил вместе со старшим братом Александром, профессором этого университета), однако получил отказ, так как по возрасту не мог быть принят на этот факультет. Тогда, чтобы не тратить времени попусту, он поступил вольнослушателем на физико-математический, где всерьез занялся математикой. Прослушав первый курс, он все-таки осуществил свою мечту, вернувшись на медицинский факультет.

Уже тогда, учась в университете, Василий Яковлевич пришел к мысли о том, что культурный, интеллигентный человек, получив высшее образование, должен озаботиться обучением и культурным воспитанием простого народа. В дальнейшем это на долгие годы стало смыс-

лом его жизни. В конце XIX - начале XX века он был настоящим просветителем для Харькова и его жителей. В.Я.Данилевский выступил инициатором и активным деятелем различных комитетов и комиссий по устройству общедоступной библиотеки (ныне библиотека имени В.Г.Короленко), сельских библиотек, Общества грамотности, Народного дома, стал первым директором Женского медицинского института, устроенного Харьковским медицинским обществом. Однако главной его заботой было преподавание физиологии, обучение студентов, для которых он устроил специальные «совещательные часы», когда к профессору за консультацией, помощью, советом мог обратиться любой студент. О нем вспоминали, что он умел «излагать сложный материал в удивительно доступной форме».

В 1890 году на медицинский факультет Харьковского университета поступил Александр Андреевич Мартыанов, выпускник одной из городских гимназий, мечтавший стать врачом. Все годы своей учебы он вел дневник, фрагменты которого были подарены музею истории его потомками. Со страниц дневника встает перед нами молодой человек, стремящийся «поскорее начать новое учение, более серьезное, чем гимназическое...». Он пишет: «Хочу приложить все старания на изучение преподаваемых наук». Мы видим, как он знакомится с преподавателями и предметами, как волнуется по поводу отсутствия учебников («книг нет ни литографированных, ни писанных»), как иронизирует по поводу практических занятий, когда «сто или сто пятьдесят человек толпятся у одного микроскопа». Но вот приходит время экзаменов. Записи мая 1892 года сообщают, что он получил отличные отметки по органической химии, гистологии, фармакологии и фармации, но 18 мая «держал по физиологии и не выдержал», а 27 мая «попросил Данилевского поставить ему «2» и отложить экзамен до августа». Далее выдержки из дневника:

29 июня. «Физиологию прохожу маленькими шажками, думаю, что успею пройти ее до сентября...»

6 сентября. «Хоть надоело писать, а также читать о физиологии, но она заставляет каждую минуту вспомнить о ней и помянуть ее недобрым словом вместе с проф. В.Я.Данилевским...»

10 сентября. «...а у меня снова физиология отравляет жизнь, ибо я не смог из сего предмета еще выучить хоть четверть так, чтобы на каждый вопрос давать осмысленный ответ. Так, через пятое-десятое могу говорить, но для Данилевского это недостаточно...»

12 сентября. «До обеда прочитал около 100

страниц, теперь читаю третью книгу...»

17 сентября. «21 и 25 сентября передержка по физиологии. Сегодня дочитал второй раз 1080 страниц и думаю 21-го дерзнуть...»

29 сентября. «...Ожидая свою очередь, я волновался и быстро ходил по коридору. Вести экзаменовавшихся были разнообразны: некоторые толковали о том, что легко спрашивал, другие о том, что невозможно спрашивал.. Как вошел я, Данилевский спросил фамилию. Я сказал – Мартыанов. Вы – сибиряк? Никак нет. Достался вопрос: Иннервация слюнных желез. Пищевод, иннервация жевательных мышц, цветоощущение, иррадиация, контраст. Иррадиации я не знал. Мой ответ был неудовлетворительным. Я взял другой вопрос. Вопрос был: «Молоко, пот и многое другое. Председателем был М.А.Попов. Я не знал про молоко. Данилевский сказал: «Можно на второй год оставаться». Я ответил: «Не хотелось бы». Он сказал: «Все-таки таких вопросов терпеть не могу». Я стоял, как истукан. Вошел Турин (помощник субинспектора) и увел зачем-то Данилевского. Попов сказал: «Ну, довольно, идите, удовлетворительно». Я вышел, от сердца, как сорок пудов свалилось... Поздравьте, я – студент 3-го курса медицинского факультета, считая с сегодняшнего дня.»

Вечером в семье праздновали спасение студента Мартыанова от «Мамая-Данилевского».

В.Д.Иванова-Мартыанова, передавшая нам дневники, говорила, что в дальнейшем Александр Андреевич с благодарностью вспоминал В.Я.Данилевского, научившего его добиваться поставленной цели.

Все влияет на все

Рассказывают, что знаменитый анатом В.П.Воробьев был замечательным лектором, выступления которого привлекали интерес большого количества слушателей. Вспоминают, что присутствующие на лекции заполняли все парты в аудитории, дополнительные скамьи наверху у стены, сидели на принесенных стульях, на ступеньках амфитеатра, стояли в свободных промежутках между сидевшими. Здесь довольно часто находились не только студенты, изучавшие курс анатомии, но и старшекурсники, ассистенты других кафедр и даже городские врачи.

Выступления В.П.Воробьева отличались живостью, артистизмом, были насыщены многочисленными клиническими примерами, наблюдениями из собственной практики, упоминаниями великих произведений искусства и литера-

туры и носили, на первый взгляд, характер талантливой импровизации. Читая лекции, профессор умел привлечь внимание слушателей на главное и основное, выделить нужные термины и фразы; они были чудесно иллюстрированы, часто Владимир Петрович демонстрировал лично подготовленные им замечательные наглядные пособия. Понятно, почему после каждого занятия благодарные студенты награждали лектора аплодисментами. Бывали случаи, когда после лекции ему преподносили букеты цветов с вложенными в них записочками: «За печень», «За сердце».

Особенно выделяется просветительская деятельность В.П.Воробьева в 20-е годы прошлого столетия, когда он ставил перед собой цель пропаганды естественно-научных знаний среди простого населения страны. В то время он очень часто выступал и в этой работе особенно заботился о том, чтобы аудитория – рабочие, крестьяне, простые горожане – поняли науку о живом организме во всех сложных взаимоотношениях отдельных органов и общего целого с окружающей средой. Вот, например, как он рассказывал о главенствующей роли нервной системы в теле человека: «Мозг, построенный из нервных клеток, как капитан на пароходе. Все сам видит, все слышит, выслушивает донесения, которые ему сообщают все служащие судна – наши органы, и отдает приказания двигаться кораблю, нашему телу, в ту или другую сторону, идти с той или иной быстротой, больше или меньше потреблять топлива – пищи. Словом, управляет всей жизнью и деятельностью сложнейшей из машин – человеком».

Часто свои лекции Владимир Петрович завершал словами: «Все влияет на все».

Путешествия с удовольствием и без морали

Одним из первых руководителей кафедры хирургии Императорского Харьковского университета (1836-1853) был австрийский подданный, выпускник Падуанского университета Тит Лаврентьевич Ванцетти. Обладая пытливым характером и непоседливым нравом (как вспоминают современники), в 1938 году он вместе с четырьмя студентами старшего курса отправился в научную командировку по военным поселениям Херсонской и Екатеринославской губерний. Переходя из одного поселения в другое, они осматривали больных и в течение этого путешествия сделали 83 операции. О результатах профессор доложил Совету

факультета. Коллеги в общем оценили их как положительные, но высказали замечание по поводу того, что Тит Лаврентьевич предоставлял студентам мало самостоятельности и неохотно допускал их к проведению непосредственно хирургических действий.

Прошло 40 лет. Студентом медицинского факультета университета становится Н.П.Тринклер, закончивший перед этим с золотой медалью Симферопольскую гимназию. Студент Тринклер отличался большой тягой к знаниям, любознательностью, пытливостью, настойчивостью в их приобретении, большим стремлением к самостоятельности. Однажды он привел к своему учителю, знаменитому хирургу Грубе, больного крестьянина с остеомиелитом. Грубе принять больного не мог, и Николай Петрович, будучи студентом 4-го курса, решил оперировать сам. Как рассказывал один из учеников Тринклера, слышавший эту историю от самого учителя, Тринклер «на кухне с купленным ехтепроге инструментарием, при ассистенции брата – студента-юриста, успешно сделал секвестротомию».

Через год после окончания университета во время летних каникул Николай Петрович отправился на родину, в Симферополь, а оттуда предпринял пешее путешествие вдоль Южного берега Крыма. В татарском ауле он увидел ребенка с тяжелым гнойным кокситом. Поговорив с родителями, он предложил им сделать мальчику операцию. Получив их согласие, он вернулся в Симферополь, занял в больнице все необходимое для операции и, возвратившись в аул, один под наркозом благополучно прооперировал тазобедренный сустав. Мальчик был спасен.

Как видим, в любых ситуациях Тринклер стремился к совершенствованию своего мастерства. Того же он требовал от студентов, которым говорил: «Если учитель-пианист тратит на правильную постановку пальцев своего ученика иногда годы – причем, надо помнить, что пианист играет на неодушевленном предмете, - то учитель-хирург должен требовать от своих учеников ловкости, быстроты, особенной мягкости при обработке живых, чувствующих тканей...»

Украинский оперный певец, пианист, юрист, поэт, композитор. Заслуженный артист Украины (2007), солист Национальной оперы Украины имени Т.Г.Шевченко, солист профессионального театра «Дворец студентов» Национального юридического университета имени Я.Мудрого

Занимается поэзией и композицией. Автор сборника стихотворений «Я выражаю словом звуки струн души раздетой», автор множества музыкальных композиций.

Быть христианином

Мне не догнать несбывшейся надежды,
Мне не запрыгнуть в поезд, улетевший вдаль,
Не горевать порою могут лишь невежды
И уверять: «Былого мне не жаль».

Не жаль им жизни, прожитой впустую,
Не жаль им друга, брошенного в трудный час.
Пройтись тропой, не оступившись в грязь
густую,
Подвластно тем лишь, кто лукавей нас.

Как хочется припомнить детства радость,
Перенестись годами к счастью, без причин.
Продлить подольше увядающую младость,
Быть христианином, не боясь мирских кручин.

Не в силах я сказать тебе: «Прощай!»

Не в силах я сказать тебе: «Прощай!»,
Хоть призрак расставания так близок.
Забить не в силах всё, что было рай,
В котором чувственности свод уже так низок
...

Надорванные струны наших душ,
На них застыла музыка блаженства,
Ведь так недавно был тебе я муж,
Слагающий по нотам гимн любви главенства!

А ты была далекой, как мечта
О счастье небывалом для поэта.

В сонетах дивных музыка жила,
И был той музе предан беззаветно.

Но слышу, песнь отрадная звучит,
В холодном сердце теплится надежда.
Пусть гром страстей в нас снова загремит,
Зажжёт огонь любви, как прежде!

Я снова обманулся

Поёшь ты птицей звонкой, ласкаешь трелью
слух.
Игрой вокала тонкой заигрываешь вслух.
Манишь изящным станом, волнуешь красотой,
А главное — чаруешь сердечной добротой.

Лишь вскользь тебя увижу, в ночи пишу стихи,
В тиши я сердце слышу, ведь страсти не глухи.
Терзаюсь я ревниво, что с ним ты, не со мной,
В кручине горькой плачу тоскливою слезой.

Хочу зари дожждаться, чтоб убежать к мечте,
Душою расковаться в природной простоте.
Бросать в озёра камни, считая вод круги,
Закрыв глухие ставни, не ждуть твоей руки.

Я знаю, что не стать мне героем вешних грёз,
И ночь нам не сыграет балладу «счастья слёз».
Я снова обманулся, я сам, ты ни при чём,
Спалил мосты в былое, отсек любви мечом.

А знаешь, я ведь верил, бывают чудеса,
Казалось, твоё имя шептали небеса.

Не заманить тебя красою чужестранной

Не заманить тебя красою чужестранной,
Не выменять клочок земли родной нам на испанский берег!
Пускай тебя считают баски девой странной,
В тебе звучит «Нэ вмэрла ше ...», как жизни оберег.

Да, там сады цветней, и небо голубее,
Сочней оливки, перец злее и мощней быки,
Но кто сказал, что, взрошенный на сале,
Оазис этот примет не в штыки?!

Нам воздух Нэньки не сменить на бризы,
Не выманить с Троещины на виллу близ Дэстэ,
Нам мясо краба крымского и пряность местной брынзы

Вкуснее lobsterов, запитых каркадэ!..

Молитва

Дай силы, Господи, людей не обмануть
Беспечной праздностью тоскливого безличья,
Не дать себя в пучину затянуть
Безнравственности, пошлости и неприличья.

Дай силы, Господи, не мучиться тщеславьем,
Волненьем бранным, лженадеждою пустой,
Не дать себе апатией пропасть в бесславье,
Почить на лаврах в суете мирской.

Дай силы, Господи, не умереть морально,
Изжив себя презрением своим,
Не дать себе в достатке материальном
Забыть, что призван быть подобием твоим.

Дай силы, Господи, не видеть униженья
Страны моей, людей, любимых мной,
Не дать себе пасть жертвой оскорбленья
От тех, кто источает лживый гной.

Дай силы, Господи, препятствий не бояться,
Идти по жизни с гордой головой,
Не дать себе от неудач сломаться,
От поражений, не искать судьбы иной.

Дай силы, Господи, не разомкнуть объятий,
С единственной своей любовью жить.
Не дать себя на растерзание проклятий
Всем тем, кто не умеет гнёзда вить.

Дай силы, Господи, с мечтою не расстаться
Тогда, как сложно, трудно цель не потерять.
Не дать себе в итоге сомневаться,
Надежду на успех в пути не затерять.

Дай силы, Господи, мне быть достойным сыном,
Для матери всегда опорой быть,
Не дать себе забыть, обласканным чужбиной,
Отца могилу, отпрыском заботливым прослыть.

Дай силы, Господи, добра побольше делать,
Всем тем, кто ждёт, и тем, кто веры не имел.
Не дать себе возможности не сделать
Того, что мог и должен был, но не сумел.

Дай силы, Господи, поступками не осрамиться,
Своих учителей забвенью не предать,
Не дать собой фальшивости глумиться,
В час праведный ответственности избежать.

Дай силы, Господи, в призвании не усомниться,
Дарить искусством радость, пока силы есть.
Не дать себе в сомненьях заблудиться,
Трудясь неистово, благодарить тебя за честь.

Дай силы, Господи, семью и дом хранить,
Родным и близким, всем, кто любит, поклониться.
Не дать себя мгновенью изменить,
Когда обида может призраком явиться.

Дай силы, Господи, друзей не растерять,
Тепло, порядочность их, верность помнить,
Не дать себя в угоду расплескать
Перед теми, кого нужно чтить, но неприятно вспомнить.

Дай силы, Господи, не ослабеть здоровьем,
Чтоб всё задуманное мочь осуществить,
Не дать себя отождествить с безмольвьем,
Все мысли судьбоносные овеществить.

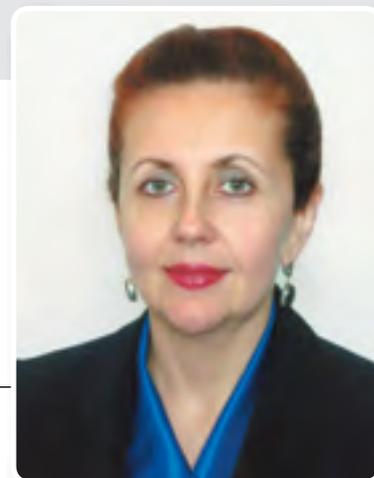
Дай силы, Господи, мне быть отцом примерным,
В своих сынах героев воспитать,
Не дать себя бранить и словом скверным
За то, что гордостью не смог потомкам стать.

Дай силы, Господи, прожить мне жизнь достойно,
Нести до гробового часа веры крест,
Не дать себе до той поры заснуть спокойно,
Пока не призовёшь меня с небес.

**Заведующая кафедрой медицинской
и биоорганической химии, доктор
фармацевтических наук, профессор**

Стихи пишу, не будучи профессионалом,
просто записываю мысли в стихотворной фор-
ме. Очень признательна нашему ректору чле-
ну-корреспонденту НАМН Украины, доктору
медицинских наук, профессору Владимиру Ни-
колаевичу Лесовому за возможность, которую
он предоставил всем нам — непрофессиональ-
ным художникам, поэтам, писателям, фотогра-
фам, опубликовать свои произведения на стра-
ницах этого уникального издания.

Анна Сыровая

*У*ХОДЯТ БЛИЗКИЕ

От нас уходят близкие, друзья,
Их помнит сердце – позабыть никак нельзя,
А в нашей памяти всплывают их слова,
И, знаешь, за душу берёт тоска...

Уходят близкие, они нас покидают,
А нам они надежду оставляют
На встречу позже – на другом уж свете,
Вы верьте в эту встречу, люди, верьте!

Мы все во власти Божьей... Он нас видит,
И помогает каждому, и любит.
От бед и зла он нас оберегает
И всё о каждом он, поверьте, знает.

Живите честно, законы Божьи чтите
И будьте искренны, людей любите,
Друг другу помогайте, близких берегите,
За дело доброе в ответ вы ничего не ждите.

Господь сам знает, кто из нас что заслужил:
Один творил добро, на это не щадил он сил,
Другой от алчности оглох, ослеп,
Тем самым поместив себя в греховный склеп.

Ничто не сходит с рук, поверьте, люди,
Не ждите за добро наград, принесенных на
блюде,
Живите скромно, по Библейским вы законам,
Придите в храм и поклонитесь искренно ико-
нам!

Покайтесь, у Господа за близких попросите,
Молитву прочитайте, свечу зажгите,
Обиды вы всем легко отпустите,
Любите друг друга и Бога любите!

2013 г.

*А*ННЕ АХМАТОВОЙ

Я письмо Ваше читала,
«Горя много, счастья мало»...
Ах, ушли Вы, сняв кольцо
И закрыв своё лицо...

Добрый гений и злой гений,
Через много поколений
Ты преследуешь меня,
Беспокойная душа...

Сколько бед и унижений,
Где же силы, о мой гений,
Брали Вы, сражаясь и творя,
Анна неподкупная.

Надевая чьи-то маски,
Размывая иль стущая краски,
Вы творили и блистали,
Дама нежная из стали.

Гумилёв и Модильяни,
Сладость рифмы, а о брани
Мы не будем вспоминать,
Хватит боли, помнит мать...

Помню я Ваш стих читала
«Горя много, счастья мало»...
Те слова в висках стучат
И о многом говорят...

2015 г.

Матьяна Чайченко

Доктор медицинских наук, профессор
кафедры педиатрии №1 и неонатологии

Речь – гораздо больше, чем сигнальная система. Иногда кажется, что Бог дал Человеку слово, чтобы им наслаждаться и смаковать. Поэзия – прием самовыражения, находящийся вне времени и пространства. Не знаю лучшего способа передать свои ощущения и эмоции от встреч с новыми людьми, знакомства с иными землями, приобщения к литературным и художественным произведениям, прикосновения к шедеврам зодчества. Представляю на суд читателя подборку произведений, родившихся в странствиях.

Окружающий мир
Ощущаю я снова.
Верный спутник – сатир.
Знать, не стою другого.
В незнакомых стенах
Откровенье всё ближе.
Утопаю в огнях
Чужого престижа
Но как Феникс стремлюсь
Возродиться из пепла.
Только воля моя
Всё ещё не окрепла.
Над пространством парю,
Отпустив лихолетье.
И с восторгом дарю
Все свои междометья.
Я спешу наверстать
Встречи и расставанья,
Понять как умножать
На предчувствие знание.
Я хочу рассмотреть
Воды Рейна и Ганга,
А ещё пережить
Аргентинское танго.

Утро позднее странною силою
Вовлекало в изломанный свет
И мозаикой снов изобилуя
Мастерило из рифм амулет.

Чуть нагие кусты в межполосии
С полями сливались в панно,
Расшивали причудливой росписью
Ничейной земли кимоно.

В разноцветии призраков осени
Под размеренный стук бегунков
В траве с индевелою проседью
Поняла жемчуг чьих-то висков.

И в березе фигуру сутулую
Я, дивясь, угадала вдруг.
Окунулась на миг в минувшее,
Где отрады чертила круг.

Безрассудно свой мир приносила я
На алтарь, где царит естество.
И в пророческих мыслях с Сивилою
Взамен ощутила родство.

В безнадежности взглядов из просини,
И фальшивой никчемности фраз
Пестроту оставляю я осени,
А себе – только зелень глаз.

Гербов изысканный узор
Сливался дивно с платьем летним.
Манил величием собор
И увлекал назад в столетья.
Ступеней узкая стезя
Под небосвод, пронзенный шпилем,
Вела, глаза былём слезя
И гаргоил оскалом пыльным.
Так странно в душу дул орган
И изваяния шептали
Библейских притч немой туман
У алтаря на пьедестале.
В мозаике томился луч,

Теряясь в куполе со страхом.
Явив, как истинно могуч
Случайный взлет, гонимый крахом.
И карюю грозил хорал
За естество и своеволие,
Зловеще звуками играл,
Сулил сто крат вернуться болью.
Пример в обличии являл -
Его лицо с распятой плотью
И воскрешеньем удивлял
И шествием по мелководью

Внезапно месса истекла.
Смиранный люд обрел прощенье.
Грехи из камня и стекла
Доставят снова в воскресенье.
Упокоенья не нашла,
Стяжав остережений вволю.
В дунайский ветер я ушла,
Чтоб отпустить свой дух на волю

Словоохотливость не в моде
В чопорно сдержанной стране:
Встречают так же, как уходят –
Фальшивый smile дарюя мне.

Под сенью влажной атмосферы
Сознание давит вечный drizzle.
Веков точеные манеры
Слагают классовый цинизм.

Во всем дыхание породы:
В холеных мордах скакунов,
В садов подстриженной природе,
В гордом жевании овнов.

Здесь укрепляют расслоенье
Сверчкам любезно дав шестки,
Чтоб в раболепном настроенье
Тащили к сроку башмаки.

Немой контроль осуществляя
Оком всевидящим «структур»,
Небрежно миром управляют,
Где роскошь краденых скульптур.

В руинах замков шум империй:
Баталий дым и крови смрад,
Смех разорившихся феерий,
Изменой купленных наград.

Модерн дряхлеющей державы -
Оплот наук и шутовства-
Дождется над собой расправы:
Уйдут под воду острова.

Горы в дымке, как в вечном дозоре,
Словно чей-то скрывая каприз,
Глаз дивя, растворяясь в просторе,
Окружали собой Акдениз.

Гальку били порывы прибоя,
Серебрилась в восходе волна,
Солнце жаждало летнего зноя,
Но весной наслаждалось сполна.

Я, на вздохе врываясь в объятия,
Задыхаясь против волны,
Бирюзовое меряла платье
В кружевах из хмельной глубины.

И какое же, в сущности, дело
Тем ветрам, что сдували с коня,
Что была рождена я для моря,
Да и море шумит для меня.

Судьбу прожигаю чужую,
Раздаю её щедрой десницей
И в сегодняшний вечер княжую,
Правя вновь не своей колесницей.

Угощаю вас щедрым десертом,
Наливаю полынный Martini,
Вашу душу лобзаю концертом
Скрипичным от Паганини.

И даю утонуть в фимиаме,
На мгновение стать броским и ярким,
Раствориться в желаниях драме,
Утолиться неожиданным подарком.

Я позволю вам в бризе рассвета
Позабыть словно сон эту сказку,
В иллюзорных тонах полусвета
Потерять карнавальную маску.

Вероника Чиркунова

Студентка 2 курсу І медичинського факультета

Мляво падала зірка у ставок, і я, вдихаючи прямиий аромат квітів, падаю у тишу. На момент зупинився цей важкий для спокою світ, і тільки думки про прекрасне ллються з моєї голови. Зупинився веселий вітер і цікаво поглядає на мій зошит з написаним, я вдихну: час зупинився. Ще трошки прислухаюсь... Перламутрові руки вечора опустяться на моє плече. А я все пишу... Пишу з ранніх років в будь-якій атмосфері і вважаю, що лікар може мати багато сторін розвитку. Час мій золотий і дякую йому за те, що можу бачити прекрасне, чути його неперервну музику, що торкається самої душі. Слухайте її зі мною, друзі, і, можливо, для вас теж на хвилинку зупиниться час.

Бездня чорна страх вселяла,
А вітер страх той шепотів.
Колись я серце чисте мала,
Могла сказати безліч слів.
Не можу я пустити тривогу,
Бо винна, знаю, я тепер.
Прошу пробачити у Бога,
Що час так швидко мій умер.
Я бачу танець твій очима.
Палкий, вогняний та живий.
Я чую голос твій як плине,
Такий гарячий, молодий;
Німи докір, німе страждання
Читаю в погляді твоїм.
Не встигла я твоє кохання
У серці зберегти своїм.
Не встигла щастя показати
І радість наших спільних днів.
Не встигла я тобі сказати
Палких та ширих, теплих слів.
Мої уста тремтять від болю,
Чому мовчала і пішла?
Чому не знала я з тобою
Того спокійного життя?!
Мовчала... Очі опустила,
Хоч погляд твій мене кохав.
Чому тебе я відпустила?
А ти ж всього навіть не знав...
Своєю грішною душею
За все я Богу заплачу.
І вже над рідною землею
Під небом високо лечу.
Пробач мене, моє кохання,
Я винна, знаю, і тепер
Я знову маю те бажання,

Щоб в серці той недуг помер.
Нехай не згасне твоя палкість,
А погляд в попіл всіх стира!
Нехай любов та шира радість
Ніколи вже не помира.
Одне я хочу передати,
Щоб ти любов свою зберіг.
Та після смерті це сказати
Нікому ще ніхто не зміг.

В повітрі шелест застигає -
То вітер листя все торкає.
Мов струни серця, він торкає,
І ніжність, легкість в них зникає.
Пливе на небі десь колиска -
То місяць плавно мерехтить.
Послухай, мамо, - річка близько,
Послухай, мамо, як шумить.
Я бачу нічки темний спокій,
Вона - мов оченьки твої...
І степ рідненький, степ широкий
Я бачу знову, мов у сні.
Пухнасті трави пахнуть дивно,
То рідний запах, степовий.
Подам я руку та заплачу,
Той край нерідний, він чужий.
Я чую, мамо, ти співаєш,
Любов'ю сповнена хвилина...
Ти, мамо, добре, добре знаєш,
Як квітне зараз Україна.
Ти бачиш поле волошкове
І босі ноги все біжать.
Мов крила є в тебе казкові -

Летиш з полону визволять.
Спинись ти,мамо,не карайся,
Скажи мені,як небо гра...
І слів моїх ти не цурайся,
Пробач,прошу,мені пора.
З очей до смерті сльози линуть,
Кайдани в руки вже вросли.
Брати мої в нещасті гинуть -
Ми Божу кару понесли.
Пусти мене,ріденька мамо,
Не плач,серденько,я ж просив...
Пливе барвистий край туманом,
А я життя своє прожив.

Війні

Ненавиджу тебе.
Іди,тікай,біжи від мене.
Через поля,ліси.Шалено
Ненавиджу тебе!

У мирі задихайся,ну ж-бо!
Втони,помри у подум'ї добра,
І згинь,як тінь у день,немов мара,
Ненавиджу тебе!

Нехай же дим любові очі роз'їдає,
У серце хай ввіткнеться ятаган.
Нехай у попіл тебе зітре ураган,
Ненавиджу тебе!

Гроза,вітри,і холод,злива,
Це ти зробила,ти жива!
У крові братській буйная трава,
Ненавиджу тебе!

Зима,метелиця,сніги,
Це ти у нас украла силу!
Іди,лягай скоріш в могилу!
Ненавиджу тебе!

Війна заради миру – це ганьба!
Не плачте, не страждайте,киньте зброю.
Кричіть скоріш війні слова зі мною:
«Ненавиджу тебе!»

И муза кротких вдохновенный
Страшится неземных очей.
И прячется во тьме забвенный
В холодных снах златых ночей.

Махнув плащом,взлетает в небо,
Подернутое серебром.

И режет снежные просторы
Своим седым,как дым,крылом.

В душе блаженно песнь застыла,
Но злом ей велено молчать.
В очах туман тревожной скорби,
Который легче величать.

И тонет муза в пенном небе,
А крик подавлен злой толпой.
Кричи,поэт,пока навеки
Не покоришь весь мир душой!

03.02.15

Моє несповнене бажання...
Та де ж журба і забуття?
Ніщо без них моє життя,
З грудей одні оті зітхання...
Чи страх,чи гордість є сильніш,
Чи холод душу замикає...
Вогонь жаркий в думках палає,
Моя недоленько,облиш...
Облиш руками забирати
Оте добро з мого буття,
Віддай кохання,каяття.
Без них душа може сконати.
Пуста,як чарка кришталева,
Душа не спить і не живе,
І сон лиш річкою пливе,
Десь там далеко,мов миттєво.
Прийди до мене,я прошу,
Моя ти доленько щаслива,
Така казкова,особлива,
І сумувати завершу.
Роки,хвилини...Я без тями
Несу в минуле і кидаю,
Квапливо з жалем відчиняю
Нещастя вічну,чорну браму.

Ось так і жив я,доки сила
Принишкла тихо і зів'яла...
А доля так мене кохала!
Під серцем лагідно носила...

Один рік-твое натхнення,
Один місяць-страх в вогні,
Один тиждень-біль у серці,
Один день-любов у сні.
Одна ніч-думки глибокі,
А година-путь твоя,
Одна хвилька-сміх з душею,
А секунда-все життя.

18.01.13

Диана Яковлева

Студентка 5 курса стоматологического факультета

Автор ряда студенческих научно-исследовательских работ, неоднократный победитель Международного языково-литературного конкурса им. Тараса Шевченко. Постоянный участник шевченковских и пушкинских чтений. Соавтор молодежного научно-публицистического интернет-издания «Юридический колос». Автор научных публикаций, посвященных современным проблемам стоматологии.

«Литература – это флейта моей души, она играет, трепещет, и я продолжаю летать в прекрасном мире образов и событий. В потоке бурной студенческой жизни мы забываем о солнце, природе, воздухе... А иногда просто необходимо наслаждаться дыханием, созерцанием, речью собеседников...»

Почуття вічності

(оповідання, написане під враженнями від роману О. Гончара «Собор»)

Купчасті хмари летіли безмежжям, золота діжа сонця лоскотала промінням степ, напуваючи його життєдайною силою, зустрічаючи дні і ночі, окриляючи світлом собор...

Він був велетнем і чесною Тихих вод. Ніс спокій та мрійний смуток, таємничість та вічну істину. Блакитні стіни відбивали небо, а круглі бані — сліпуче сонце. Величний собор, він був, є і буде. Незаплямовану духовність і вищість несуть його стіни, елегію миру й щастя. Він — це святі моші Миколая-Чудотворця, товсті пергаменти літописів Нестора, святі ікони діви Марії та месії Ісуса; пророк Ісаїя та Мойсей.

Вітречь-пустун колише віти ошатних берізок. Він любить простір і свободу, білий цвіт яблунь в саду Олекси Ковальчука. Господар плакав людську працю, кохався в роботі буденній, не терпів брехні й обману. Теплими літніми вечорами, вмостившись на призьбі, навчав онука життєвому досвіду: «Он іде парубота вулицею, всі до дівчат халявки смалять, та не в кожному праведність дихає. Один шпаками годований, другий через пліт плює, а третій за гріш пожене козу до Львова. Ми різні, але світ один. Дівчатами не крути, шануйся в громаді. Науки тримайся, бо хто знання має, той і мур ламає».

Місяць освітив село, собор дрімав... Лець чутно бриніли мелодійні ноти поетичних рядків Антонича: «Тиша — це мова, якою говорить до людини Бог».

Спекотного, гарячого дня маячать у степу постаті женчиків, серед них — і старий Ковальчук з онуком. Малий Михась зятю працює серпом. Хоч пальчики й слабкі, зате сила волі й шалене бажання перемагають дитячу втому. Руки діда — великі, зашкарублі від тяжкої праці, що так щедро годує простого хлібороба. Колосся розсипається в долинах жовтогарячим зерном, викупане в дощі, спіле й пахуче.

Недалечко нивка Ткачуків. Теж працюють. Миготить між колоссям квітчаста хустинка малої Гані. Складає маленькі снопики рівними купками. Щось щебече, сяючи усмішкою. Виховав Малафій дітей своїх мораллю і працею.

Олекса зітхнув: «П'ять років минуло відтоді, як кінчилась війна. Здається, що життя вертає погожі дні, але не вернеш рідних, років, дитинства... Ти малий ще, багато речей не розумієш. Живи хвилинами, бо в тебе їх так мало. Стоїчно прийми усі примхи долі. Твори добро й будь потрібним людям». Мовчки слухає Михайлик діда, карбуючи в пам'яті мудру книгу.

Непомітно заходить сонце. Вертають селяни з поля. Потомлені, але щасливі. Відомо ж бо: «Один літній день рік годує». У садах заливаються солов'ї, і нагріта за день земля несе млосне тепло. Розливається безмежжям дівочий спів, повітря напоєне терпким ароматом чебрецю і м'яти.

Олекса мовив: «Неначе гриб, видніється біля лісу завше чепуренька хатинка діда Охріма. Живе один, як перст. Правда, сестра його в Києві мешкає, та старий каже, що рідний ґрунт миліше міського асфальту. Любить самотність, схимник. Гарбузи вирощує добрі. Бач, які золотаві товстунки вмостились на тині. Михась усміхається. Пригадав, як минулого року вони з Ганею ласували гарбузовою кашею в Схимника. Дідусь, напрочуд добрий, пригостив їх своїм врожаєм. «Справжня людина, гідна народної шани», — розмірковував хлопчик.

Ледь чутно вдарив дзвін. За ним розлилось ціле джерело звуків. Виріс собор у красі незрівнянній. Височів у рожевому небесному промінні, засяяв хрест сліпучо, невимушено, святозорно. Всевишня краса засліпила людей. Дивились, дивувались, захоплювались... Усі забули про буденне, відчули присутність безсмертя. «Божий дім», — стиха промовив дід. «Ворота у вічність», — відповів онук.

Поразка — це наука. Ніяка перемога так не вчить

Мабуть, кожен розуміє роль поразки й перемоги у власному житті. Повір, земного ідеалу не існує. Ми можемо лише ловити його сяйво, зоряний шлях. Час від часу п'єш гірке вино, розуміючи, що поразка — це наука, ніяка перемога так не вчить.

Байдиківання — початок усіх вад. Діяльність живе різнобічною, наполегливою вірою. Лише хвилююче мистецтво здатне уникнути будь-якої поразки. Цю історію підтверджує літературний доробок К. Манолова.

Надворі стояла ніч. Ведмедик-Берлін солодко дрімив у м'ясній, теплій тиші; шаруділо листя й вітерець колихав алею. Місяць зацікавлено споглядав у вікні двох людей. Вони підкоряли науковій висоті.

У лабораторії панувала глибока тиша, ледь чутно працював годинник. Було пізно й душно. Купа книжок і реактивів заповнили стіл, мерехтіло слабе світло.

— Час додому, Еміле, — промовив Фурно.

— Так, Ернсте. Схема синтезу реалізована. Завтра спробуємо взяти козеїн. Всі дороги ведуть в Рим. Чи не так? Сьогодні, наприклад, ми споглядали білкові життя, неначе холісти, *in vitro*. Зрештою, преса завжди перебільшує.

— Для фанатиків хімії вона не існує, — зауважив Фурно.

— Ти маєш рацію, — відповів Фішер.

Вони йшли університетською стежкою, дихаючи свіжим повітрям.

— Чудова погода, Ернсте, саме час для роздумів... Заходь на чай.

— Може, й прийду, бувай, друже, — гукнув Фурно й попрямував вулицею.

Холодне проміння ліхтаря розсіяло простір. Полинули перші льодяники сніжинок, легкий ансамбль закружляв білими намистинками. Такі сезонні й такі приємні перли небесного цвіту, вони несуть дитячу радість душевним переживанням, свободою любові й безтурботне буття.

— Життя — масштабна лотерея, доля — специфічний білет, — розмірковував Фішер. — Минуло багато часу, але ніби ще вчора він був студентом. Боннський політехнічний університет. Він мав науку, ніс шалені думки та ідеї, пережив солод і гіркоту. Свідомість пам'ятає ту першу болючу поразку. Самостійний аналіз темно-зеленого розчину привів до фантастичних результатів. Кадмій, калій, нікель — їх і близько тут не було. Молодого початківця це боляче вразило. Застарілі методи роботи його не влаштовували, тож щастя приніс Страсбурзький інститут. Навчання — вічний вогонь поклику, безперервна стихія думки. Байер зустрів юнака дуже тепло.

Еміль Фішер — лауреат Нобелівської премії з хімії за 1902 рік. Людина, що ще раз заперечила існування особливої «живої сили», його дослідження — джерело інформації для майбутнього аналізу й синтезу.

Історія й література пам'ятає багато прикладів творчого вдосконалення, пошуків власного «я». Знаю її лише з портретів, феміністка й жінка, особистість і витончена натура.

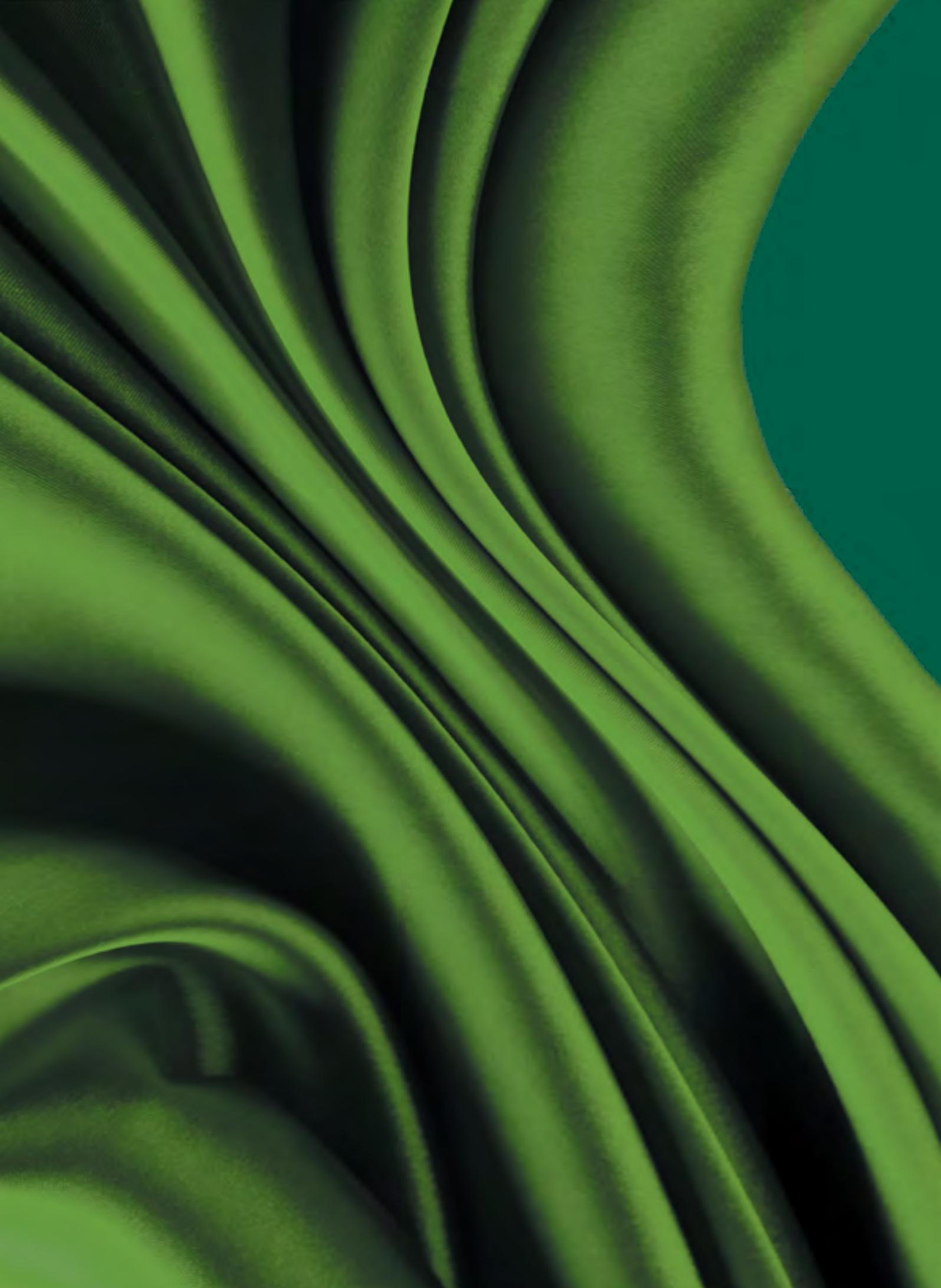
Туманна ранкова дорога. Холодна мряка. В екіпажі їхала жінка. Чорний капелюх ледь помітно прикривав обличчя. Глибокі очі світилися добротою й спокоєм.

Нещодавно надіслала оповідання «Вона вийшла заміж» до українського альманаху «Перший вінок». Редактор відхилив повість, оцінка була критичною. Це збентежило душу авторки, але не згасило ентузіазму писати.

Таким був творчий шлях Ольги Кобилянської, редактором виявився

Іван Франко. Крапля довбає камінь не силою, а часто падаючи.

Отже, поразка створює ґрунт для мудрості. Прагнення до істини — єдине заняття, гідне героя. «Самовиховання, наука та освіта — ефективний шлях розвитку людей, — писав Григорій Савич Сковорода і закликав: «Непрестанно думай, щоб узнать себя... Ищи, ступай в двери, мети хорошенько дом ... Перебирай всё...».

Образотворче
мистецтво,
фото, рукоділля

Анна Бухтата

Студентка 4 курса стоматологического факультета

С раннего детства была уверена, что обязательно буду лечить людей. После окончания колледжа я поступила в Харьковский национальный медицинский университет, где и учусь сейчас.

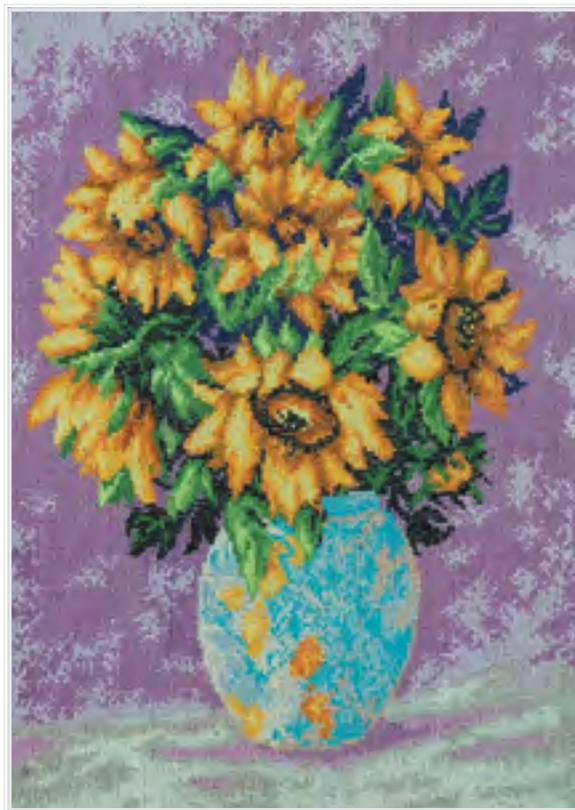
А родилась я в небольшом городке на Харьковщине. С детства меня окружала чудесная украинская природа, которая вдохновляла на создание чего-нибудь прекрасного, душевного.

Хочу, чтобы моим работам –вышивкам радовались люди, чтобы они приносили в дома моих друзей уют и красоту, передавали всем тепло моих рук, мою любовь ко всему прекрасному, что меня окружает.

Маки

Украинские подсолнухи

Український графік, живописець, член
Національної спілки художників України

Українську художницю Ніну Вербук знають в усьому світі, а в її рідному місті ім'я пані Вербук занесене до «Книги рекордів Харкова»: ще жоден серед митців Слобожанщини не влаштував такої кількості (близько сотні!) персональних виставок, як вона. А відвідувачів її вернісажів щораз зустрічають живописні полотна, на яких романтичні жіночі постаті майже завжди оточені різнобарв'ям квітів, що ростуть у полі чи в садочку, або зібрані в розкішні букети. Не бракує у творчому доробку майстрині й вишуканих натюрмортів. Хоча визначення «натюрморт», тобто зображення «мертвої природи», стосовно до картин пані Ніни видається вкрай невдалим. Бо в неї навіть зрізані квіти — живі!

Ніна Вербук

Альтанка, 2012 рік, 120x140

Натюрморт із соняхами, 2010 рік, 80x50

Янгол Україна, 2014 рік, 110x65

Гостювання, 2007 рік,
140x150

Пасхальний натюрморт, 2013
рік, 50x40

Сонячний вітер, 2008
рік, 100x100

Анна Дзюбан

Библиотекарь 2-ой категории

Родилась в городе Балаклея Харьковской области. Окончила Харьковскую государственную академию культуры. С детства люблю рисовать. Окончила художественную школу в своем родном городе. Недавно открыла для себя новое занятие - вышивку лентами.

Летняя композиция

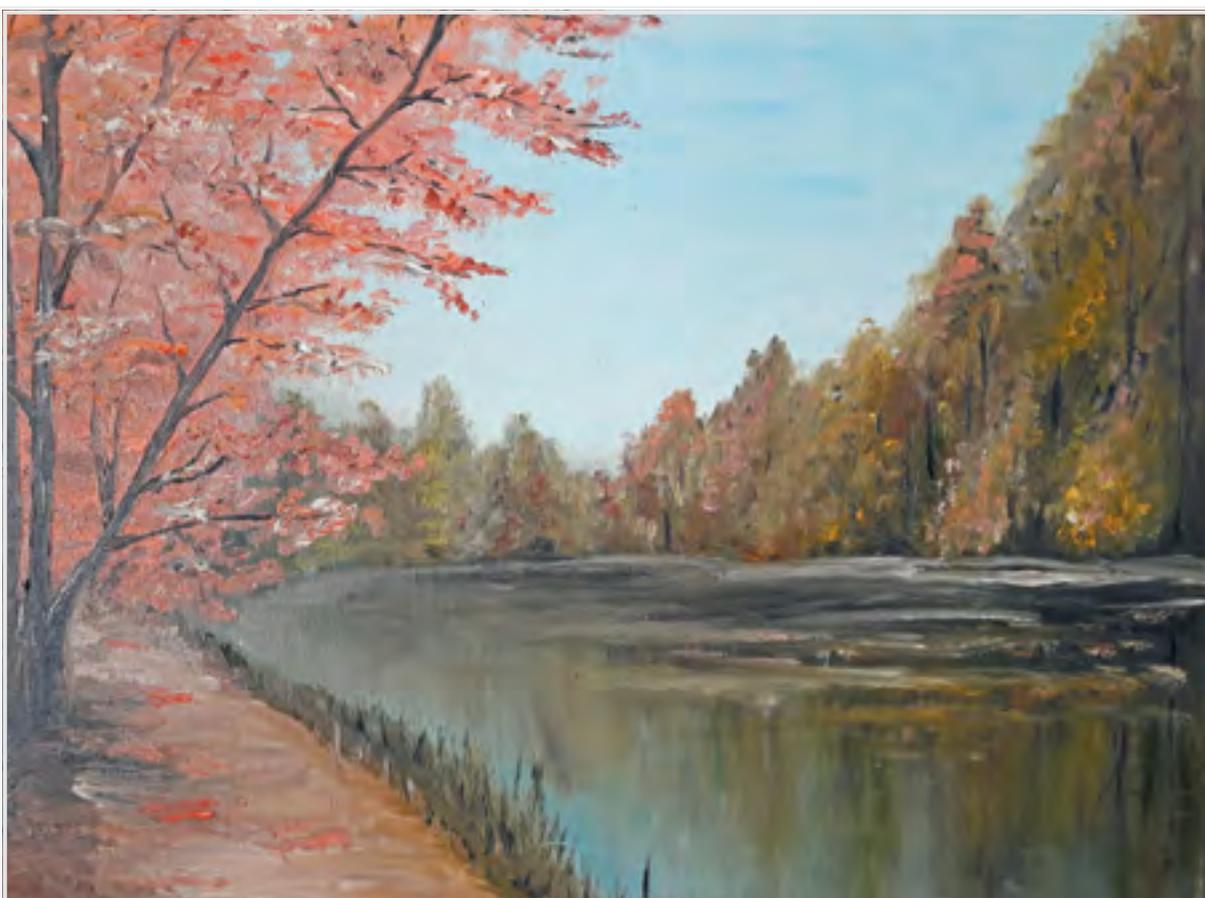
Хризантемы

Весенний букет

Осенний пейзаж

Матьяна Жарова

Студентка 3 курса II медицинского факультета

Люблю рисовать . Это мой способ самовыражения, без этого не вижу своей жизни. Училась рисовать на протяжении 10 лет в художественной школе им. Репина. Очень благодарна своей маме, которая меня за руку туда отвела и сделала рисование частью моей жизни. Рисовать- это для меня как жить...

Сумерки

В ожидании счастья

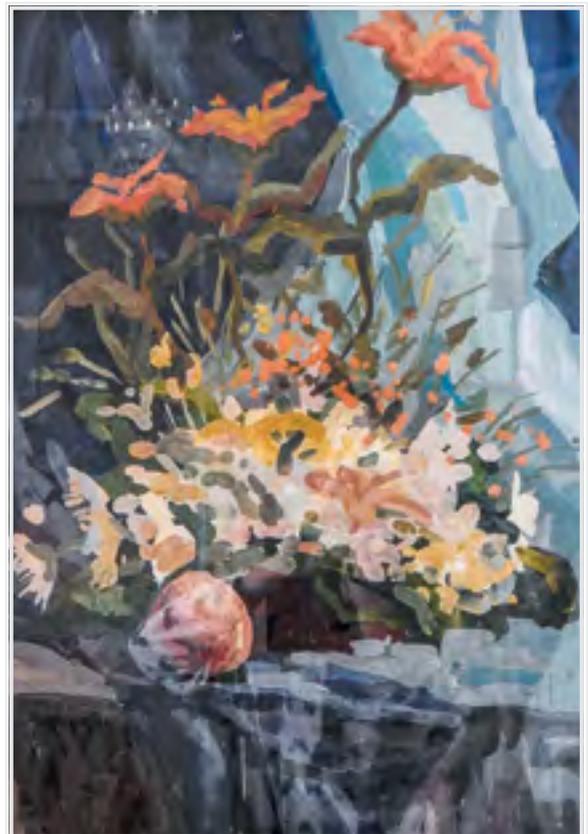

Парус одинокий

Весна на подходе

Холодний огонь

Матьяна Золотарева

Экономист планового отдела

УЛИТКА, ПОЛЗУЩАЯ НА ФУДЗИЯМУ

Улитка на вершину Фудзиямы забиралась,
и первой быть на ней уж явно не старалась.
«Чтобы достичь вершины, ни скорость и ни
время не важны,-
улитка говорила, - упорство и призвание нуж-
ны».
Какой-то странник на пути ей повстречался и
спросил:
«Ну вот ползешь ты на вершину, что есть сил,
ну доползешь ты до вершины, а дальше что?
Решила?»
«Я не на вверх ползу. Ползу в себя, и в этом
моя сила.
Пусть для меня дорога на вершину - бесконеч-
на,
я до вершины доберусь, а значит жить буду
вечно»
Странник спросил: «А может мне тебя на гору
занести?»
«Путь на вершину каждый должен сам прой-
ти!»

Алексей Горшков

Десь зозулі голос чути в лісі...

Был теплый летний вечер

Точки касания

Взгляд

Екатерина Каштан

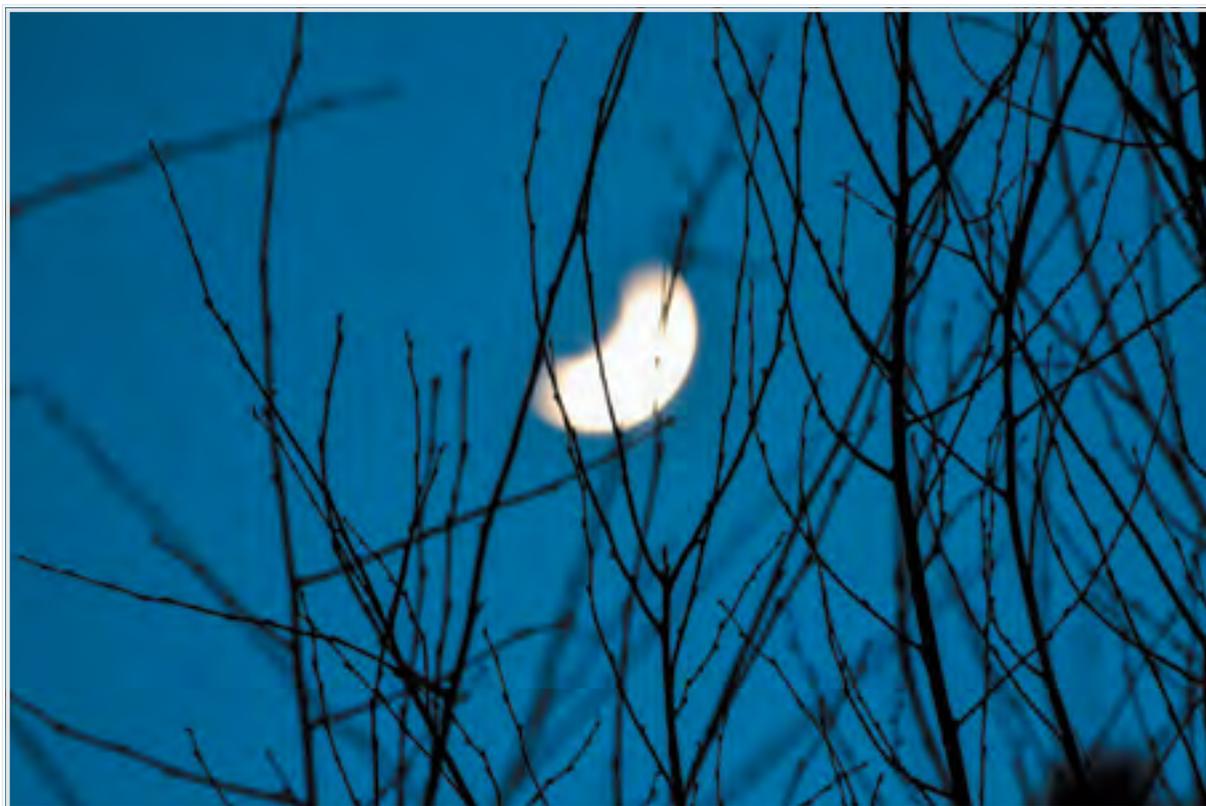

Студентка 4 курса II медицинского факультета

Родилась в городе Кременная, который славится своей живописной природой, множеством озер и прекрасных лесов. Именно красота природы родного края привила любовь к фотографии.

Свой жизненный путь я связала с медициной. Вместе с этим серьезно увлекаюсь вокалом, являюсь участницей вокального коллектива «Панатея», так как считаю, что все прекрасное лечит людей. Принимала участие в конкурсе фотографий, посвященном Дню матери, где заняла 1 место. Мои работы были напечатаны в газете «Медичний університет», рубрике Ар-терапия.

Луны загадочной очарование

Мгновение

А вот и мы

Валерій Кобута

Студент 2 курсу І медичного факультета

Про себе можу сказати так: «Творча особистість». Хист до малювання виявив, як тільки прийшов до школи. Охоче відвідував гурток образотворчого мистецтва. За свої роботи неодноразово отримував призи. Стіни рідної школи до цього часу прикрашено моїми роботами.

Але мене приваблюють не лише фарби й пензлі. Кілька років я відвідував Добропільський центр дитячої та юнацької творчості, де навчався грі на гітарі.

Окрім цього, я знаходив час і для занять у танцювальному гуртку. Продовжую займатися танцями й зараз. Вважаю, уміння гарно рухатися під музику не буде зайвим для людей будь-якої професії, зокрема й для лікарів.

На закате

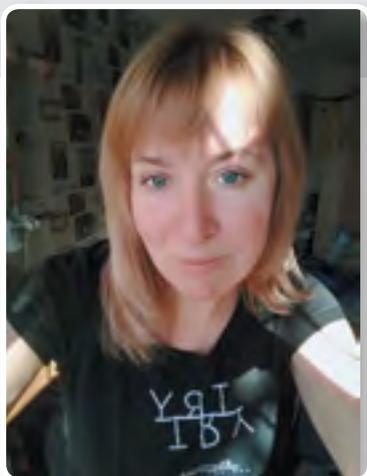

В горах

Закат

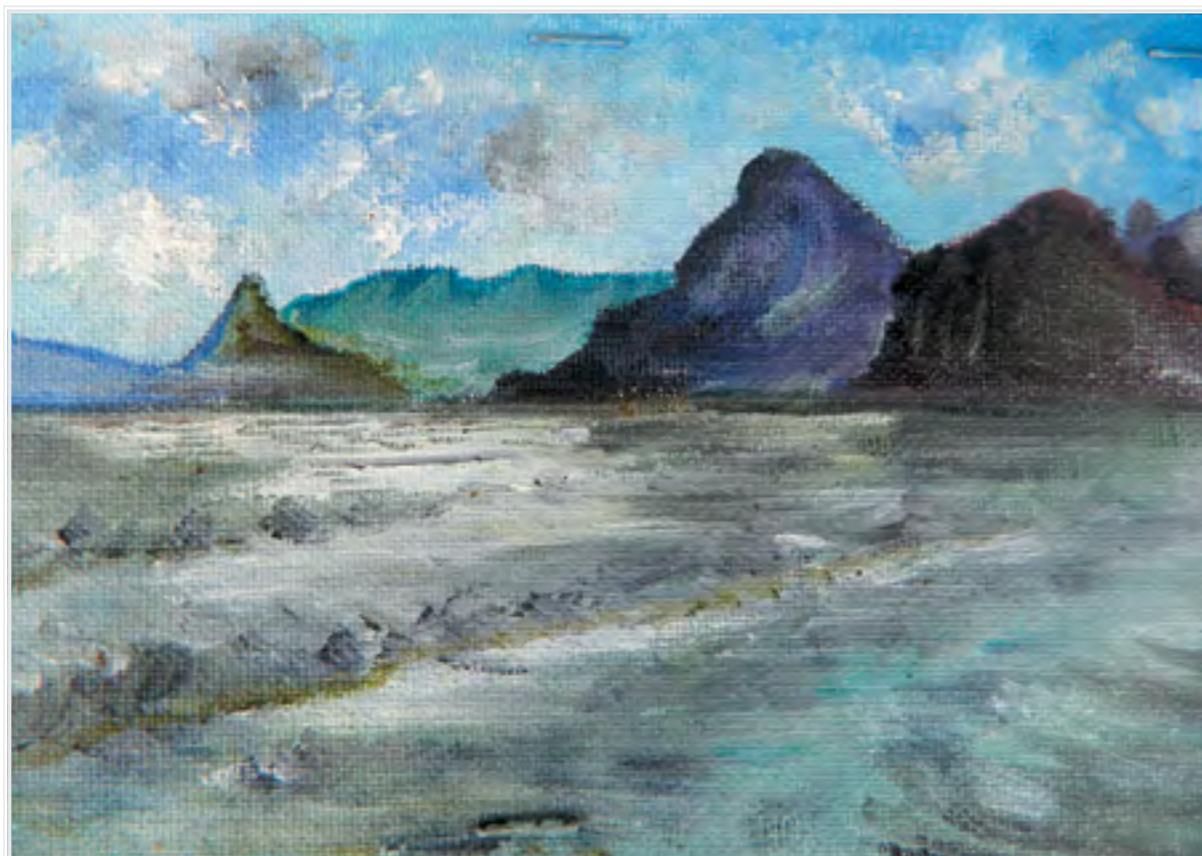
Елена Ковальчук

Доцент кафедры языковой подготовки иностранных граждан, кандидат филологических наук

Я сознательно не стала профессиональным художником, чтобы не спугнуть вдохновение. Для того чтобы рисовать, мне нужно очень мало: карандаш и бумага (часто уже разрисованная мною или другими). Вдохновляет абсолютно все: дети, море, небо, горы, цветы, слякоть и мокрый снег, весенний ветер, лучи солнца через пыльный воздух. Моя мама - художница, не получившая специального образования, но постоянно шлифующая свое мастерство в студиях и на этюдах. Я же пока провожу основное время в аудитории и за рабочим столом. Дружу с пастелью и акварелью, обожаю гелевую ручку и осваиваю акрил. Придерживаюсь правила, привитого учителем детской художественной школы им. Репина: «Думать нужно с карандашом в руках».

Новосветская бухта Холст. Масло

Мишка Пастель.Картон

Мы Пастель.Картон

Этюд Пастель.Картон

Сад Пастель.Картон

Виктор Никонов

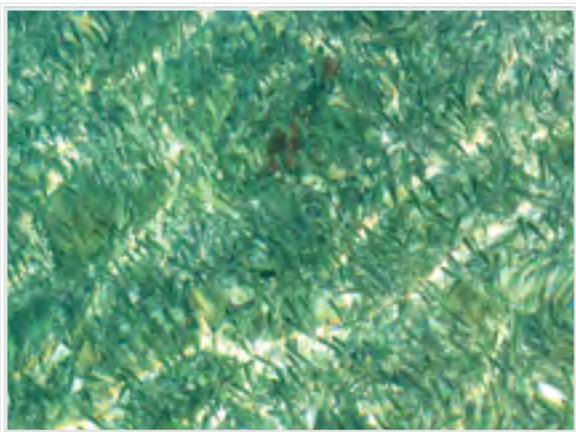

Декан стоматологического факультета,
доцент кафедры стоматологии детского
возраста, детской челюстно-лицевой
хирургии и имплантологии, кандидат
медицинских наук

Активная жизнь – это когда все делаешь чуть
лучше, чем умеешь и чуть больше, чем хочется.

Улочки Пирана Словения 2016

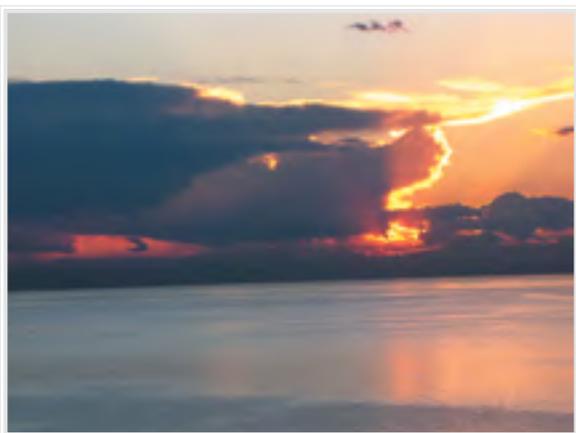

Колония мидий Пиран Словения

Колония мидий Пиран Словения

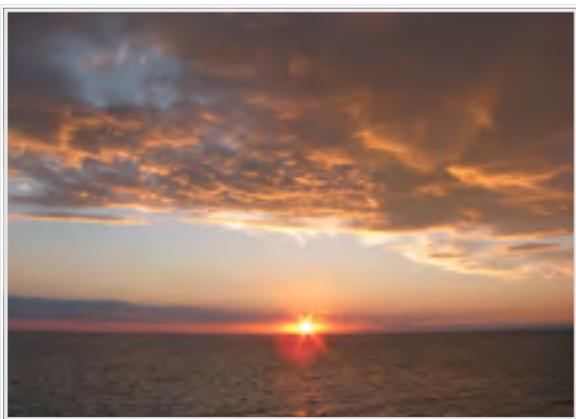

В Италии кратковременный дождь возможно гроза Пиран Словения

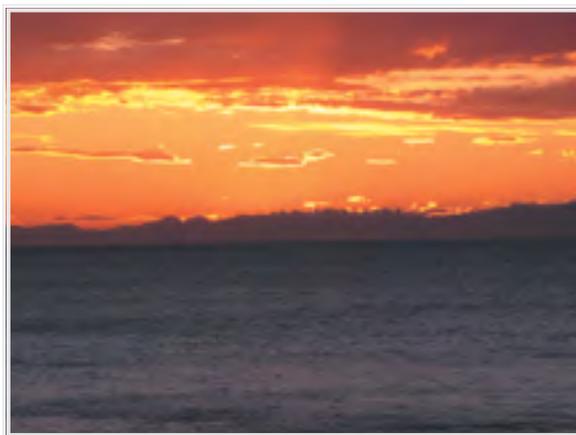

Вулканический закат Порторож Словения

Закат Порторож Словения

В Италии кратковременный дождь возможно гроза Пиран Словения

Олия Никонова

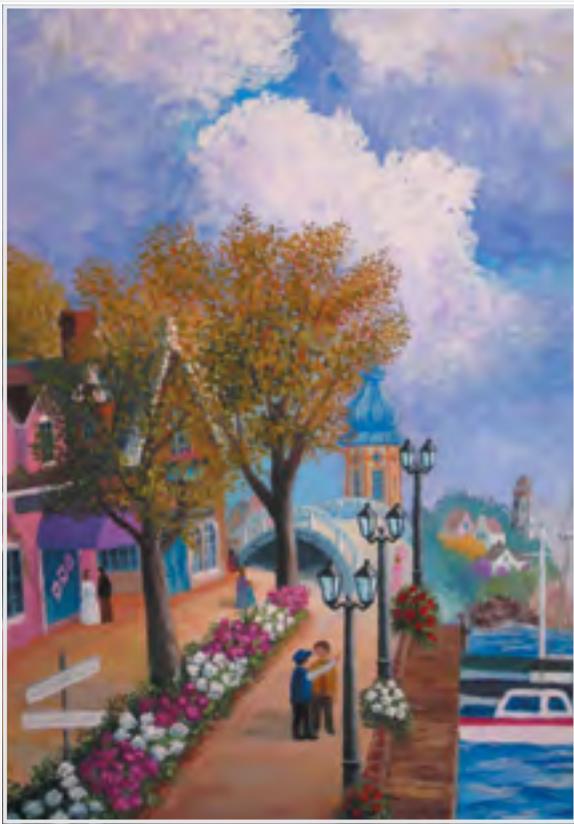

Врач-интерн Харьковского национального
медицинского университета

Количество часов в сутках у всех одинаковое.
Мы только выбираем, как ими распорядиться.

Фиалки. Холст, масло

Прогулка по набережной. Холст, акрил

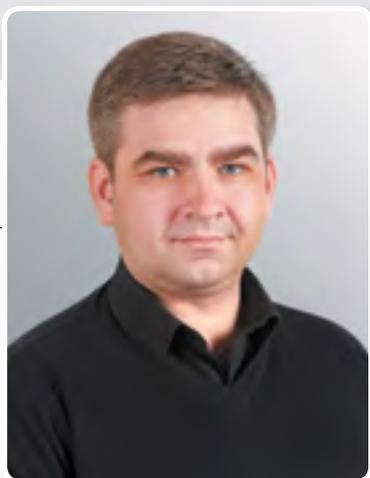

Лондон после дождя. Холст, масло

Натюрморт с тыквой. Акварель

Антон Олейник

Заместитель декана 6 факультета
по подготовке иностранных студентов,
ассистент кафедры травматологии
и ортопедии, кандидат медицинских наук

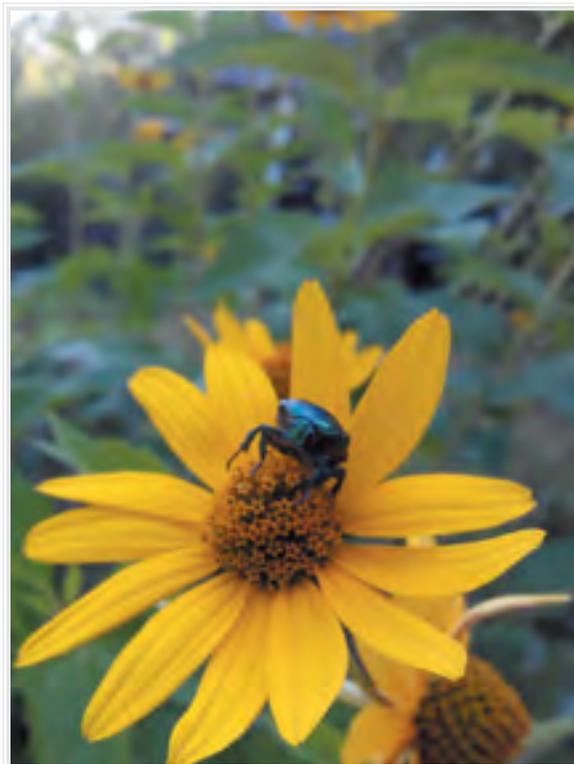
В школе увлекался фото, посещал кружок фотолюбителей при УПК от завода им. Малышева.
Люблю найти в простом сюжете что-то сложное и новое для себя и окружающих.

Кто-то смотрит на нас на Костюринском

А что же там
Каменный верблюд

На золотом троне

Елена Палий

Доцент кафедры терапевтической
стоматологии, кандидат медицинских наук

«... Так высший мир, поднявшись на ребро,
Как мусор, смел людей планеты.
Лишь тот не падал, кто ваял добро
И соткан был из творчества и света...»

Пифагор

Участник и победитель множества художе-
ственных выставок г.Харьков и Харьковской
области

Холст. Масло. Кисть. Мاستихин.

Турция. Рассвет. Холст. Масло

Трамвай. Холст. Масло

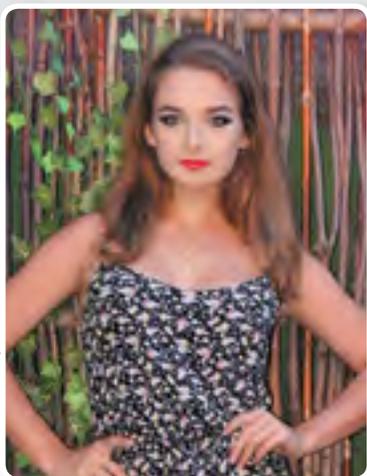

Церковный двор. Холст. Масло

Крым. Холст. Масло.

Дарина Рыжова

Студентка 2 курса I медицинского факультета

Я стала студенткой ХНМУ в 2015 году. Медицина для меня не единственный интерес. Мое любимое хобби - фотографировать. В 2014 году я окончила курсы по «Искусству фотографии». Мои любимые жанры – пейзаж, флора и фауна, архитектурная фотография, люминография и портрет. Больше всего мне нравится путешествовать и снимать все, что меня окружает. А как потом приятно, сидя дома, рассматривать свои работы и вспоминать!

родной город

дорога домой

зимняя набережная

Матьяна Саранча

Студентка 2курса 1медицинского факультета

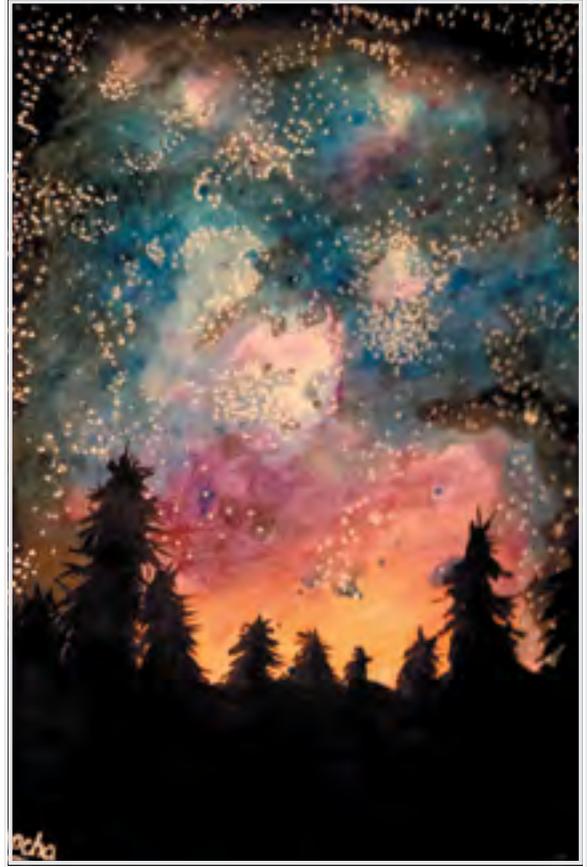
Родилась и выросла в поселке Белолуцк Луганской области. Закончила Белолуцкую гимназию с отличием. Тяга к творчеству появилась еще в детстве, при этом рисовать научилась сама и художественного образования не имею. Во время учебы в школе принимала участие в выставках, областных и всеукраинских конкурсах, где занимала призовые места. Для меня рисование — это способ передачи своих эмоций, чувств, переживаний.

Девушка Весна

Белочка

Краски ночи

Воспоминания о войне

Екатерина Соседка

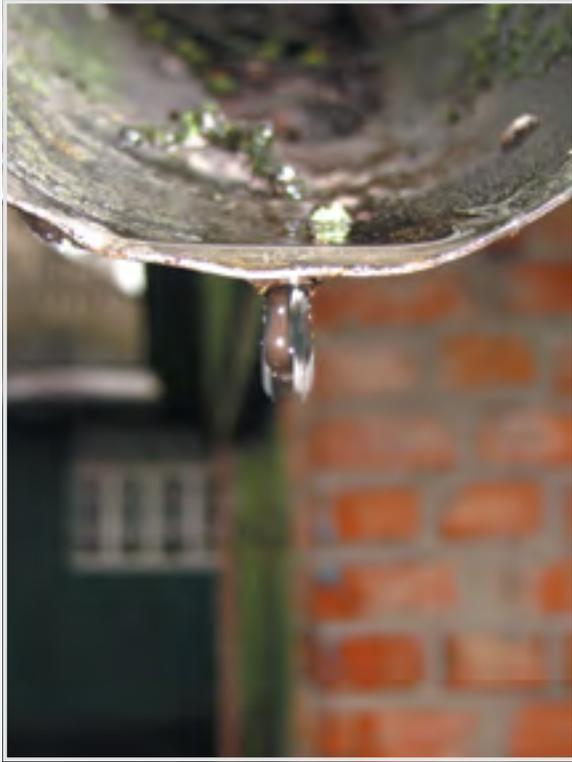
Студенка 2 курса I медицинского факультета

С прошлого года делом всей моей нынешней и будущей жизни стала медицина. Она и хобби, и род деятельности. Я погружаюсь в нее полностью и не хочу останавливаться, но все же, мне удается совмещать ее с фотографированием.

Для меня фотография — это момент, который останется запечатленным навсегда.

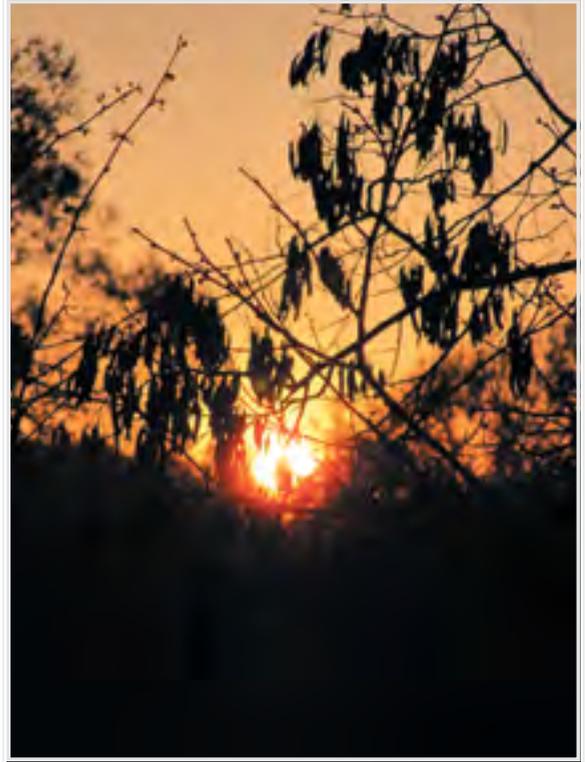
Купол

Безысходность

Игра света

Вечернее чудо

Анастасия Чехунова

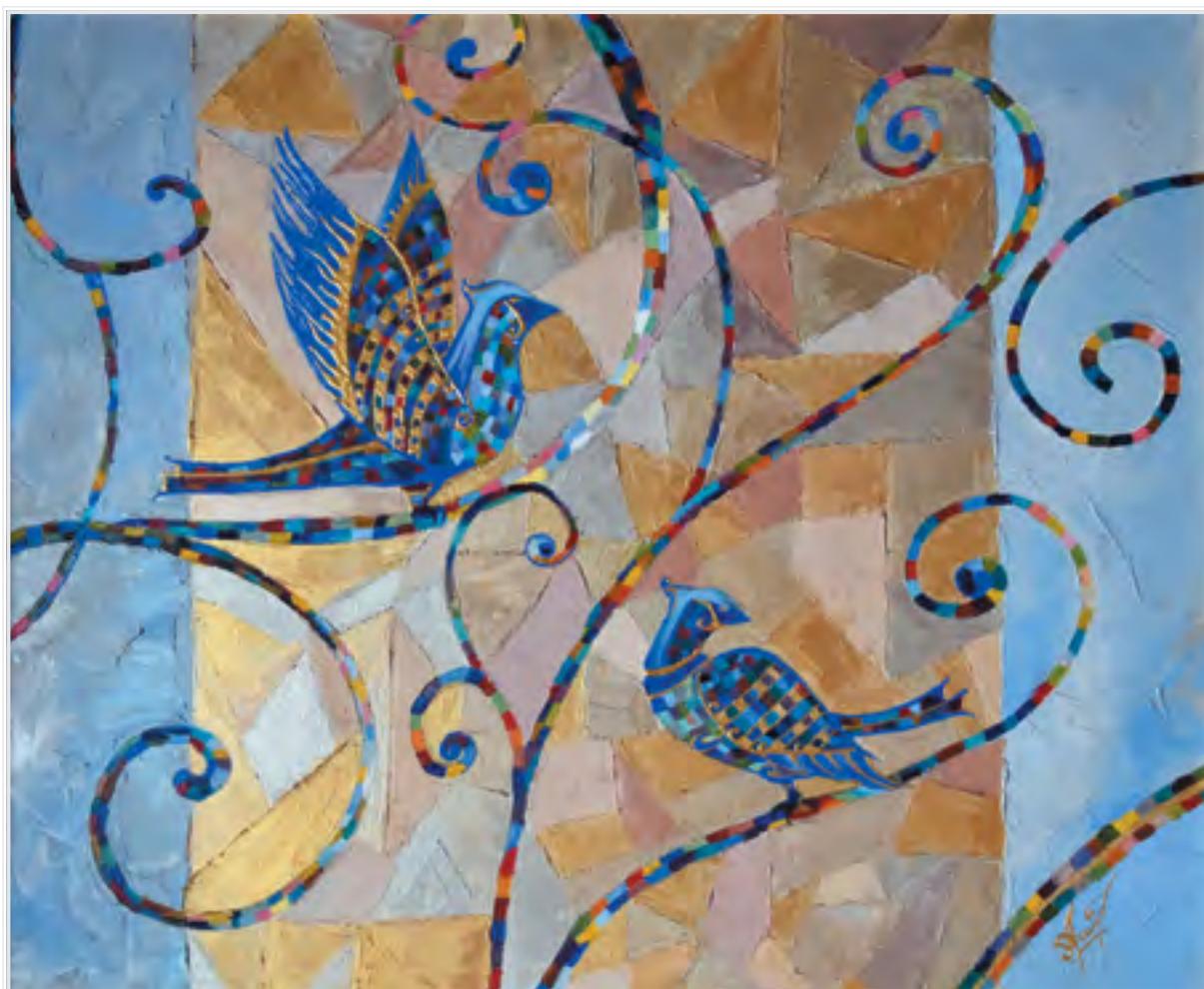

Студентка 6 курса II медицинского факультета

С раннего детства увлекаюсь живописью. Закончила художественную школу №1 им. И.Е. Репина. Неоднократно участвовала в различных художественных выставках Украины, международной выставке во Франции, пробовала себя в художественном оформлении печатных изданий. Любимый жанр живописи — сюрреализм.

Успешно совмещаю подготовку к будущей врачебной деятельности с художественным творчеством.

Кубические птицы. Холст. Масло

Ранняя осень. Пастель

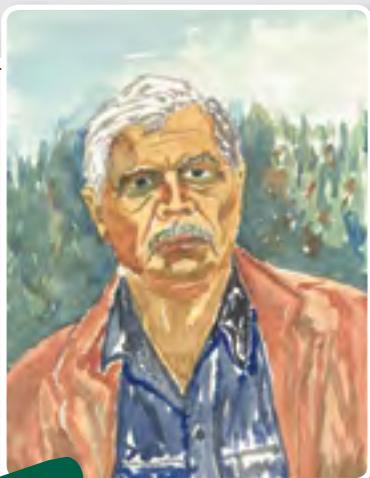
Вечерняя тропа

Графика@Натюрморт

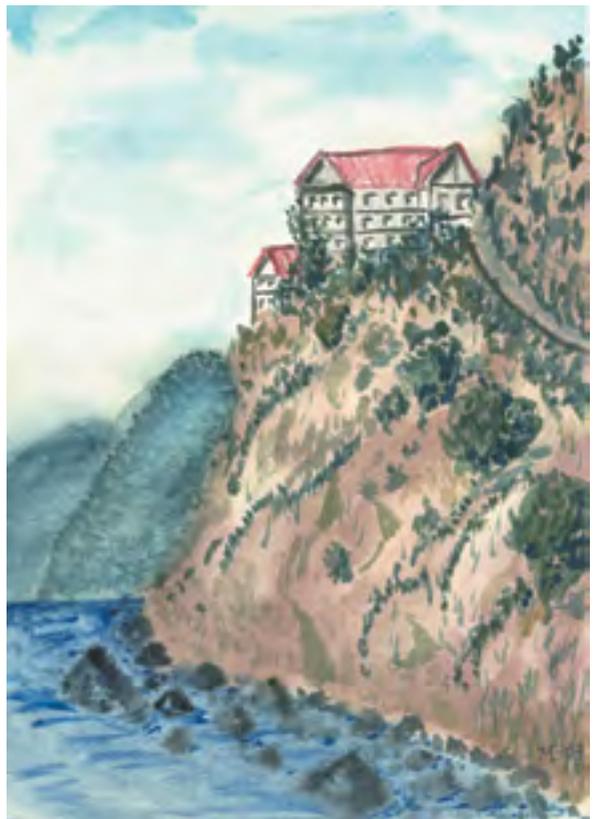
Сергей Масловский
1940 – 2016 гг.

Заведующий кафедрой гистологии,
цитологии и эмбриологии (1995–2014 г.),
профессор, доктор медицинских наук

Память

Старший преподаватель кафедры
языковой подготовки иностранных
студентов

Урина Запорожец

Господин Восхищение

Представьте себе, что вы попали на выставку картин художника, о котором ничего не знаете. Сможете ли вы по его работам составить представление об авторе? Скорее да, чем нет.

Давайте попробуем! Проследивая хронологию работ, можно приблизительно определить возраст автора. Собственно экспозиция говорит о его любви к путешествиям. А содержание картин выдает тонкую, лирическую натуру, пристально вглядывающуюся в мир вокруг.

Таким людям под силу остановить время: вот утренние сумерки в 5.20, 5.25, 5.30, вот солнце выкатывается из-за горы, и к 6 часам утро просыпается окончательно, но низкие тучи не дают ему разгуляться...

Да уж точно, этот человек живет не напрасно. Его прекрасные акварели, так похожие на тонкие пейзажи Волошина, выдают руку мастера. Он разговаривает с нами на языке своего внутреннего мира, и этот язык нам понятен, а если что-то и непонятно, то мы это домыслим сами, потому что творчество настоящего художника всегда приглашает к размышлению...

Итак, мы с вами можем сделать вывод о том, что автор экспозиции — человек зрелый, знающий толк в жизни, тонко чувствующий природу и умеющий выразить свои чувства в поэтических акварелях.

А теперь давайте совместим созданный нами образ с именем Сергея Юрьевича Масловского — профессора, доктора медицинских наук, академика международной академии интегративной антропологии, заведующего кафедрой гистологии, цитологии и эмбриологии ХНМУ (1995–2014) и... просто хорошего человека.

Я не удивляюсь этому совмещению, потому что была знакома с Сергеем Юрьевичем много лет. Однако я хорошо помню то время, когда я смотрела на него издали взглядом подчиненного на начальника и не подозревала, что за внешней суровостью скрывается поэтическая натура.

Впрочем, способности к художественному творчеству никак не противоречат научной де-

ятельности. Скорее эти две стихии дополняют друг друга, гармонично организуя жизненное пространство.

Как удалось профессору столько сделать в своей жизни — защитить две диссертации, опубликовать сотни научных работ, подготовить десяток молодых ученых — кандидатов наук и при этом написать более 130 акварелей и организовать экспозицию пяти персональных выставок акварельных работ — этим вопросом интересовались все, кому доводилось общаться с Сергеем Юрьевичем. Он отшучивался.

Но, думаю, я знаю ответ: трудолюбие и требовательность к себе, умноженные на природную одаренность, лежат в основе его успеха.

Надо сказать, что не каждому профессиональному художнику удастся получить для демонстрации своей экспозиции самый престижный зал города — выставочный зал Харьковского художественного музея, и юбилейный вечер в стенах художественного музея — безусловный знак уважения и признания таланта профессора Масловского самыми авторитетными экспертами мира изобразительных искусств Харькова. Его работы остались в фондах музея.

Говоря о своей жизни, Сергей Юрьевич любил цитировать латынь: «Feci, quod potui, faciant meliora potentes» — сделал что мог, пусть кто может, сделает лучше. Слова человека, познавшего мудрость жизни. Лучше мог сделать только он сам — Господин Восхищение...

Сергею Юрьевичу Масловскому посвящается

Он ушел неожиданно, неправильно как-то, слишком рано. Так мне кажется. Но Создатель решает сам — когда... и кому... и как. Главное — как. Одни уходят медленно и мучительно, им дается время на осознание своих ошибок и покаяние, на то, чтобы успеть попросить прощения у тех, кого обидели, кому причинили боль, кого посчитали возможным для себя наказывать и осуждать. Другие уходят легко и светло. Иногда во сне. Человек даже не успевает понять, где грань перехода в тот мир, в который большинство не верит. Не верят, но боятся. Если не веришь, то почему боишься? Наверное, потому что подсознательно чувствуешь, что он, этот невидимый мир существует. Что в нем все не так, как в нашей материальной жизни. Самое главное, что там невозможно скрыть ложь, предательство, зависть. В том мире вообще ничего невозможно скрыть. Нельзя сделать вид, что веришь, а сам смеешься над тем, кого обманываешь. Ведь это глупость — думать, что обманываешь других! Человек, который солгал, обманывает только себя. Только себя. Ему кажется, что он — такой умный, такой хитрый, всех обвел вокруг пальца. А на самом деле? На самом деле он совершил еще один шаг к тому миру, где души отрабатывают свои грехи земные. Сколько им понадобится времени, чтобы душа очистилась от грехов и ошибок, я не знаю...

Зато я знаю другое.

Сергей Юрьевич ушел быстро. Он легко шагнул в мир Светлый. Там не болит сердце. Там души общаются и занимаются добрыми делами.

Они помогают тем, кто просит о помощи. Такое мое убеждение. Сергей Юрьевич ушел в тот момент, когда его душа радовалась. Он осуществил свою мечту о путешествиях, о новых горизонтах, о новых красках нашего прекрасного мира. Уверена, что с ним были краски и кисточки, и он на рассвете обязательно встречал солнце в тот самый миг, когда его первые лучи золотят светлеющие небеса.

Он был огромный труженик, влюбленный в свое дело. Мастер. Человек, достигший мастерства, Со-Трудник Господа, со-творец, человек, идущий своим Путем и преобразующий окружающий мир. Его профессиональные качества лучше опишет коллега, а я лишь коснусь его творчества.

Когда я смотрела на его прозрачные картины, мне всегда хотелось научиться рисовать, как он. Без карандаша. Легкий мазок акварелью — и небо! Еще мазок — и лучи, пронзают тучу, еще мазок — и морская волна расступается под тяжестью поднимающегося солнца, набирающего золото и распыляющего его по Земле, по морям и рекам, лесам и полям... Еще мазок — и летние травы словно прорастают из утреннего тумана, или плакучая ива, или береза под снегом, или ... да много еще всяких или. Он мог нарисовать за 20 минут три, четыре разных солнечных восхода. В этом плане мне до него очень далеко. Я свои картины рисую часами, а иногда и не один день. Мои краски ложатся плотно, не пропуская воздух и солнечный свет. Для того чтобы научиться легкости рисунка, я много раз подробно рассматривала его картины. И пробовала делать, как он. У меня не получилось. Пока не получилось, но я еще учусь. Мне еще многому нужно научиться. А Учитель уже ушел. Так неожиданно. Так быстро... и так светло. Раз — и он уже там, где много-много света.

Сразу к уходу человека не привыкнешь. На это понадобится время.

Но, думаю, что Учитель никогда не оставляет своих учеников. Он продолжает жить в них, в их делах и работах. Он — словно невидимое увеличительное стекло, через которое ученик смотрит на свою работу и видит ошибки. Без этого нельзя. Конечно, Учителю ошибки видны сразу. Но чтобы так видеть, нужно пройти Путь Ученика полностью и самому стать Учителем. Кому-то это дано, кому-то нет. Сергею Юрьевичу Масловскому это было дано.

Зміст

Поезія, проза	5
Аліна Абрамова	6
Алла Алексєєнко	7
Маргарита Бірюкова	9
Н.Воо	14
Юлія Гречаніна	18
Наталя Гужва	22
Петро Джерелянський	23
Андрій Заздравнов	28
Даниил Іпполітов	32
Юлія Косенко	33
Валерія Козак	34
В'ячеслав Лапшин	36
Роман Олентєв	40
Василь Ольховський	42
Жаннета Перцева	44
Гаррі Сет'ян	47
Ганна Сирова	49
Тетяна Чайченко	50
Вероніка Чіркунова	52
Діана Яковлєва	54
Образотворче мистецтво, фото, рукоділля	57
Ганна Бухтата	58
Ніна Вербук	59
Ганна Дзюбан	62
Тетяна Жарова	64
Тетяна Золотарьова	66
Катерина Каштан	68
Валерій Кобута	70
Олена Ковальчук	72
Віктор Ніконов	74
Юлія Ніконова	76
Антон Олейник	78
Олена Палій	80
Дарина Рижова	82
Тетяна Саранча	84
Катерина Сосєдка	86
Анастасія Чехунова	88
Пам'ять. Сергій Масловський	90
Ірина Запорожець	93
Олександра Яковлєва	94

В альманасі зібрано твори різної тематики та жанрів, які присвячені темам кохання, віри в Бога, улюбленій професії тощо. Автори діляться з читачами переживаннями, які переповнюють душу, висловлюють повагу та любов до Батьківщини.

Рекомендовано широкому колу читачів.

Літературно-художнє видання

Початок століття

Альманах

Творчі шукання співробітників,
викладачів і студентів
Харківського національного
медичного університету

*Відповідальній за випуск І.В. Летік
Дизайн та комп'ютерне верстання В. Ск!п, А. Победіна
Редактор С.О. Краснікова
Коректор Є.В. Рубцова*

Формат 64×90 1/8. Ум. друк. арк. 12,0.
Тираж 1000 пр. Зам. 424.

ХНМУ
м. Харків, 61022, пр. Леніна, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №3242 від 18.07.2008 р.

Виготовлювач Здоренко Михайло Іванович
вул. Гвардійців Широнінців, 50, м. Харків, 61136
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК №5197 від 31.08.2016р.